

Мстислава Черная

В
ЗЛОДЕЙКА

В деле

Annotation

Угодила в мир книги, в тело второстепенной героини, обречённой на бесславный конец? Вот уж нет! Я брошу вызов судьбе, перепису историю и докажу, что принцессу напрасно считают бесполезной. Раз уж я злодейка, может быть, мне перевернуть империю вверх дном?

- [Злодейка в деле](#)
-

Злодейка в деле

Мстислава Чёрная

Глава 1

— Ты мне не мать! — в запале кричит Даша и сбрасывает вызов.

Я тяжело вздыхаю. Рука тянется набрать повторно, и хочется, если честно, накричать в ответ, но я напоминаю себе, что Даша тяжёлый ребёнок, и прячу телефон в карман, подальше от соблазна. А чтобы отвлечься, ложечкой подцепляю опавшую пенку остывшего капучино, слизываю. Пузырьки пенки лопаются на языке, а интерьер кофейни расплывается перед глазами. Я смаргиваю пелену слёз. Я взрослая, мне не положено обижаться и плакать, верно? Но я ведь не железная...

Мне очень больно.

Семь лет назад Даша отпраздновала свой четырнадцатый день рождения с друзьями и ехала с родителями домой. На встречу вылетела фура. Лобовое столкновение. Её родители, мои сестра и зять, погибли на месте. Даша, сидевшая, на заднем сиденье выжила. До приезда скорой и спасателей она оставалась в сознании. Мне даже думать страшно, что она пережила, зажата в смятом автомобиле. Чудо, что она сохранила рассудок.

Естественно, я не могла допустить, чтобы Даша попала в детский дом. Я оформила опеку, и поначалу мне удалось наладить отношения. Мне казалось... Даша вела себя тихо, пришибленно, подолгу тарасилась пустым взглядом в стену, послушно занималась с психологами, часто плакала. Когда ближе к восемнадцати она вдруг взбунтовалась, я искренне обрадовалась. Решила, что ребёнок оттаивает, что начался запоздалый переходный период, что со временем всё устаканится, наладится. Наивно... У нас с Дашей шесть лет разница, и воспитателя из меня не получилось. Хах, какой воспитатель? Я тогда сама девчонкой была. Взвалила на себя ношу, с которой не справилась. Даже роль старшей подруги не осилила.

Я звякаю ложечкой о блюдец, поднимаю чашку обеими ладонями и делаю глоток. Остывший кофе горчит.

Определенно, пора что-то менять. Добавить сахару, купить билет на самолёт. Сколько можно? Ради Даши я бросила институт, отказалась от карьеры и долго работала курьером на полставки. Это было моё решение, мой выбор. Но, чёрт побери, дальше так продолжаться не может.

— Боже-боже! — вскрикивает шатенка за соседним столиком.

Я недовольно морщусь на нарушительницу покоя, поворачиваю голову и не верю своим глазам. Сбоку валят густые чернильно-чёрные клубы, дым с поразительной быстротой заполняет зал. По ушам ударяют крики заметивших неладное людей и грохот опрокидываемой мебели.

Крики перекрывает вой сирены, а между завываниями с потолка раздаётся голос администратора:

— Уважаемые посетители торгового центра, это не учебная тревога. Просьба как можно скорее проследовать к аварийным выходам и покинуть здание. Повторяю, это не учебная тре...

Объявление обрывается на полуслове. Теперь сирена воет не переставая. Люди разбегаются.

Лифтом при пожаре пользоваться нельзя. А эскалатором? Люди в панике мечутся во всех направлениях. Огня не видно, но дыма всё больше и больше. Я пригибаюсь к полу, воротом блузки закрываю нижнюю половину лица и со всех ног бегу к нормальной бетонной лестнице, но почему-то упираюсь в тупик с магазином игрушек.

— Помогите, кто-нибудь!

Воет сирена.

Я захожусь в приступе сухого кашля, пытаюсь сообразить, где я ошиблась и почему свернула не туда. Получается, я проскочила аварийный выход? Я слышу крики вдалеке, но рядом никого. Я мешкаю в тщетной попытке схватить побольше воздуха. Выход должен быть рядом... Ноги предательски подкашиваются, голова кружится от недостатка кислорода, я уже не иду, а ползу. В дыму ничего не видно, словно на коридор напала ночь.

Мне не выбраться, да? Где бы ни прятался выход, сейчас я бодаюсь со стеной. Я задыхаюсь от кашля.

Дрожащими пальцами я вытаскиваю телефон:

— Ну же, не сбрасывай. Алло, Даша? Послушай, я не хотела тебя обижать. Мне жаль, что я тебя расстроила. Я хочу, чтобы ты знала, что

несмотря ни на что, я люблю тебя. Всегда любила.

— Э-эй, что на тебя нашло?!

Ура, не сбросила!

Я всхлипываю и широко улыбаюсь сквозь слёзы.

— Даш, тут в магазине пожар, а я, представляешь, заблудилась, — я продолжаю шарить по стене в поисках аварийного выхода, ползу, но поговорить в последний раз мне кажется важнее, чем преодолеть лишние пару метров. — Глупо, да? Послушай, я правда тебя очень люблю. Между нами было много всякого разного, — я захлёбываюсь словами, торопясь высказаться.

— Прекрати! Это нечестный приём! Я не буду пить и приеду вовремя, только прекрати!

— Даш, знай, что я никогда ни в чём тебя не винила. Больше никаких запретов. Я только прошу тебя, береги себя и проживи счастливую долгую жизнь. Я люблю тебя.

Руки и ноги больше не слушаются. Телефон выскальзывает из пальцев, перед глазами темнеет.

— Эй! Алло!

Даша на том конце паникует. Бедная девочка. Прощай... Всё, что я могу, это представить, как обнимаю её. И вдруг происходит что-то странное. Дымовую штору кто-то сдёргивает, и я оказываюсь на незнакомой дачной веранде. Повсюду бутылки, пустые и ещё полные — это первое, что бросается в глаза. Небритый парень завалил постанывающую девицу в углу прямо на дощатый пол и совершенно не стесняется зрителей. Две крашеные блондинки с одинаковым пирсингом в носу пьют прямо из горлышек. Четверо, матерясь, режутся в карты.

— Алло! Ответь же!

Я бросаюсь к Даше. Она за время разговора спустилась в сад и остановилась у старой яблони с растрескавшейся корой.

— Я здесь! — зову я.

Она не слышит, продолжает кричать в телефон.

— Даха, гребни сюда! — одна из блондинок машет недопитой бутылкой.

— С тётей что-то случилось. Алло же!

— Да чтоб она сдохла уже!

Даша вздрагивает, будто её ударили, мотает головой.

И вдруг произносит то, чего я не ожидала:

— Тётя, прости, я тоже люблю тебя.

— Даш, я же здесь, не плачь. Посмотри, я в порядке, — я протягиваю руку, хочу погладить Дашу по плечу, привлечь внимание прикосновением, но пальцы проходят сквозь одежду, будто я не я, а голограмма.

Я испуганно отдёргиваю руку. Что за чёрт? Оказавшись на веранде, я не дала себе труда задуматься, но ведь мгновенное перемещение — это абсурд. И дружки Дашины, ни сама Даша меня не замечают, хотя я стою открыто у всех на виду.

— Даха! — орут с веранды.

Даша вздрагивает на каждый окрик, но стоит.

То, что я вижу дальше, повергает меня в ужас. На шее у Даши дёргается чёрная петля, а конец поводка тянется на веранду. И я ни секунды не сомневаюсь, что петля не возникла прямо сейчас, она существует очень давно, возможно, с того самого дня трагедии.

Откуда я знаю? Это способности привидений? Хотя, учитывая, что меня никто не видит, наверное, правильнее считать себя неуспокоенным духом. Да какая разница?! Меня заботит сейчас не собственная смерть и не посмертие, которое я всегда считала утешительной выдумкой.

Если Дашу коснуться я не могу, то петлю подхватываю с необычайной лёгкостью. Чернота ошпаривает пальцы, контуры ладоней с тихим, слышимым мне одной шипением начинают растворяться, но я тяну узел. Я не сразу замечаю охватившее мои пальцы розовое сияние, оно испаряет черноту.

Прекрасно — я могу уничтожить и петлю, и поводок. И я это делаю!

— Даха, говорю!

— Да пошли вы! — рывкает освобождённая Даша. В сторону дружков она теперь смотрит с ужасом и гневом.

Я обнимаю её со спины, целую в щёку и делаю то последнее, что могу. Встряхиваю розовый свет как пуховое одеяло, и окутываю им Дашу. Теперь моя любовь с ней навсегда, как и моя защита.

Я отступаю улыбаясь. На меня накатывает волна слабости. Когда-то я читала фэнтези, и там, привидение, потратившее слишком много энергии, развоплощалось навсегда. Я снова смотрю на свои руки. Ну

вот, я таю, как пломбир в июле. Я чувствую, что моё время подходит к концу, но я вполне счастлива.

— Тётя, я люблю тебя! — кричит Даша в телефон. — Живи, пожалуйста!

— Всё будет хорошо, Даш.

Меня ослепляет вспышка. Последнее, что я вижу — как вместе с выкриком от Даши вырывается свет, не моё розовое одеяло, а её собственный, перламутровый, завораживающе-прекрасный, подхватывает меня и сдувает, как летний ветерок пушинку одуванчика, а Даша бросается прочь с дачи.

Неожиданно, но я не исчезаю.

Когда я открываю глаза, я обнаруживаю себя вполне телесной, лежащей на безразмерной кровати. Чешется левая пятка, а под ладонью ощущается что-то приятное, шелковисто-скользкое, прохладное. Приподнявшись на локте, я осматриваюсь.

Я попала то ли в снежное море, то ли в гущу взбитых сливок. А как ещё назвать пушистую перину и не менее пушистые подушки в количестве... штук пять, не меньше. И всё это затянуто в ароматный белоснежный шёлк. После гари и дыма вдыхать лёгкий цветочный флёр особенно приятно.

Глаза довольно быстро устают от однообразия — комнату скрывает плотный полог, я сижу в постели, как в коконе.

Странно...

Любопытно и капельку неловко, потому что это явно чужая постель. Я приподнимаюсь на локте. Подол сорочки успел задраться и обнажить костлявую коленку. С каких это пор у меня ноги кузнечика? Да и руки... излишне тощие. Хм. Первое ошеломление проходит, и мысли возвращаются к Даше. Конечно, есть вероятность, что я лежу в ожоговом отделении и вижу слишком реалистичный сон, но я бы на это не рассчитывала. Даша... Ей будет тяжело, но я верю, что она справится и прислушается к моим последним словам, не зря же я от петли избавилась. Мне, кстати, тоже стоит последовать собственному совету — жить долго и счастливо. Я здесь, потому что Даша напоследок от всей души пожелала “живи”? Пока нет другой информации, буду считать так.

Я мысленно отправляю Даше последнюю прощальную улыбку. С Дашей осталась моя любовь, Даша справится. А я не имею права

пустить по ветру подаренный мне шанс.

Решительно отдёрнув полог, я спускаю босые ноги на пол, в новую жизнь, и встаю.

— Вау.

Огромное пространство, выдержанное в бело-голубых тонах, встречает меня простором, мягкой мебелью и причудливым трюмо. Ворс паласа приятно щекочет стопы, и я устремляюсь к зеркалу, чтобы воочию подтвердить свои подозрения.

В стекле отражается юная блондинка, на вид лет восемнадцать-девятнадцать. Цветущая, розовощёкая, на мой вкус чрезмерно худая, но это уже мелочи, ведь главное — я жива! И, судя по интерьеру, весьма состоятельна. Не крестьянка, не уборщица.

— Ваше высочество, доброе утро, — дверь открывается, и в спальню, не дожидаясь разрешения, входит девчушка, одетая в голубое платье, словно нарочно подобранное в тон интерьеру.

Пышный передник и чепчик на голове намекают, что пришла служанка.

— Хм? — единственный звук, который мне удаётся издать.

Внешний мир вторгся в мой кокон, когда я морально к этому ещё совершенно не готова.

Служанка то ли не замечает моё недовольство, то ли игнорирует, и продолжает восторженно щебетать:

— Как хорошо, что вы проснулись, ваше высочество! Император передал, что уже ждёт вас.

Император?! Финиш... Или, вернее, нокаут.

Приготовления проходят как во сне. Единственная мысль, которая всё это время бьётся в моей голове — притвориться больной. Но здравый смысл побеждает. Я понятия не имею, как император отреагирует на мою отговорку. Вероятно, пришлёт врача, а тот разоблачит обман. Нельзя так сходу подставляться, а значит, не идти тоже нельзя. Да и, прячась за пологом кровати, сколько ни оттягивай, подготовиться к встрече я не сумею.

Не знаю как, но буду импровизировать.

— Как вам, ваше высочество? Вам так идёт, вы особенно восхитительны, — служанка закалывает мне причёску несколькими крупными гребнями и отступает на шаг, чтобы я могла оценить результат её усилий.

Из предложенных вариантов я наугад ткнула в нежно-лиловое с синими вставками платье и должна признать, что оно действительно мне к лицу. Служанка льстит, но не врёт.

— Годно, — поджимаю я губы, плохим настроением маскируя нежелание много говорить, потому что болтовнёй я себя непременно выдам.

Комплименты я пропускаю мимо ушей. Ещё раз оглядевшись, я выбираю двустворчатые двери, ведь ни в купальню, ни в гардеробную мне не нужно. Какое помещение скрывается за третьей неприметной дверцей, я не знаю, но вряд ли мне надо туда.

Служанка следует за мной, отставая на пару шагов, удивления не выражает, то есть направление я выбрала верное. Когда я приближаюсь к створкам, служанка меня обгоняет. Затылком не поворачивается, держится полубоком и распахивает обе створки.

Я выхожу... Будуар, вероятно? На гостиную похоже. Если в спальне просторно и царит минимализм, но в стиле роскоши, то здесь, практически, захламлено. От всевозможных кресел, столиков, напольных ваз и комодов до одури тесно.

— Доброе утро, ваше высочество!

Ух, я в нагромождении мебели и антиквариата умудрилась проморгать девушек, причём не одну, а сразу двух.

Я прищуриваюсь. Чепцов нет, платья в синей гамме, но не как у служанки простое и строгое, а нарядные, между собой платья отличаются и оттенками, и фасоном, и отделкой. Серёжки в ушах, волосы собраны и заколоты.

Принцессам полагаются фрейлины, верно? Девушки выглядят юно, моложе моего отражения. Наверное, им лет пятнадцать-шестнадцать.

Пока я размышляю, они стоят, склонившись в реверансе.

— Доброе утро, — запоздало отвечаю я.

Фрейлины, пока буду мысленно называть их так, несмело выпрямляются. Та, что слева, бросает на меня из-под ресниц опасливый взгляд. Не поняла... Они опасаются саму принцессу или промедление с ответным приветствием означает немилость? Как бы то ни было, у меня нет времени разбираться — император ждёт.

Служанка остаётся в будуаре. Вторые двери открывают фрейлины, они же берут на себя роль свиты.

— Принцесса, его императорское величество ожидает вас в Лазурной столовой, — подсказывает “левая”, только от подсказки легче не становится.

Я, почти не обращая внимания на интерьеры, прохожу анфиладу залов и, попав в огромный вестибюль, теряюсь. Укрытая ковром лестница, вероятно, парадная, убегает вниз. А мне куда? Я кошусь на фрейлин, но без толку, обе смотрят в пол. Спрашивать опасно — вызову подозрения. Я отчётливо понимаю, что признание в своём перерождении не приведёт ни к чему хорошему: запрет, как умалишённую, отправят на костёр...

По пути я никого не встретила, дворец поразительно пуст.

Я могу ошибаться, но... Званный ужин и семейный завтрак, по идее, должны проходить в разных столовых. Опять же, если бы столовая была одна, фрейлины бы не уточняли, в какой именно меня ждут. И если званный ужин я легко могу представить на первом этаже, то семейный завтрак — нет. Я устремляюсь в широкий коридор.

Затянутые в бордовые мундиры караульные гвардейцы, щёлкнув каблуками, отдают мне честь.

Хм...

В коридоре вновь безлюдно, но у одной из боковых ничем не примечательных дверей снова стоит караул. Это подсказка?! Я приближаюсь, и вновь гвардейцы приветствуют меня, беспрепятственно пропускают. Я попадаю в небольшое помещение. На ум сразу приходят тамбур или предбанник.

Краем глаза я замечаю, как фрейлины отступают к стене, а дежурящий у очередных дверей лакей кланяется мне, распахивает створки и громогласно докладывает:

— Прибыла её императорское высочество принцесса Крессида Небесная!

Как-как?! Я уже знаю это имя... Но таких совпадений не бывает!

Глава 2

Император в той истории описывался синеглазым блондином, неизменно носящим три кольца — одно с сапфиром, родовое, второе серебряное, надетое ему на левый мизинец потерянной первой женой, третье обручальное, символ второго брака. Если и внешность, и кольца совпадут, то я не знаю, что и думать.

Разве любовное фэнтези не вымысел? Принцесса Крессида Небесная второстепенная героиня романа, который я читала пару недель назад.

Каменную столешницу удерживает изваяние свернувшегося клубком дракона. Завтрак накрыт, но император до сих пор не притронулся к приборам. И да, он блондин с глазами цвета грозового неба, ошибка исключена. Статный, атлетичного телосложения, выглядит лет на тридцать, хотя гораздо старше. По спине пробегают мурашки. Сглотнув, я приседаю в реверансе и разом отмечаю все вопросы — как я могла стать иномирной принцессой, откуда я знаю язык и куда делась душа настоящей Крескиды. Прямо сейчас ответов мне не найти, а значит не о чем беспокоиться.

— Доброе утро, Креси.

— Доброе утро... отец.

Лакей отодвигает для меня стул.

Неужели я единственная приглашённая? Роман был написан с точки зрения главной героини, рядовой дворцовой горничной, как водится в любовных романах, получившей сердце принца и трон в придачу. Императорские завтраки в истории едва ли упоминались.

Что я помню... Император требователен к сыновьям, до сих пор в душе скорбит по горячо любимой безвременно ушедшей первой супруге, пренебрегает второй женой, с которой его связала исключительно политическая необходимость, не любит рождённого от неё младшего принца и обожает принцессу Кресси, унаследовавшую мамину внешность. Принцессу он всячески балует, потакает любым капризам. Надо ли говорить, что девочка выросла маленьким чудовищем? По крайней мере именно так представлялось в романе.

Кресси ждёт жалкий конец. Император будет убит, а на трон в результате переворота взойдёт не наследный принц, а младший. Он подпишет мирный договор с кочевниками и выдаст Кресси в гарем их вождя. Ночи с грубым варваром, работа по хозяйству днём, издёвки старших наложниц, циновка в шатре вместо многокомнатных обогреваемых апартаментов... В романе не упоминалось, но едва ли принцесса выжила.

То есть, моя прекрасная новая жизнь под угрозой?! Хах, главной героине придётся потесниться. Я не против её счастья с младшим принцем, но не за мой счёт, ага.

— Кресси, не злись. Я отдам тебе лазурную ленту, хорошо?

А?

Меня бросает в холодный пот.

Я склоняю голову к плечу:

— Я доставляю много хлопот, да? — вопрос совершенно не в стиле капризной принцессы, но я задаю его сознательно.

— Кресси...

Ориентир получен — Большой рыцарский турнир состоялся в начале действия романа.

По традиции победителя награждает первая леди империи. Если император не женат, то ленту победителю вручит его ближайшая родственница или супруга главы Совета лордов. Но император женат, и позволить мне провести церемонию означает унизить и оскорбить императрицу.

— Тебе не нужно беспокоиться, Кресси, — мягко улыбается он, кажется, в самое сердце тронутый моей внезапной заботой.

— Папа, ты лучший!

Должна ли я найти способ отказаться?

Принцессу осудят все: аристократы, рыцари, простолюдины. Разумеется, никто не осмелится упрекнуть её открыто, но будут шептаться за спиной. Если честно, уже шепчутся. Репутация у принцессы настолько скверная, что никто не вступится, когда варвар захочет забрать её в залог мира.

Младший принц запомнит очередную обиду, нанесённую его матери...

Определённо, участие в церемонии — это то, что нужно! Чтобы очистить доставшуюся мне репутацию не хватит и тонны отбеливателя. Ситуацию исправит литр чёрной краски. Моя задача не снискать всеобщую любовь, а обыграть заговорщиков, поэтому принцесса будет ужасна...

— Па-ап?

— Да, Кресси?

— Раз уж я буду на турнире, то можно мне завести себе, — нет, не щеночка, — чёрного рыцаря?

Император смотрит на меня удивлённо: — Кресси, почему бы не выбрать сапфира?

Потому что сапфировые рыцари служат непосредственно императору, они будут сопровождать меня по его приказу и без колебаний защитят даже ценой своих жизней, они лучшие из лучших, достойнейшие из достойных, но также они будут глазами и ушами его величества. Чёрные рыцари, часто низкого происхождения, бывшие наёмники, личности с тёмным прошлым и далеко не всегда они могут похвастаться мастерством, но они вверяют господину или госпоже свою судьбу и преданы до конца. Нарушить магическую присягу можно лишь ценой своей жизни.

— Хочу чёрного, — капризно объявляю я.

— Помнится, ты ими брезговала.

— Когда это было...

— Не далее двух дней назад, Кресси, — смеётся император.

Я надуваю щёки. Не знаю, насколько удачно у меня получилось скорчить обиженную рожицу, я присоединяюсь к смеху.

Лакей меняет блюда, завтрак продолжается. Я отмечаю, что император ест быстро, и это придаёт мне толику уверенности. Раз император торопится, он не будет присматриваться к моим странностям, а их уже и так с переизбытком.

Ни чая, ни кофе, ни других напитков нам не подают. Император скрещивает ножик и вилку на тарелке и поднимается из-за стола. Я немедленно повторяю за ним.

— Спасибо, папа.

Поравнявшись со мной, он вдруг притягивает меня за плечи и потечески целует в лоб. Слишком неожиданно! И если обратиться к нему как к родителю я могу, не испытывая особых проблем, то прикосновение чужого в восприятии мужчины заставляет напрячься. Нельзя себя выдавать! Я крепко обнимаю императора в ответ. Он смеётся, чмокает меня в макушку, высвобождается:

— Прости, Кресси. Лорд Шеер просил принять его до заседания Совета.

— У-у-у..., — не помню такого кренделя в романе.

Я провожаю императора реверансом.

Когда я в одиночестве выхожу из столовой в “тамбур”, вижу своих фрейлин. Всё то время, что я была с императором они столбиками простояли у стены? Мда... Я прохожу мимо, притворившись слегка озабоченной. Возможно, девушки слышали смех, но не думаю, что они

в курсе тихого разговора, а значит, очередную свою странность можно «свалить» на императора.

В вестибюле у парадной лестницы я оборачиваюсь к фрейлине слева:

— Передай хранителю библиотеки, что мне нужны книги об истории дворца и отдельных залов.

В такой книге наверняка будет что-то похожее на план здания. Если я заблужусь по пути в рабочий кабинет его величества, например... Да я даже не представляю, как выйти в сад! Не буду о грустном.

— Да, ваше высочество, — девушка устремляется в обратную сторону.

Я бы и вторую фрейлину отослала, лишняя пара глаз мне ни к чему, но что это за принцесса без свиты? Отошлю чуть позже, когда доберусь до своих комнат.

Надо придумать, как выбраться из дворца... Сидя в комнатах, я заговорщикам не помешаю. Поделиться с императором? Вроде бы логично, но что у меня есть, кроме голословных обвинений? Скажу, что герцог хочет посадить на трон своего кровного внука? Что готовится покушение? В том-то и дело, что ничего нового я не сообщу, подробностей в романе не было.

— Ваше высочество, — испуганно выдыхает фрейлина.

Я настолько погрузилась в себя, что потеряла связь с действительностью.

На моём пути стоит смуглая брюнетка, окружённая стайкой девушек в нарядах зелёной гаммы. Брюнетка остановилась, а я-то продолжаю идти.

Я чуть не затоптала императрицу...

Я поджимаю губы и с видом, что делаю величайшее одолжение, здороваюсь:

— Доброе утро, ваше величество, — вместо реверанса лёгкий полупоклон.

— Доброе утро, принцесса Крессида.

Спокойное равнодушие заслуживает восхищения.

По-человечески... мне жаль императрицу. Она персонаж-луковица. Луковица в том смысле, что, когда я читала роман, мне казалось, что автор ввела её в повествование с одной единственной

целью — выдавить из читателя скупую слезу. Домашняя тихоня, мягкая и уютная, выросшая в загородном поместье отца, с нулевым жизненным опытом, она была безжалостно брошена во дворцовый серпентарий на растерзание здешним змеючкам с принцессой в роли главной кобры. Император чувствовал себя попавшим в брачную ловушку, и новая супруга вызывала у него лишь глухое раздражение. Сейчас у неё нет ничего: ни тёплых отношений с мужем, ни, стараниями Кресси, авторитета среди придворных, ни власти. Её жизнь, её счастье — младший принц.

Я думаю, императрица могла бы выстроить с императором партнёрские отношения, но в том-то и фокус, что для этого нужен другой характер, другой взгляд на мир. Короче, нужно быть совершенно другим человеком.

Легко осуждать со стороны, со своего места. Я не осуждаю. Но и брать ответственность за страдания уже взрослой женщины не собираюсь. Меня интересует другое.

Во второй половине романа императрица будет убита.

Именно её гибель развернёт историю на сто восемьдесят градусов. “Я умоляла их пощадить её величество, но они сказали, что выполняют приказ наследного принца”, — расскажет тяжело раненная героиня. Младший принц, до этого категорически отказывавшийся от борьбы за трон, обвинит в убийстве старшего брата, героиня выступит на суде. Что угодно ставлю, что приказ отдал не наследный принц, а главный заговорщик: пожертвовал пешкой и получил ручного короля.

А значит безопасность императрицы — моя безопасность, придётся защищать. Опять же, хотя заговорщики не посвящали императрицу в свои планы, они крутились рядом, поддерживали, втирались в доверие.

— Если вы намерены увидеть отца, то его величество занят, — усмехаюсь я.

Звучит некрасиво и неумно, но в целом в стиле Кресси. Подтекст считывается на раз-два: император принял принцессу, но не императрицу.

Моя настоящая цель не унижить, а узнать, куда направляется её величество.

— Спасибо за заботу, принцесса. Я направляюсь с визитом в госпиталь Весенней надежды, над которым я несколько дней назад

взяла попечительство.

Чего-то подобного я и ожидала. В романе говорилось, что императрица часто посещала школы, приюты, проводила благотворительные вечера. Как по мне, она просто сбегала из дворца, но это никоим образом не умаляет то хорошее, что она сделала.

Я окидываю её взглядом с головы до ног: — Ох, вы так говорите, как будто это что-то значит. Пфф!

— Госпиталь получит деньги на приобретение лекарств, принцесса, — мягко отвечает императрица. — Безусловно, вы правы, что подобные мелочи не должны отвлекать вас от подготовки к церемонии вручения лазурной ленты.

Ха, а императрица не так проста, как мне казалось. Я слышу в её словах тщательно дозированный яд.

Я прищуриваюсь:

— Всего лишь приобретение лекарств. Столько шуму...

— Уверена, у вас получилось бы лучше.

Есть!

— Разумеется, — фыркаю я и оборачиваюсь к своей фрейлине. — Принеси для меня накидку и печать.

Как пройти в библиотеку, в смысле, как найти выход, мне, сама того не подозревая, покажет императрица. По поводу госпиталя у меня тоже мысли появились...

— Принцесса?! — императрица единственная вслух выражает всеобщее потрясение.

Даже моя фрейлина беспомощно моргает, словно мой простейший приказ не укладывается у неё в голове. Лёгкого взмаха кисти хватает, чтобы девушка очнулась, поклонилась и бросилась добывать накидку и печать.

Накидку я запросила, потому что неприлично рассекать по городу в утреннем платье, а личная печать позволит мне не думать о деньгах. В романе говорилось, что среди аристократов обычная практика не платить, а подтверждать счёт. Позднее за меня заплатит помощник казначея. Разве не волшебное?

Фрейлина довольно быстро возвращается, и я, милостиво кивнув, пропускаю императрицу, чтобы пристроиться за её плечом, как и положено принцессе. Боги, почему императрица смотрит на меня, как на обезьяну с гранатой? Впору закатить глаза, но надо признать, чутьё

императрицу не обманывает, я собираюсь устроить знатный переполох.

Я стараюсь не коситься по сторонам и запоминаю ориентиры, благо планировка относительно простая и логичная. До выхода через боковое крыльцо, как я мысленно его обозвала, я держусь паинькой, чем, по-моему, особенно нервирую её величество.

Экипаж мне подают отдельный. Так быстро подготовили? Наверное, хорошо, что я не поеду бок о бок с императрицей, но нечего и мечтать о поездке в одиночестве. Фрейлина устраивается на сиденье лицом против хода движения и чинно складывает ладошки на коленях. Я отворачиваюсь к окну.

В романе фрейлины принцессы упоминались мельком, и чаще представляли безликой свитой. Милая девочка напротив вполне может оказаться иностранной шпионкой, соглядатайкой заговорщиков или осведомительницей отца. Ха, предстоит учесть столько нюансов.

Карета покачивается. Ход относительно плавный, но ребристой брусчатке далеко до гладкости асфальта. Скорость черепашня. Я будто в столичной пробке увязла. Меня слегка укачивает, но не настолько, чтобы останавливать кортеж или требовать бумажный пакет.

— Императрица популярна у горожан, — замечаю я, когда молчание становится особенно тягостным.

Постукивая ногтями по оконному стеклу, я отмечаю, что люди собираются по обеим сторонам проспекта, машут. Строй гвардейцев не позволяет им приблизиться слишком близко, но никого не гонят, атмосфера мирная, радушная. Приветствовать императрицу для горожан маленький праздник. Мне не достаётся ни единого доброго слова.

— Простолюдины глупы, ваше высочество. Не способные увидеть истинное величие, они тянутся к простоте.

Да нет, с величием у императрицы всё в порядке.

— Ха..., — неопределённо вздыхаю я. — Госпиталь...?

— Госпиталь Весенней надежды, ваше высочество. Что за блажь выезжать в деревни и лечить крестьян?

— Они выезжают?

— О, да! — фрейлина с удовольствием делится сплетнями. — Только представьте, ваше высочество, в эти дни, пока лекари возятся невесть с кем, без их услуг остаются благородные.

Я перевожу взгляд на фрейлину. Она говорит неприятные вещи, но я не пытаюсь её одёрнуть. Высокомерие и презрение — стиль Кресси. Возможно, фрейлина не верит в то, что произносит, а лишь пытается угодить принцессе. А, возможно, провоцирует меня на скандал.

Как сложно...

Но есть и хорошая новость — я умею читать. Название госпиталя легко читается на крупной вывеске. Кorteж останавливается.

— Двумя домами раньше я видела ювелирный.

— Да, ваше высочество, но... ведь там не может быть ничего достойного вас.

— Сходи и купи для меня браслет. Не нужно выбирать, сгодится первый попавшийся. Повседневный, — свадебный или наоборот траурный, если такие существуют, мне не годится.

— Ваше высочество?

Мне одного взгляда хватает. Фрейлина вздрагивает, бормочет извинения и прячет взгляд.

Злодейкой быть удобно...

Я спускаюсь из кареты на мостовую, кивком приветствую делегацию встречающих. Краем глаза отметив, как фрейлина рванула в направлении ювелирной лавки, я на время о ней забываю. Без сомнения, в нужный момент браслет будет у меня.

Госпиталь пахнет спиртом, и я морщу нос, но в остальном держусь сдержанно и даже притворяюсь, что слушаю старшего целителя. На самом же деле меня занимают две вещи. Действительно ли деньги пойдут на лекарства или осядут в чьих-то бездонных карманах? По идее, позднее я могу приказать провести проверку, так что это не проблема. И второе, что меня занимает — кого бы мне ограбить.

Помимо императрицы и её нескольких фрейлин, поддержать госпиталь прибыли сразу пять светских дам, и все они дружно скучковались вокруг императрицы, окружили её полукольцом. Жёны заговорщиков, я так понимаю? Если рядом со мной императрица была напряжена и внешне равнодушна, то рядом с ними расслабилась, стала улыбаться и даже посмеялась над какой-то шуткой.

— Ваше высочество, — окликает меня фрейлина.

Я чуть поворачиваю голову. В её руках ничем не примечательный деревянный футляр. Фрейлина сдвигает крышку и демонстрирует браслет: камни, вероятно полудрагоценные, внешне похожие на гранаты, собраны на цепочке. Я с намёком отвожу руку назад, и фрейлина понятливо застёгивает браслет на моём запястье.

— Прекрасно, — хвалю я девушку. — Сколько стоил?

— Два золотых, ваше высочество.

Порядок местных цен я представляю весьма смутно. Зарплата главной героини составляла серебрушку в месяц, но при этом она завтракала-обедала-ужинала во дворце. Форма, опять же, за счёт дворца. Кажется, в романе упоминалось, что за золотой можно зафрахтовать средней паршивости кораблик.

Между тем целители показывают госпиталь, рассказывают о своей работе, перемежая сухую статистику занятными байками. Я совершенно не удивляюсь, когда знакомство с госпиталем завершается в пустом хранилище лекарств. Естественно, в скучном помещении никто не задерживается, мы возвращаемся обратно в вестибюль, где и наступает долгожданный заключительный акт.

— Должно быть, ваше высочество уже утомились, — сладко улыбается моложавая дама в платье цвета спелой вишни.

Что ей нужно от меня? Я высокомерно игнорирую леди и сосредотачиваюсь на речи императрицы. К счастью, та не утомляет пафосом и быстро переходит к сути:

— Старший целитель, я передаю госпиталю имперский вексель, — её величество действительно забирает у своей фрейлины документ и вручает целителю.

Он с поклонами и благодарностями принимает.

Сумма пожертвования остаётся загадкой. Но не в этом дело. Императрица подала пример, и одна за другой светские дамы опускают на специальный поднос чеки. Фрейлины в пожертвованиях не участвуют.

Я наблюдаю за действием со стороны, дожидаясь, когда старший целитель поднимет поднос, и выхожу вперёд.

— Ваше высочество, — я иду с настолько недовольным видом, что целитель отступает на шаг. Я вижу, как дёргается его кадык.

Я настолько пугающая? Тогда я просто обязана улыбнуться злодейски.

— Ваше высочество? — в голосе императрицы сквозит обречённость, авторитета остановить меня у неё нет.

Внимание и дам, и целителей приковано ко мне. Я нарочно выдерживаю секундную паузу, нервирую, но, вопреки ожиданиям, скандал не устраиваю и вообще начинаю мирно и доброжелательно:

— В госпитале не должно быть недостатка лекарств. — демонстративно подняв руку, я отстёгиваю браслет и медленно, камушек за камушком, опускаю на поднос, но в последний момент “хвостик» удерживаю между пальцами и, притворяясь раздосадованной, вслух делюсь якобы осенившими меня сомнениями. — В аптеке оплату драгоценностями не примут...

Целитель пытается сгладить ситуацию:

— Ваше высочество от имени госпиталя и всех нуждающихся, которые смогут получить помощь, я благодарю вас.

— Так не пойдёт, — качаю я головой. — В аптеке не смогут понять ценность браслета, он будет потрачен впустую. Что же сделать? Ох, леди! — я снова поднимаю браслет повыше. — Чтобы поддержать госпиталь Весенней надежды, я позволю вам приобрести браслет с моей руки.

Дамы переглядываются.

— Тридцать золотых? — робко предлагает круглолицая пышка с солнечной улыбкой.

Мне слегка жаль обижать ту, которая взяла на себя инициативу, но сценарий требует быть грубой:

— Ха? Мне послышалось? Леди, не может быть, чтобы вы оценили мою руку столь дёшево? Что вы пытаетесь этим сказать?

Коснувшись подноса, я будто в задумчивости играю пальцами и случайно цепляю щеки. Моя цель — увидеть подписи. Четыре фамилии мне не знакомы, особого интереса не вызывают. Я даже запомнить их не пытаюсь, хотя стоило бы. Возможно, эти фамилии даже мелькнули на страницах романа, но я сто раз забыла. Другое дело пятая фамилия. Чек положен сразу после векселя императрицы. Я нахожу взглядом даму “сладкая вишенка”, которая сделала пожертвование второй. Вот мы и познакомились, дорогая герцогиня?

— А-а... Браслет с вашей руки бесценен, принцесса Крессида. Никакая цена не будет достаточной, — пышка выкручивается весьма находчиво.

Но сумму не увеличивает. Стеснена в средствах?

— Но во что вы оцените возможность получить браслет с моей руки? — я отвечаю вполне дружелюбно и дальше обращаюсь к остальным дамам. — Леди, неужели вы осуждаете моё начинание? В любом случае извольте пояснить своё мнение.

Едва ли в моих обвинениях есть смысл, зато в них кроется угроза. Я впериваю пристальный взгляд в герцогиню. Ссора с принцессой так невовремя обернётся опалой...

— Сто золотых, — сдаётся “сладкая вишенка”.

Полагаю, у неё есть больше?.

— Уже что-то. Леди, не стесняйтесь присоединиться к нашему маленькому аукциону, ведь сообщая мы действуем во благо госпиталя!

Неожиданно, но шаг вперёд делает пышка:

— Сто тридцать.

— Сто пятьдесят, — торопливо взмахивает дама рядом с ней.

Я не оставила шансов проигнорировать аукцион, и теперь леди оропятся сделать ставку, чтобы уступить победу самой нерасторопной. По-моему, это даже забавно.

— Сто шестьдесят.

— Сто шестьдесят, — голоса двух дам сливаются воедино.

Они переглядываются, ни одна не хочет покупать браслет.

Я перевожу взгляд на герцогиню:

— Леди, неужели вы уступите так легко? — вопрос для ведущей аукциона неэтичный, но я себе ни в чём не отказываю, ещё и губы обиженно надуваю.

Герцогиня молчит.

Сумма набежала астрономическая. Полагаю, сотня золотых — это стоимость солидного дома в столице, не так ли? Если я и ошибаюсь, то ненамного.

— Ваше высочество, — императрица решает вмешаться, потому что я веду себя совсем неуместно.

Где это видано, чтобы принцесса откровенно вымогала деньги?

Зато подозрения подтверждаются: жена главного заговорщика не просто завоевала доверие императрицы, она стала ей подругой. Иначе бы императрица не пыталась меня осадить.

— Ха, разочаровывающе. Интересно, его величество в таком же положении, как я сейчас? Итак, ставка? — я отворачиваюсь от

герцогини.

Намёк, что я буду жаловаться, действует.

— Двести золотых!

Смогу я выжать больше? Маловероятно.

— Двести золотых — раз. Двести золотых — два. Двести золотых — три. Бесценный браслет уходит герцогине Дарин, — я опускаю браслет на поднос. — Полагаю, пары часов хватит, чтобы лакей доставил чек. Пожалуйста, передайте браслет посыльному герцогини в целостности и сохранности. И держите меня в курсе.

— Спасибо, ваше высочество! Теперь мы сможем приобрести не только лекарства первой необходимости, но и закупить энергетические кристаллы, а также обновить палаты и восстановить все неработающие артефакты.

Я поощрительно киваю, пока лекарь, захлёбываясь словами, рассказывает мне про грандиозные планы устроить на вырученные деньги теплицу редких лекарственных растений. До меня в сумме едва ли набралось бы пятьдесят золотых, скорее тридцать-сорок.

— Обязательно держите меня в курсе, — повторяю я. — Первое письмо от вас жду завтра, — я многозначительно кошусь на герцогиню.

Не знаю, насколько сильно она пострадала в финансовом плане, но заговор штука дорогостоящая, на счету каждая копейка. И пусть я откусила лишь кусочек, я довольна. Ровно до тех пор, пока в вестибюль не входит затянутый в мундир мальчишка лет семнадцати-восемнадцати.

Мне хватает одного взгляда на счастливую улыбку императрицы.

Что здесь забыл младший принц?!

Глава 3

Сейчас, когда я вижу его воочию, я задумываюсь о том, о чём следовало задуматься уже давно. Роман написан с точки зрения главной героини, и для неё её принц самый лучший, самый благородный, самый честный, самый достойный и ещё миллион этих “самый”.

Но я ведь уже нашла, как минимум, одну нестыковку. Тот самый поворотный момент.

В будуар, где находились императрица и главная героиня, ворвались мечники в масках. Героиня закрыла императрицу собой, но

была грубо отброшена и ранена. Она умоляла пощадить её величество, но мечник ответил, что действует по приказу наследного принца. Императрица была убита, а героиня получила удар по голове, отправивший её в беспамятство.

Когда я читала, я подумала, что автор схалтурила. Во-первых, с какой стати убийцы болтают и сдают нанимателя? Во-вторых, халатность вопиющая. Почему не убедились, что свидетельница мертва? Даже если убийц вспугнули, о чём в романе не упоминалось, перерезать шею — мгновение. Но убийца лишь по голове ударил, щадяще.

Что получается? Получается, что наследного принца подставили, суд — фарс чистой воды, ни одного реального доказательства, всё обвинение строилось на свидетельских показаниях героини. Но даже дураку понятно, что “он сказал его нанял Вася”, совсем не означает, что его в действительности нанял Вася.

Я готова допустить, что пережившая ужас героиня искренне поверила в виновность наследника престола.

Но младший принц?!

— Матушка, — он церемонно склоняется к руке императрицы, не столько по- настоящему целуя, сколько обозначая жест.

— Олис.

— Ваше высочество, — нестройным хором здороваются дамы и фрейлины, приседая в реверансах.

Целители ограничиваются поклонами.

Принц делает несколько шагов мне навстречу:

— Доброе утро, принцесса Крессида, — он учтиво склоняет голову. Приветствие безупречное, но при этом холодное, как дыхание Арктики.

Глядя младшему принцу в глаза, я легко могу поверить, что через несколько месяцев он без колебаний отдаст меня варвару. Воображение рисует пыльную циновку на земляном полу, объедки, оставшиеся от старших наложниц, упившегося вином хозяина-степняка. Жуть.

— Принц Олис, — отвечаю я.

Нельзя полагаться только на отца и старшего брата. Я эгоистично приложу все усилия, чтобы их спасти, но на всякий случай...

Мне нужен скафандр!

Варвар зовёт на ложе, отказаться нельзя, наложница же. Представляю: я не сопротивляюсь, наоборот игриво провожу пальцем от губ по подбородку вниз по шее, варвар, хрипло дыша, протягивает руку, и в этот момент я касаюсь амулета, мгновенно тело окутывает защита, а варвар получает психологическую травму и навсегда становится не опаснее мерина.

В мире, где есть магия и нет космонавтов, скафандр заменяет доспех.

Кстати, амулет не моя фантазия, древний кулон действительно существует. С оправленной в золото багряной сердцевинкой, он выглядит кустарной поделкой, которой место на развале сувенирных побрякушек, а не в императорской сокровищнице. Естественно, волею автора амулет достанется главному герою. Больше того, в решающий момент младший принц облачится в легендарную броню и предстанет в облике паладина, и многие аристократы перейдут на его сторону: герцог объявит, что принц, отмеченный самими Небесами имеет больше прав на корону, чем ничем не примечательный старший принц.

Осталось вспомнить, где именно главный герой найдёт своё сокровище и опередить.

— Неожиданно. Обычно вы игнорировали благотворительную работу, принцесса Крессида.

— Почему же? Благотворительность оказалась... весьма занятой.

Я непременно продолжу развлекаться, как только добуду доспех. Например, я могу отправиться к герцогине в гости, а накануне через фрейлину передать длинный список баснословно дорогих деликатесов, которые непременно должны быть в меню праздничного обеда, иначе принцесса оскорбится.

Я слишком размечталась. Видимо, выражение лица у меня стало соответствующее. У принца нервно дёрнулся глаз.

— О, приюты и госпитали могут надеяться получить ваше покровительство? Принцесса Крессида, вы не планируете выступить в новой роли и возглавить благотворительный сбор на турнире? Уверен, ваше участие в сборе пожертвований станет сенсацией.

— На турнире я вручаю Лазурную ленту, — отбиваю я.

Хитрый какой. Благотворительный сбор проходит в отдалённом павильоне. Если бы я клюнула и публично согласилась, я бы оказалась связана словом крепче любых оков. Мне невольно пришлось бы

уступить главную церемонию императрице. По- человечески Олиса я понимаю, он защищает мать. Увы, не в этот раз.

— Вот как? — принц притворяется, что впервые слышит. — Победитель турнира будет счастлив получить ленту из ваших рук, принцесса Крессида?

— Какая разница, счастлив он или нет? Ах, я утомилась. Я оставлю вас.

Принц незамедлительно склоняет голову.

Я же оборачиваюсь, ловлю взгляд целителя и беззвучно, одними губами напоминаю:

— Жду письмо.

Небрежно попрощавшись с императрицей, пусть её сынок утешает, я в сопровождении своей фрейлины выхожу на улицу и снова задаюсь вопросом — когда они успели подать карету? В том, что именно подать, я не сомневаюсь, потому что других экипажей на улице не видно.

Мало того, что карета роскошная, так ещё и на самых видных местах вензели. Я морщусь — про конфиденциальность можно забыть, даже маленький ребёнок поймёт, кто едет.

Пожалуй, хватит с меня на сегодня. Во дворце меня ждут заказанные у хранителя библиотеки книжки, ещё надо записать всё, что я сумею выудить из памяти о сюжете романа...

Ша!

Я бросаю взгляд в окно — здания за стеклом качаются и ползут назад, значит карета едет. Задумавшись, я не заметила, как мы тронулись.

— Передай кучеру приказ сменить направление.

— Да, ваше высочество. Куда вы желаете отправиться?

Фрейлина не скрывает удивления.

Может, зря я? Стоило сослаться на хандру и сидеть тихо, а я своим поведением, жестами, мимикой, риторикой буквально кричу, что принцесса Крессида в одночасье стала другим человеком.

Нет, не зря.

Я неприятно улыбаюсь:

— В форт Тан-Дан.

— Ваше высочество?!

— В Тан-Дан, — повторяю я. — Немедленно!

Изначально крепость была родовым гнездом довольно старой аристократической династии, но род вырочился, и крепость отошла короне. Как это часто бывает, крепость превратили в тюрьму для особых государственных преступников: как британский Тауэр и французская Бастилия.

Про Тан-Дан ходит немало жутких легенд, якобы в некоторых камерах обитают призраки, способные за ночь свести с ума, а то и вовсе убить. Как по мне, такие легенды прикрывают убийства неугодных узников, которых по каким-то причинам нельзя казнить официально.

Почему бы мне не сыграть роль такого призрака для одного заключённого?

Карета разгоняется. Скорость по-прежнему черепашня, но всё же это лучше, чем тащиться в кортеже. Стараясь не обращать внимания на болтанку, я смотрю в окно, знакомлюсь с городом. Аккуратные двухэтажные домики смотрятся приятно, улицы просторные, чистые, но нельзя забывать, что мы пересекаем центральные районы столицы. А что я найду на окраине? Трущобы?

Проспект делает резкий поворот, и открывается вид на реку. Когда-то русло разделили на два рукава, и на образовавшемся острове выстроили твердыню Тан-Дана. Приземистая крепость, возвышающаяся над окрестностями, выглядит великолепно-величественно и мрачно. Над главной башней полощется флаг. На гребнях стены мелькают дозорные.

Мост поднят, и карета вынужденно останавливается. Вот хохма будет, если меня не пустят. Позор. К счастью, вензели на карете не хуже любого пропуска. С надсадным скрежетом цепи разматываются, мост опускается.

Второй раз приходится остановиться во дворе крепости сразу после ворот. После предупреждающего стука снаружи дверцу открывают, и в салон заглядывает офицер.

— Прибыла её высочество принцесса Крессида Небесная, — объясняет фрейлина и демонстрирует мою печать.

— Приветствую, ваше высочество, — стоя на подножке, офицер ухитряется низко поклониться. — Ваш визит весьма неожиданный.

Не думаю, что члены императорской семьи частые гости в Тан-Дане, тем более Кресси.

— Визит неофициальный. Я прибыла по неотложному делу.

— Ваше высочество, комендант примет вас незамедлительно. Ваш приезд честь для нас.

Я одариваю офицера поощрительной улыбкой.

Меня пропускают, карета подъезжает непосредственно ко входу в крепость. Я спускаюсь на брусчатку, которой выложен двор. Офицер подаёт мне стиснутую белоснежной перчаткой ладонь. Я касаюсь его руки кончиками пальцев, поощряю ещё одной, предназначенной только ему улыбкой. Ха, офицер краснеет как мальчишка!

Глубоко вздохнув, я окончательно избавляюсь от неприятных ощущений и перевожу взгляд на спешащего ко мне мужчину. Как и все, затянут в мундир, но на груди сверкают многочисленные знаки отличия. Морщинки, собравшиеся в уголках глаз, похожи на солнечные лучики. Мужчина производит весьма странное впечатление. Для коменданта крепости он недостаточно мрачный.

— Приветствую, ваше высочество принцесса Крессида!

Кресси знала, как его зовут? Руководить тюрьмой особого значения случайный вояка не может.

— Хм..., — будем считать, что принцесса разочарована приёмом и поэтому забыла про ответную вежливость.

— Ваше высочество, сожалею, но, согласно уставу, утверждённому императором лично, я могу принять только вас.

Я оглядываюсь и взмахом кончиков пальцев показываю фрейлине вернуться в карету.

— Приемлемо.

— Прошу, ваше высочество, — комендант выдыхает с заметным облегчением.

Ожидал скандала и капризов?

Не важно...

Внутри крепость ни что иное, как каменный мешок. Толстые стены и низкие своды вызывают ощущение, что ты вот-вот будешь раздавлен.

— Впечатляет, — хмыкаю я и провожу кончиками пальцев по шероховатой стене.

— О, да, ваше высочество. Тан-Дан лишь выглядит неказисто, но надёжнее её крепости нет.

Комендант приводит меня на второй этаж в свой кабинет с окнами, выходящими на двор. Отсюда он может наблюдать за прибытием тюремных экипажей, доставляющих новых узников, разгрузкой повозок с провиантом, сменой караула. Весь двор как на ладони. И в глаза бросается полное отсутствие зелени, сплошь камень-камень-камень. Даже в кабинете, на первый взгляд самом обычном, нет ни одного горшка с растениями.

— Ваше высочество?

Пока я осматриваюсь, комендант топчется у шкафа, видимо, не решаясь занять место за столом. Впрочем, правильно. Он не имеет права садиться без моего приглашения. Хм, побеседуем стоя...

Некоторое время я ещё смотрю во двор, собираюсь с мыслями.

Комендант терпеливо ждёт.

Щёлкнув по закрывающей окно решётке, я поворачиваюсь:

— Я приехала разобраться в весьма... деликатном деле. Под свою ответственность я забираю одного из заключённых с нижнего яруса.

— Ваше высочество?! Ваше требование несколько...

— Действуйте, — перебиваю я, поигрывая печатью. — Пустые задержки злят.

— Есть, ваше высочество!

Бумажки творят чудеса. Стоило дать понять, что я поставлю подпись и заберу преступника под свою ответственность не на словах, а официально, комендант моментально отбрасывает сомнения, и через минуту я получаю документ с пустой строкой, в которую я собственноручно вписываю имя, а затем я ставлю печать. В романе говорилось, что оттиск ставится не чернилами, а магией. Выглядит эффектно — разлетаются брызги света, и, когда я поднимаю кругляш, на бумаге переливается мой вензель насыщенного синего цвета.

— Я лично спущусь за преступником, — сообщаю я.

— Нижний ярус весьма неприятен, ваше высочество.

— Ха...

Комендант не смеет спорить. Поднявшись из-за стола, он прячет бумагу в сейф, а из сейфа достаёт флакончик с длинным носиком. Мутная молочно-белая жидкость не вызывает доверия, но капитан спокойно оттягивает левое веко, запрокидывает флакон. Две капли падают точно на радужку, а капитан повторяет процедуру с правым глазом. Не думаю, что он решил полечиться.

— Приказом его величества освещение в подземной части Тан-Дана запрещено. Мы закапываем зелье ночного видения, ваше высочество.

Об этом в романе не было. Собственно, там много о чём не было.

Я без колебаний повторяю за комендантом. Интересно, можно мне прикарманить флакон? Увы, комендант забирает зелье, прячет в сейф и только после этого приглашает следовать за ним.

В коридоре к нам присоединяется давешний офицер, и втроём мы спускаемся. Вниз ведёт крутая винтовая лестница. Чем глубже мы спускаемся, тем скуднее освещение. В глаза появляется резь, будто в них песка надуло, зато окружающее пространство обретает чёткость. Видна каждая щербинка, каждая выбоинка.

Я насчитываю всего три уровня.

— Ваше высочество, может быть мы переведём преступника в допросную?

— Не требуется, — голос предательски срывается.

Справа и слева клетки, на которые смотреть тесно. Слава богам, камеры пустуют. Но не все.

Обрюзгший мужчина уныло раскачивается из стороны в сторону и воет на заунывной ноте. В его пустых широко распахнутых глазах ни капли разума. Комендант ударяет по прутьям клетки, и вой обрывается. Мелко трясясь, мужчина пытается забиться в дальний угол.

— Работоторговец. Прикрываясь титулом на протяжении четырёх лет тайно вывозил и продавал степнякам детей. Попался, когда по заказу одного из ханов похитил дочь барона.

— Посадить на кол было бы милосерднее.

Я иду дальше.

— Кто здесь? — раздаётся крик, и на прутья очередной решётки бросается седая старуха. — Вы доставили приказ о моём помиловании? Я знала! Освободите меня немедленно!

Для заключённой весьма опрятная. Волосы стоят нечёсанной копной, но при этом чистые. Ногти короткие, без чёрной каймы грязи, да и запаха неприятного нет. Спускаясь, я боялась вони немытых тел, но на нижнем ярусе всего лишь душно.

Получается, при всё здешнем ужасе, за гигиеной надсмотрщики следят.

— Кто она?

— Графиня Илезис Фатта, — представляется она.

— Та самая, печально прославившаяся.

Мне ни имя, ни пояснение коменданта ни о чём не говорит, но от дальнейших расспросов я воздерживаюсь и прохожу мимо. Я потом поинтересуюсь...

Комендант указывает на камеру. Тот, за кем я пришла, в ней.

Глава 4

Прижав указательный палец к губам, я жестом прошу коменданта не вмешиваться. Хорошо бы вообще без свидетелей обойтись, но, увы, не получится, наедине с преступником меня не оставят.

Не знаю, как, но парень чувствует моё присутствие. Слепо таращится в темноту, тщетно силясь разлечить хоть что-то. Дыхание сбито, хотя он и пытается контролировать вдохи-выдохи. Самое главное, парня выдают проступающие на скулах серебристо-чёрные чешуйки, разбегающиеся по скулам и щекам извилистыми дорожками. Он хмурится, вслушиваясь в наступившую темноту, стискивает кулаки, но ни на шаг не отступает от решётки. Как поднялся с узкой лежанки, так и стоит.

Я протягиваю руку, ладошка у меня узкая, легко проходит сквозь прутья. Я касаюсь его лица. Честно говоря, исключительно из любопытства. Чешуйки тёплые, гладкие, но не скользкие. Стыки не ощущаются, чешуйки накладываются одни на другую и вроде бы они не заменяют кожу и закрывают. Парень отшатывается назад.

— Не надо так нервничать, — усмехаюсь я. — Я ещё ничего плохого не сделала.

— Ещё?!

Комендант делает шаг к нам, но я качаю головой, на надо учить заключённого уважению, я сама справлюсь..

— Скучаешь по сестрёнке? Кэтти милейшая девочка, наивная.

Парень меняется в лице, причём буквально. Оно сплошь покрывается чешуёй и превращается в подобие змеиной морды. Парень бросается к прутьям:

— Что с ней?! Что вы с ней сделали? Я же всё, как вы хотели...

— Насколько мне известно, Кэтти в полном порядке, — успокаиваю я. — Она приехала в столицу в поисках справедливости. Знаешь, чем для неё это может обернуться?

Парень смотрит на меня с ужасом, отлично понимает, что девочку заставят замолчать. Чешуёй покрывается шея, ладони.

В романе Кэтти верила, что брата осудили ложно. Она не придумала ничего лучше, как попытаться встретиться с кем-то из влиятельных дворян и попросить помощи. На турнир её не пустят, но тем не менее ей повезёт, она столкнётся с главной героиней, а та передаст её просьбу младшему принцу. Правда, счастливого исхода не получится. Расследование затянется: поначалу принц решит, что парень виновен, но, когда на Кэтти совершат покушение и неудачно попытаются выдать его за несчастный случай, принц начнёт более тщательную проверку. За это время парень потеряет способность к обороту и навсегда застрянет в шкуре ящера.

Ну, принц получит шикарного ездового зверя, а главная героиня обретёт верную подругу.

Парень выдыхает и очень устало спрашивает:

— Чего вы хотите, леди? — он ещё не сломлен, но уже надломлен.

— Верно мыслишь. Я могу помочь вам обоим, но за всё надо платить, верно? Для начала верни человеческий облик.

Становится слегка неприятно от того, что я осознанно жму на самые болезненные точки, но в то же время я уверена в том, как повела разговор. Парень без колебаний согласится на всё, что мне нужно, не придётся уговаривать или бояться обмана.

Парень справляется за минуту. Берёт эмоции под контроль, и чешуя медленно растворяется в коже. Я с любопытством наблюдаю за процессом.

А он симпатичный... Поджарый, пропорционально сложенный, под тонкой тканью рубашки просматривается мышечный рельеф. Лицо скульптурное, даже немного кукольное.

— Леди?

— Я же сказала — плати.

— Простите, не понимаю. Вы не можете не знать, что у меня ничего нет. Что я должен сделать?

Я закатываю глаза:

— Мальчик, что ты можешь сделать, сидя в каменном гробу? У тебя есть ты сам. Если ты до сих пор не понял, цена моей помощи —

полная клятва верности на крови. Видишь ли, мне пригодится ручная ящерица.

От моего простого объяснения парень очешуел.

До этого я наблюдала, как чешуйки разбегаются от переносицы к вискам и вниз по щекам, а теперь чешуя проступила разом. Она будто всплыла из-под кожи. На голове появились то ли шишки, то ли зачатки рожек. Занятно...

Я усмехаюсь.

Помимо того, что я стараюсь соответствовать репутации капризной эгоистки, пусть лучше парень злится, чем боится. И, пожалуй, я не могу не признать, что капелька садизма во мне всё-таки живёт.

Он рвано, со свистом выдыхает, шкрябает — ого, когтищи! — по камню и оставляет в стене глубокие борозды. Комендант напрягается, да и офицер непроизвольно хватается за рукоять, выглядывающую из ножен, но оружие так и не выхватывает. Парень отступает глубже в камеру, насколько это позволяет крошечное пространство. Пожалуй, даже сейчас я могу дотянуться до него рукой. А вообще шаг разумный — спрятаться, не провоцировать.

Человеческий облик парень возвращает с заметным трудом, полностью чешуя не уходит.

Я нащупываю пряжку, скловшую накидку, и острым концом защёлки прокалываю указательный палец. Выступает капля крови. Парень принюхивается и делает шаг к решётке и на удивление ловко находит мою ладонь. Видеть в кромешном мраке он не может. Чутьё на кровь?

— Своей душой, жизнью, сутью, силой вверяю себя госпоже, отдаю свою свободу и преданность за защиту благополучия мой сестры Кэтти.

Парень почти до боли сжимает моё запястье, торопливо, боясь, что я выдерну руку, приникает к прутьям и слизывает рубиновую каплю раздвоенным змеиным языком, который тотчас становится обычным человеческим.

Парень ослабляет хватку, полностью разжимает пальцы, а плечи расправляет с видом победителя. Слепо смотрит прямо перед собой, но глаза сверкают вызовом, губы упрямо сжаты.

Я в ответ снова усмехаюсь. Прелесть, что за мальчик мне достался — сообразил вплести в клятву условие. Стоит мне нарушить обещание и отказать Кэтти в помощи, клятва тотчас утратит силу. К тому же формулировка интересная — “защита благополучия”. Я и потом не смогу бросить Кэтти на произвол судьбы, но в то же время парень поступил излишне честно, он не стал привязывать клятву непосредственно к жизни сестры, когда бы её смерть стала ключом к его освобождению, он готов служить до конца. Я чувствую, как между нами натягивается невидимая связь.

Комендант, повинувшись моему знаку, отпирает камеру. Вперёд выходит офицер и довольно грубо заламывает парню руку. Парень вздрагивает, инстинктивно подбирается, но сопротивления не оказывает, наоборот, опускает голову и послушно идёт согнувшись.

Сказать, чтобы отпустили? Но зелье для глаз парню никто не даст, как он сам пойдёт? Мне вмешиваться не по чину, даже такая ужасная принцесса, как я, не в праве ронять императорское достоинство.

— Насколько мне известно, изначально решения о заключении на нижний уровень не было, — поворачиваюсь я к коменданту, чтобы отвлечься от картины, которую не могу изменить.

— Верно, ваше высочество.

Парень спотыкается и, не удержавшись, растягивается на ступенях. Если бы мы были наедине, я бы спросила, что именно его так поразило, что он пал к моим ногам. Но шутить при коменданте я не буду. Парень поднимается, уже ничем не выдавая эмоций.

— Я жажду подробностей.

— Ваше высочество, я получил официальный приказ. Документ у меня в сейфе. Желаете взглянуть? Перевести преступника на нижний уровень распорядился Безликий.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не присвистнуть.

Безликие в романе упоминались мельком. Служащие Тайной канцелярии, удостоенные особого доверия императора, они скрывают лица за масками, носят плащи с глубокими капюшонами, но надёжнее всего их не даёт опознать магическая защита.

Я понимала, что заговор не шутка, но я не подозревала, что всё настолько серьёзно.

Можно ли доверять коменданту? А офицеру? Вполне возможно, прямо сейчас меня окружают враги.

Ладно, спокойнее. Раз я до сих пор не получила нож под ребро, значит, велик шанс, что выйду живой и парня выведу.

— Господа офицеры, — задумчиво тяну я. — В ваших жизненных интересах сохранить мой визит в тайне. В жиз-нен-ных.

— Ваше высочество?!

— Ага...

Как быстро заговорщики сообразят, что меня нужно убрать в первую очередь? Что-то грустно от таких открытий становится...

Комендант останавливается на предпоследнем пролёте и зачем-то просит подождать. В целом я согласна, что ждать карету лучше в неприметной тёмной нише, чем на глазах у всего гарнизона, но просьба пугает. Воображение рисует, как комендант опускает заветный рычаг, и сверху обрушивается поток воды. Ни за что не поверю, что в Тан-Дане не предусмотрена система затопления.

Я благосклонно киваю. Если комендант действительно решил меня убить, то не имеет значения, соглашусь я с его просьбой или откажусь. Я могу только ждать, надеяться и гадать, чем отличается удушение дымом от утопления.

В давящем молчании проходят пять минут, десять.

Вечность спустя раздаются шаги. Возвращается комендант. В руках у него свёрток чёрной ткани и тонкий тубус. Комендант протягивает сперва тубус:

— Ваше высочество, у вас приказ целее будет. Также я приложил копии сопроводительных документов. Ваше высочество, слухи в стенах Тан-Дана не удержать.

— Но постарайтесь сдержать.

— Если Безликий явится снова...?

Это будет значить, что заговорщики уже знают обо всём и хотят уточнить детали.

— Передайте ему, что я жду нашей встречи, мне не терпится разместить его голову на моей Трофейной стене, — угрожать, так красиво!

Комендант при этих словах почему-то спал с лица. Впрочем, гадать не пришлось:

— Ваше высочество, но ведь на Трофейной стене только лично добытые..., — глаза у него делаются круглые, несчастные. Видимо, с

воображением у него тоже всё хорошо, представил, как я, уж не знаю, мечом ли, ножом ли, по локоть в крови...

Чёрт, я не это имела в виду!

Но раз уж так получилось... Я придаю лицу озабоченное выражение:

— Полагаете, что у него позвоночник настолько крепкий, что я не смогу перепилить?

— Уверен, сможете, ваше высочество, — комендант торопится перевести тему и демонстрирует мне чёрную ткань. — Возможно, гарнизону не следует видеть, кого именно вы забираете, ваше высочество.

Мы открыто прошли мимо трёх постов, так что спохватились поздно, но комендант прав, лучше поберечься.

— Да, вы правы, — а ещё моё чешуйчатое приобретение не стоит видеть фрейлине, — благодарю за ценный совет, но сперва мы попробуем иначе, — и приказываю. — Обернись в мелкую ящерицу.

В романе такая возможность упоминалась мельком, когда Кэtti рассказывала главным героям семейные предания, так что я совершенно не уверена, что что-то получится. Скорее наоборот, я точно знаю, что оборачиваться парень не умеет, его потолок — по желанию покрываться чешуёй или убирать её, тело при этом остаётся человеческим.

Я чувствую, как натягивается нить клятвы.

Парень вскрикивает, выгибается дугой, крик переходит в визг, а на пол падает уже ящер, размером чуть больше кошки. Совсем мелкого не получилось, в кулаке не спрячешь. Сумей парниша обернуться в камере, сквозь решётку бы не протиснулся, но если сравнивать с ящером, который был описан в романе, то да, мелкий.

Формой тела он скорее похож на хамелеона, чем на варана или геккона. Округлый силуэт, хвост закручен спиралью, лапки тонкие, для забегов явно не предназначены, такими цепляться за ветку и сидеть, ловя мимо пролетающую добычу. Или затихнуть в углу и шпионить.

— Какая прелесть...

В отличие от меня ящер явно не в восторге, но деваться ему некуда, тем более офицер подхватывает его под пузо и не особо бережно поднимает, чтобы мне было удобнее рассматривать получившуюся зверушку.

Я перехватываю ящера, он издаёт не то писк, не то всхлип. Я решительно раскрываю полу накидки, сажаю ящера на бедро. Мне кажется, он приходит в ужас от моих действий. Вместо ездового зверя получилась ездовая принцесса. Я поправляю накидку и как ни в чём ни бывало встречаюсь взглядом с комендантом:

— Ваше высочество...

— Благодарю за службу!

Не зря съездила. Теперь мне есть что, точнее, кого, предъявить императору. Чем бы венценосный папа ни занимался, ему придётся принять дочь незамедлительно.

Комендант провожает меня до кареты. Фрейлина вскакивает, но я жестом разрешаю не суетиться и осторожно устраиваюсь на сиденье, помня о том, что у меня на боку чешуйчатый довесок, лучше не проверять, как громко он заверещит, если я по неосторожности прищемлю ему хвост.

— Возвращаемся, — бросаю я и на прощанье одаряю коменданта и второго офицера улыбкой, лёгкой, ни к чему не обязывающей. У меня неплохо получается быть принцессой, а?

В тряской карете одно развлечение — тарашиться на город, проплывающий за стеклом, потому что болтать с фрейлиной я по-прежнему опасаясь. Она послушно изображает тихоню, но краем глаза я замечаю, как она поглядывает на меня из-под ресниц, когда думает, что я не вижу. Что она уже подметила, а что подметит? Подавив вздох, я машинально провожу по накидке. Ящер вздрагивает.

Пломбиру крем-брюле хочется...

Через час или около того карета, наконец, вползает на территорию дворца. Последние метры самые раздражающие, и я коплю злость, стараюсь не расплескать раньше времени. Не на фрейлину же срываться.

Гулкий холл встречает меня тишиной и портретами предков. Во дворце по-прежнему безлюдно. Точно также, как утром, на втором гвардейцы несут караул, но сейчас они охраняют не тот коридор, который ведёт к Лазурной столовой, а другой, в котором я ещё не бывала. Естественно, я сворачиваю именно в него и стараюсь не думать о том, как я буду выглядеть в глазах фрейлины, если заблужусь. Она так и следует за мной по пятам.

Очередные двери подпирают караульные, и я почти не сомневаюсь, что нашла императора.

Я приближаюсь. Гвардейцы никак не реагируют, ни на меня, ни на фрейлину, беспрепятственно пропускают, и я попадаю в кабинет. Точнее, в приёмную, потому что за столом, для важности обложившись пачками документов, скучает огненно-рыжий секретарь неопределённого возраста. Моё появление становится для него сюрпризом, вероятно, неприятным:

— Ваше высочество принцесса Крессида, его величество занят, — поспешно объясняет секретарь, однако грудью встать на моём пути не пытается. Может, на самом деле у него приказ пропускать меня в любое время дня и ночи?

Ха!

— Неужели?

— Его величество принимает герцога...

Готова поспорить на доспешный амулет, что упомянутый герцог — это пожаловал папочка обиженной мною императрицы. Я не дослушиваю и сама распахиваю дверь в кабинет.

Нет, я бы с удовольствием послушала, о чём они говорят, но из-за стены не долетает ни звука, защита от прослушки на высшем уровне.

— Ваше величество, я говорю из самых благих побуждений. Кто ещё осмелится высказать правду? Принцесса Крессида своими необдуманными действиями провоцирует ненависть к себе и всей императорской семье.

Однако...

Я вовремя.

Конечно, можно не вмешиваться, в романе эпизод не упоминался, настолько он незначительный.

Император первым замечает меня. Герцог, почуяв неладное, оборачивается.

А если я прямо сейчас прикажу ящеру стать большим и откусить герцогу голову? Наверное, кровожадное намерение отражается у меня в глазах, потому что смуглый герцог чуть ли не сереет.

— Герцог, — улыбаюсь я.

— Ваше высочество.

— Похоже, вы настолько умны, что тяжёлая голова стала доставлять вам серьёзные неприятности, герцог. Как оригинально вы

решили избавиться от проблемной головы.

Жаль, по-настоящему прибить его нельзя.

Император хмурится. Герцог сжимает кулаки, но сдерживается, только цедит сквозь зубы:

— Ваше высочество, вы перешли все границы.

Так и есть.

— Границы? — недоумеваю я. — Герцог Майрай, я всего лишь пошутила. Почему вы принимаете мои слова за чистую монету? Может быть, вы переутомились? Я с искренней заботой о вас настоятельно рекомендую отдохнуть.

Герцог один из заговорщиков, не исключено, что первый из них. Захват власти он готовил с того далёкого дня, когда решил выдать дочь за императора. Буду я с герцогом вежлива или нет, расклад не поменяется. В романе его персонаж вызывал у меня глубокое отвращения и сейчас, когда я вижу его вживую, мне действительно хочется прихлопнуть герцога, как клопа. Уже за одно то, что он не гнушается тащить в свою постель силой.

— С вашего позволения, ваше величество, ваше высочество, — герцог отрывисто кланяется и выскакивает из кабинета, не скрывая бурлящей ярости.

Я ухмыляюсь ему в спину и плотно закрываю дверь.

— Кресси? Зачем ты так? — мягкий тон императора меня не обманывает, император крайне недоволен моим поведением, и я не могу с ним не согласиться. Слова, которые я себе позволила, недопустимы.

Зато я добилась цели — спровоцировала герцога убраться с глаз долой. Вины я за собой не чувствую.

Молча откинув полу накидки, я отцепляю пискнувшего ящера и, не заморачиваясь, сажаю на столешницу. Трудно сказать, кто больше удивляется знакомству, ящер или император. Я в основном слежу за реакцией его величества. Понял дорогой папочка, что перед ним оборотень или нет? Не похоже... Зато ящер монарха признал и не придумал ничего лучше, как попытаться смыться.

Побег я пресекаю жёстко — придерживаю за основание хвоста.

Убедившись, что ящер намёк понял и удирать передумал, я занимаю кресло, в котором минуту назад сидел герцог. Император

прищуривается, я снова чувствую повеявшим от него недовольство, но как ни в чём не бывало я достаю тубус, свинчиваю крышку.

— Папа, взгляни, пожалуйста, — я протягиваю приказ Безликого о переводе заключённого на нижний уровень Тан-Дана. — Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Я тебя не узнаю, Кресси.

Угу...

— Совсем ничего?

Император вздыхает:

— Феликс Дебор на протяжении трёх лет вывозил энергетические камни, что является государственной изменой. Он был задержан пограничниками на таможне, сразу же признал вину. Почему ты спрашиваешь, Кресси? Всё это есть в твоих бумагах. Лучше расскажи, как ты в это дело вообще влезла и откуда ты взяла эту странную ящерицу? Ты уверена, что оно не ядовито?

— Папа, тебе не кажется подозрительным, что Феликс был отправлен в Тан-Дан? Он же не наши фамильные драгоценности вывозил, а всего лишь камни. Самая обычная контрабанда.

— Я бы не назвал контрабанду обычной, но я тебя понял, Кресси.

— Сомнений не вызывает только последний эпизод, когда Феликса арестовали. По остальным эпизодам исчерпывающих доказательств нет, обвинение строится исключительно на признании, которое Феликс дал. Весьма примечательно, что признание выглядит сухим отчётом, зазубренным наизусть, в протоколе ни одной “живой” подробности.

— Ты хочешь сказать, что Феликс прикрывает поделщиков?

— Нет, пап. Я хочу сказать, что один из Безликих предатель, и что у нас заговор. В Тан-Дан Феликса заключили по единственной причине — защитить как ценного свидетеля и продолжить расследование, но тихо.

— Кресси, ты имеешь в виду..., — у императора расширяются зрачки.

— Обернись, — приказываю я.

Ящера, как и в тюрьме выгибает. Мгновение, и на столе, поджав к животу колени, лежит Феликс.

Голоногий, голопопый, явно паникующий. Когда я забирала его, я не придавала значения теме одежды, меня занимала загадка, выйду ли я

из Тан-Дана живой.

Сейчас припоминаю, что и рубашка, и штаны остались на полу в нише. Честное слово, я не нарочно. И нет, мне не стыдно, мне весело. Я задерживаю взгляд на плавном изгибе спины и дорожке чешуек вдоль позвоночника. Проступают острые лопатки, под кожей играют мышцы. Извернувшись как червяк, Феликс сползает на пол и замирает, встав на одно колено — бедром прикрывает самое ценное.

Хмыкнув, я снимаю накидку и набрасываю ему на плечи.

— Кресси, — устало вздыхает император, похоже, напрочь деморализованный стрептизом на своём столе.

Какой бы избалованной принцесса ни была, до сих пор голых парней она отцу в кабинет не таскала.

— Феликс Дебор потомок обедневшего рода Шесс. Дела шли настолько скверно, что последние три-четыре поколения отказались от использования родовой фамилии, чтобы своим жалким видом не позорить великих предков, однако от этого они не перестали быть Шесс. Безликий не стал устранять Феликса физически. Зачем? Достаточно перевести во мрак нижнего уровня, что соответствует условиям инициации, с той лишь разницей, что остановить процесс Феликс бы не смог, и вскоре мы бы получили зверя. Не человека, запертого в шкуру животного, а именно зверя, лишённого дара речи. Дать показания, собирая слова по буквам, он бы не смог.

В романе этот метод пробовала Кэтти. Она написала алфавит, называла буквы вслух и одновременно указывала пальцем. Она надеялась, что брат рыком или шлепком хвоста будет подавать знак, и, пусть мучительно медленно, но они смогут поговорить. Ящер понимал, что от него требуется, но буквы не узнавал, очень переживал, скулил. Душераздирающая сцена, в которой главная героиня выступила чуткой утешительницей...

Убедившись, что зверь растворил в себе человека, младший принц предложил отправить ящера в естественную среду, но ящер предпочёл остаться рядом с сестрой и подставил принцу спину под седло.

— Значит, контрабандистов покрывает один из Безликих.

Император не знал или всё же подозревал измену?

— Заговорщиков, пап, за-го-вор-щи-ков. Ты ведь сам всё понимаешь, да? Просто меня не хочешь волновать. Но, пап, не волновать не получится. Насколько всё серьёзно, что даже я заметила?

— Почему ты уверена, что это заговор?

— Потому что ни один Безликий не будет покрывать обычных контрабандистов, слишком мелко для человека, обличённого высочайшим доверием. Рисковать он будет только ради ещё большего возвышения.

Император согласно кивает. Не думаю, что он действительно нуждался в моих объяснениях, скорее, хотел услышать ход моих мыслей. Он переводит взгляд на Феликса, и взгляд становится тяжёлым, а тон рокочущим, угрожающим:

— Лорд Шесс.

Голый, в моей накидке, но при этом преклоняющий колена, выглядит он более чем забавно, но я не улыбаюсь.

— Ваше величество, сожалею. Я вряд ли смогу быть полезным, я не видел лиц. Меня шантажировали жизнью сестры, и я делал всё, что от меня требовали.

— Если бы ты не мог быть полезным, тебя бы не стремились уничтожить, — пожимаю я плечами, хотя в глубине души я разочарована, я наивно надеялась если не на раскрытие заговора, то на получение существенных сведений, а тут шиш, — Но сейчас, как мне кажется, важнее разобраться не с пользой, а с Безликим.

— Да, — император забирает со столешницы приказ и прячет в сейф. — Что-нибудь ещё, Кресси? Лорд Шесс...

— Лорд Шесс принёс мне полную клятву верности на крови, так что свою ящерку я забираю. Феликс, обернись, как было.

Подозреваю, что в частых оборотах нет ничего хорошего, но вести по коридорам парня без портков — скандал, который подданные не поймут, я ведь принцесса капризная, а не развратная. Я удобно сажаю ящера на бедро, прикрываю накидкой.

— Откуда что взялось, — бормочет император.

Настроение резко портится. Я не питаю иллюзий. Помимо общей линии поведения, есть мелкие привычки, которые, порой, значат гораздо больше. Я понятия не имею, предпочитала Кресси чай с лимоном или с сахаром. А, может быть, как англичанка, с молоком? Какие тропинки в саду она выбирала, а какие избегала? Задерживалась ли в беседках или у фонтана? Любила ли она подолгу примерять наряды или делала выбор быстро, доверяя основную работу швейным мастерицам?

Я смутно представляю, как скрыть, что я самозванка. Разве что поскандальить, обидеться и уехать в загородную резиденцию. Но прямо сейчас, пока заговорщики на свободе, я не могу позволить себе роскошь праздности.

Глядя на крепкого, полного сил мужчину, я, странное дело, искренне о нём беспокоюсь, как будто он мне родной, и ловлю себя на том, что раскрыть заговор я хочу не только ради своего комфорта, а прежде всего ради него, чтобы он жил. А ещё мне не нравится ни перечеркнувшая его лоб вертикальная морщинка, ни тени под глазами.

Но одновременно я не могу не думать о том, что император любит дочь. Будучи самозванкой, я краду его любовь...

Нет, так можно забуриться в болото рефлексии и самоедства, ни к чему. Постепенно разберусь.

— Сир?

Пока я прятала ящера, император вызвал из приёмной своего огненно-рыжего секретаря.

— Срочный сбор всех Безликих без исключения.

— Есть, сир!

Сбор?

— Я могу присутствовать?

— Хорошо, Кресси, Кевин сообщит тебе время.

— Спасибо!

Удивляясь своему внезапному порыву, я перегибаюсь через стол и целую императора в щёку, совсем как утром, и мне бесконечно приятно видеть озарившую его лицо улыбку.

К себе в покои я возвращаюсь с чётким ощущением, что иду верным путём.

И в первой же комнате меня встречает стайка фрейлин. За время моей поездки они размножились почкованием? Откуда столько одетых в синее девиц? Пять, шесть... Считая фрейлину за моей спиной, их семь. И они окружают меня с насквозь фальшивыми улыбками, подхватывая друг за другом обрушивают на меня водопад сплетен.

С одной стороны полезно, с другой — я всё равно ничего не понимаю. Я жестом показываю им расступиться и предлагаю:

— Почему бы вам всем не отдохнуть?

Не знаю, разойдутся они или останутся караулить, сейчас я не готова думать ещё и о них.

Я прохожу анфиладу комнат, мимоходом отправляю служанку за обедом — прежде всего для ящера, но я и сама не прочь перекусить, успела проголодаться.

Пройдя в спальню, я сажаю Феликса на пуф и приказываю:

— Обернись в человека.

Спальню я выбрала местом действия по единственной причине — меньше шансов, что вломится кто-нибудь посторонний. В будуар фрейлины заходили свободно.

Феликс же, снова ничем не прикрытый, понимает ситуацию как-то очень по-своему и бросает дикий взгляд сначала на постель, а потом на меня.

Глава 5

Полыхнувший в его глазах гнев резко гаснет, во взгляде обречённость. Я вижу, как напрягаются мышцы. Феликс не в силах сбежать, пытается отстраниться от происходящего. И если наблюдать за его яркими эмоциями даже забавно, внезапно проснувшись во мне маленькая садистка ликует, то сейчас мне уже не весело.

— Принцесса, неужели? Вы приняли у меня полную клятву верности, чтобы заставить служить вам в постели?!

О, нет, зря я подумала, что Феликс сдулся. Под обречённостью всё та же жгучая злость.

— В твоих мечтах, — фыркаю я. — Мальчик, я понимаю, что тебя подземным мраком Тан-Дана контузило, но начни уже думать, ты умеешь, я видела. У нас тут заговор из всех щелей.

Феликс моргнул.

С меня он снова переводит взгляд на кровать и обратно на меня.

— Ваше высочество...

— Если этой ночью в сюда придёт убийца, я рассчитываю на твою защиту, Феликс, а развлекаться я могу и без твоего скромного участия. Стоит мне пальцем поманить, от претендентов отбоя не будет. Хотя, надо признать...

По тому, как опускаются его плечи, как раскрываются стиснутые в кулак пальцы, я понимаю, что он расслабился, поверил, что я не собираюсь унижать его нарочно, и вообще я не в настроении развлекаться.

— Хотя, ваше высочество?

Я колебалась, стоит ли продолжать дразнить парня. Меня это здорово отвлекает, ведь про убийцу в ночи — это ни разу не шутка и не преувеличение. В романе Кресси была капризной пустышкой. Я, благодаря знанию ближайшего будущего, указала отцу на Безликого. И это не последнее моё вмешательство. Как только герцог осознает, что я стала опасна, а осознает он это в самое ближайшее время, он захочет от меня избавиться.

— Ты хорош собой. Я получаю... эстетическое удовольствие, — я, не торопясь, обхожу его по кругу и даже касаюсь плеча, ощущаю неожиданно нежную бархатистость кожи.

Пальцы соскальзывают на его ключицу, ниже.

Феликс издаёт гортанное шипение, точно растревоженный змей, отступает на шаг. Усмехнувшись, я разворачиваюсь спиной и ухожу к окну, даю ему время выдохнуть, привести мысли в порядок. И Феликс не разочаровывает.

Через пару минут я слышу его почти бесшумные шаги по ковру, я кожей ощущаю его приближение. Феликс останавливается в метре от меня. Молчит. Его судорожный вздох заставляет обернуться. Феликс смотрит не на меня, его взгляд прилип к окну. Он будто жадно впитывает открывшийся простор и солнечный свет. Я открываю створку и спускаю в спальню свежий воздух.

— Мда, оборачиваться в ближайшее время тебе не стоит.

— Вы же хотели ручную ящерку, ваше высочество, — криво усмехается он, но я вижу в его глазах страх.

В романе рассказывалось, что представители рода Шесс проходят весьма, на мой взгляд, необычную инициацию. Они спускаются в подземелья, чаще естественные пещеры, но сгодятся и искусственные помещения, лишь бы было достаточно глубоко и темно. Чем дольше времени проведёшь в изоляции, тем сильнее станешь. Но если ты не выйдешь на свет вовремя, исчезнешь, станешь зверем.

Получается, когда-то Феликс уже проходил инициацию, иначе бы он не покрывался чешуёй. Кэтти ведь не умеет.

— Как только решу проблему с твоей одеждой, сможешь выйти.

Феликс встречается со мной взглядом, прижимает ладонь к груди и склоняется:

— Спасибо, что спасли, ваше высочество. Мне немного оставалось...

Не могу принять его благодарность:

— Мальчик, я спасаю себя. Скажи, кто я по-твоему в этой империи?

Если моё обращение ему и не нравится, он никак этого не показывает. Ответ на вопрос у него от зубов отскакивает:

— Вы принцесса Крессида Небесная.

— Ха? В этой империи? Нет, мальчик. В этой империи я любимая дочурка императора. Титулы и прочая мишура вторичны. Моё исключительное положение даёт мне папа, поэтому за папу я буду драться, а ты в этой драке мой первый солдат.

— Ваше высочество, какая пламенная речь, только я не понял, вы в своём эгоизме убеждаете меня или себя?

Настоящая Кресси ему бы залепила пощёчину, не меньше. Я же... Я не Кресси.

— Мальчик, ты слишком болтливый, — я упираюсь указательным пальцем ему в грудь, а затем легко щёлкаю по носу и отхожу в сторону.

Эх, даже царапину ногтем не прорисовываю.

Феликс послушно замолкает и отворачивается к окну. По сути Феликс сменил подземную клетку на просторные покои, но он по-прежнему заключённый, так что философские размышления оставляю ему, я же переключаюсь на насущное. Парня надо во что-то одеть, и ни набедренная повязка из простыни, ни мои шёлковые панталоны не годятся. То есть сгодились бы, если бы я решила держать Феликса в спальне, а наружу брать только в виде ящерицы, однако я уже вижу нехорошие признаки: чешуя уходит медленно, непредсказуемо проступает на коже без видимых причин, сам оборот весьма болезненный, особенно обратный. Я боюсь, что человеческое сознание в какой-то момент сломается, в романе был намёк на вред от частых прыжков туда-сюда. Не брать с собой, а просто оставить в спальне? Отказываться от дополнительной защиты непозволительная роскошь.

Насколько я могу доверять своей горничной? С одной стороны, кого попало император бы к дочери не допустил, с другой стороны, в романе заговорщики преуспели, то есть она вполне может оказаться шпионкой. Хм, но ведь она всё равно поймёт, что у меня кто-то завёлся?

Опять же, то, что я забрала Феликса не секрет. Вопрос лишь в том, расползутся сведения быстро или медленно...

— Ваше высочество? — в дверь раздаются два быстрых удара и один после короткой паузы.

— Ваше высочество?! — шёпотом вторит Феликс.

Вот, так и есть: чешуя растеклась по телу, укрыла от макушки до пальцев ног..

Я глазами указываю на дверцу, ведущую в ванную комнату, и добавляю:

— Мальчик, тебе следует вспомнить про самоконтроль. Ты же не хочешь очешуется безвозвратно? Полагаю, за определённой чертой даже мой прямой приказ не поможет вернуться.

Феликс вовремя скрывается, в спальню входит горничная. Как и утром, она не дожидается разрешения, но держится уверенно, а значит подобная на первый взгляд бесцеремонность в порядке вещей.

— Обед подан в будуар, ваше высочество, — она склоняет голову.

Утром мне было не до разглядываний, я только обратила внимание на форму, выдающую в девушке горничную.

Светленькая, но не блондинка, скорее пшенично-русая. Волосы аккуратно заправлены под чепчик, видны лишь прядки спереди и лезущая в глаза чёлка, которую давно пора подравнять. Лицо миловидное, юное, курносый нос придаёт облику задора, который совсем не вяжется с холодным оттенком голубого платья. Под моим пристальным изучающим взглядом горничная тушует, часто-часто хлопает глазами. Наверное, пугается, что я недовольна, но тем не менее глубокого страха я не вижу.

Я жестом показываю, что она может идти. Меня, наконец, осенило: незачем посылать за мужской одеждой личную горничную, когда скоро придёт папин помощник, нагрузу его, он же и так в курсе обстоятельств.

— Ваше высочество, — мои размышления перебивает одна из фрейлин, — его высочество кронпринц Теорий просит вас его принять.

Старший брат?!

Я поспешно выхожу навстречу. Брат ожидает в гостиной, расположенной сразу после будуара, если считать от спальни.

Вылитый отец, только моложе и беззаботнее.

Как Кресси обращалась к старшему брату, я знаю из романа:

— Тери!

Широко улыбнувшись, брат подхватывает меня за талию, и в его руках я взлетаю чуть ли не к потолку. Гостиная вращается перед глазами. Я заливаюсь смехом, как маленькая девочка, и ловлю себя на странной мысли. Передо мной незнакомый мужчина, которого я впервые вижу, но почему-то я испытываю необъяснимое доверие и про себя я сразу же называю его братом без капли внутреннего сопротивления. Это, конечно, хорошо, Тери насторожится, если я без причины начну зажиматься или стесняться, но всё равно странно.

И императора я в мыслях тоже уже считаю папой...

Сделав пару кругов, Тери опускает меня на пол:

— В детстве ты таскала у меня игрушечных солдатиков, а теперь живого заключённого увела. Отец рассказал.

Я бросаю взгляд на горничную. Она отошла к дальней стене, достаточно далеко, чтобы не слышать тихий разговор, но всё равно мне не нравится её присутствие:

— Можешь идти, — я дожидаюсь, пока горничная, поклонившись, послушно скроется за неприметной дверью, и с искренним интересом переспрашиваю. — У тебя?

В копиях документов, которые мне дал комендант, принц не упоминался, фигурировало имя дознавателя, не помню какого ранга.

— Я взял расследование на личный контроль, и, когда понял, что Феликс Дебор едва ли настоящий организатор, решил официально закрыть дело, а продолжить расследование тихо и своими силами. Это я распорядился отправить Дебора в Тан-Дан.

— А кто-то зашёл ещё дальше и отправил его на нижний уровень Тан-Дана.

— Думаешь, мы поймали финансовое щупальце заговора? — посерьёзnel Тери.

— Хм, а у тебя есть другие предположения?

Тери приподнимает бровь. Видимо, со своим вопросом я попала впросак, но я не понимаю, что не так. Не дождавшись от меня реакции, Тери поясняет:

— Самое очевидное, Кресси. Род Шесс окончательно исчез с политической арены несколько веков назад, но тот, кто попытался

убить Фелкса Дебора прекрасно знал, как действовать. Возможно, настоящая цель Безликого, окончательно пресечь линию Шесс?

Я на секунду задумываюсь. Звучит разумно, но:

— Тогда Кэтти Дебор давно бы устроили несчастный случай, но, насколько мне известно, она недавно прибыла в столицу. Она собирается посетить завтрашний турнир. Ха, кто её пропустит на трибуны без приглашительного? Пфф!

— Резонно. Я заберу Феликса Дебора в наши камеры.

Что-что?! Во-первых, убийцу не остановили стены твердыни Тан-Дана. Где гарантия, что дворцовых стен окажется достаточно. Во-вторых, Феликсу клетка противопоказана.

Уж не замешан ли старший принц? Но зачем ему?

Посмотрим...

— Тери... Разве папа не сказал, что Феликс принёс мне полную клятву верности? На допрос, так и быть, одолжу, и то, при ма-а-аленьком условии.

— Клятву?! Нет, не сказал. Кресси, зачем...? Он вор, контрабандист, и на его счету несколько жизней. Он ни разу не невинная жертва.

Именно поэтому в романе расследование младшего принца затянулось: он проверил несколько эпизодов, не связанных с продажей энергетических камней степнякам, и преступления подтвердились.

Что касается клятвы... Казалось бы, что проще — принять клятву верности у всех без исключения дворян, тогда предательство станет невозможно физически. Но император после коронации торжественно принимает обычные клятвы, пустые слова, которые ничем не связывают подданного. Разгадка в романе была: магическая клятва давит не только на вассала, но и на сюзерена. Чем ты сильнее, тем большую нагрузку можешь выдержать.

Принятие магической клятвы — это высочайшая честь, знак особого доверия.

— Он Шесс. А воровать с этого момента будет только то, что я разрешу.

Тери закашлялся. Наверное, представил меня, взламывающую чью-то сокровищницу.

— Если ты уверена... Какое условие, Кресси?

Полагаю, папа не только о клятве не сказал, но и вообще подробности опустил. Братик, крепись, тебя ждёт очередное потрясение:

— Обеспечь Феликса одеждой. Он ведь сейчас в моей спальне без штанов.

Миг непонимания сменяется бездной изумления, а ещё мгновение спустя щёки Тери расцветают гневным румянцем. Брат сжимает кулаки и бросается в сторону моей спальни. Приходится ловить и гирькой повисать на шее.

— Как он смеет?! Убью без суда и следствия.

Логика, ау!

— Тери, но это я приказала.

— Кресси?!

Тери теряет запал, смотрит на меня и, по-моему, не узнаёт.

Чего и следовало ожидать. Я закатываю глаза:

— Если держать его ящерицей, то скоро мы и получим ящерицу. Зверушка полезная, но от человека толку больше. Поэтому, Тери, пусть кто-нибудь принесёт одежду? Не буду же я горничную развращать, а? И мундир, чтобы я могла таскать зверушку за собой. Что касается его преступлений... Тери, неужели я меньшее наказание?

Брат сперва прыскает, долгое мгновение он борется с собой и, проиграв, с хохотом утыкается мне в плечо. Я обнимаю его, жду, пока отсмеётся. Тери отстраняется далеко не сразу, вытирает, выступившие на глаза слёзы:

— Пожалуй, ты права, Кресси. Он действительно тобой наказан. Будет одежда, но я всё ещё хочу его допросить.

— Не буду мешать, — обещаю я и повышаю голос. — Мальчик, выходи!

Феликс выходит. Для меня фраза безобидная, но для парня она звучит приказом, который невозможно послушаться. В будущем надо быть осторожнее в словах...

В ванной комнате он не тратил времени зря, выбрал полотенце и обмотал вокруг бёдер. Если честно, не уверена, что вид стал приличнее, скорее, наоборот. Но куда больше меня волнует не соблюдение приличий, а полоски чешуи, так и не пропавшие. Может быть, после сна и отдыха пропадут?

— Развлекайтесь, — я подхватываю с тарелки пирожок и ухожу в соседнее помещение.

Дверь была открыта, так что я не ошибаюсь. Я нахожу свой рабочий кабинет. Или, правильнее сказать, кабинет, который должен быть рабочим. Он настолько стерильно чист, что не верится, что принцесса проводила в нём хоть сколько-то времени. Вместо стола бюро, изящно изогнутые ножки-соломинки вот-вот переломятся под тяжестью книг. На столешнице висится целая стопка. Судя по названию верхней — мне принесли книги, которые я утром заказала.

Я вольготно устраиваюсь, откусываю от пирожка. М-м-м.. ягодная начинка, сладкая, но не приторная, чувствуется фруктовый вкус, а сахара словно вообще нет — потрясающе! Я слизываю потёкшее варенье и в два укуса доедаю пирожок. Отряхнув пальцы от крошек, убеждаюсь, что не запачкаю страницы и принимаюсь за первую книгу. Читать я сейчас не буду, я, как нерадивая ученица, листаю в поисках картинок. В смысле — в поисках планов дворца и схем расположения залов.

Краем глаза я поглядываю за происходящим в будуаре. Тери развернул стул и сел. Феликс в присутствии кронпринца без приглашения садиться не имеет права, а Тери, естественно, не пригласил, более того, нарочно занял позицию так, чтобы Феликс видел накрытый стол. Что же, в императорской семье не только Кресси маленькая зараза. Интересно, это мы в папу, в маму или в обоих родителей сразу?

Вмешиваться я не буду, мужчины сами разберутся. Тери ведь абсолютно прав — Феликс не белый и пушистый, несправедливо обиженный.

План дворца занимает целый разворот, я довольно легко нахожу боковое крыльцо и пляшу от него. На плане крыльцо называется ни много ни мало Восточным подъездом.

Я настолько увлекаюсь, что пропускаю приход папиного рыжего секретаря.

— Ваше высочество принцесса Крессида, его величество ждёт вас.

Безликие прибыли так быстро? В романе мгновенное перемещение не упоминалось.

Я отрываюсь от книги и спотыкаюсь взглядом о примостившегося на подоконник Феликса. Одетого. Затянутого в форменный мундир. Чёрный ему к лицу...

Тери нигде нет, обед остыл.

Это насколько же я выпала из реальности?! Зато план я готова повторить с закрытыми глазами! Одна беда — не все помещения были обозначены подробно.

— Иду, — отвечаю я рыжему, а Феликсу киваю на накрытый стол. — Приятного аппетита.

Феликсу повезло: у него на обед блюда императорской кухни, а у меня — Безликий.

Феикс провожает меня задумчивым взглядом, но мне не до него. Мысленно я уже в кабинете наблюдаю за разоблачением предателя, однако проигнорировать переглядывания фрейлин, отирающихся в первой комнате, не получается. Почему они не ушли и что я опять сделала не так? Насчёт “не ушли” версия сама напрашивается: вероятно, им положено ожидать указаний с утра до вечера, и уйти они не имеют права даже с разрешения. Больше того, не удивлюсь, если две-три фрейлины ещё и ночью дежурят, на будущее нужно учесть. А вот почему они переглядывались? Я только появилась в сопровождении Рыжика, а они уже удивились. Одежда не в порядке? Хм, а ведь точно! Вторая половина дня, а я до сих пор в утреннем платье. Но не поворачивать же назад.

Я следую по коридору в сторону папиного кабинета, однако на полпути Рыжик меня останавливает:

— В Малый приёмный зал, ваше высочество.

А-а-а-а!

Какая же я молодец, что догадалась заказать книги. Я знаю куда идти!

Небрежно кивнув, я сворачиваю в галерею.

Безликие, семеро, ожидают перед приёмным залом. Тёмные плащи, на головы надвинуты капюшоны, а лица скрыты за масками. В ночи встретишь — поседеешь. Безликие приветствуют меня поклонами. Я киваю в ответ, но не задерживаюсь.

Рыжик впускает меня в зал, сам остаётся снаружи.

— Кресси.

— Папа.

Император сидит в кресле, установленном на небольшом возвышении, но при моём появлении встаёт. В его глазах при виде моего платья тоже мелькает удивление, но он ничего не говорит, лишь подаёт мне руку и ждёт, когда я займу второе кресло. Может, это даже троны?

— Кресси, не думаю, что предатель сможет причинить вред впрямую, но не беспокойся, меры приняты.

— Хорошо, — улыбаюсь я.

Двери открываются, и появляется Рыжик. Я понимаю, что его вызвал император, но и как в прошлый раз, не могу сообразить, как именно работает связь. В колокольчик император точно не тренькал.

Рыжему хватает кивка. Он приглашает в зал первого из семи Безликих и плотно закрывает дверь.

— Ваше императорское величество, — Безликий, дойдя до середины зала, по-рыцарски опускается на одно колено.

Папа царственно медлит с ответом, дожидается, пока Рыжик встает сбоку от коленопреклонного Безликого, достанет из внутреннего кармана свёрнутый в трубочку приказ, развернёт.

— Лорд, взгляните. Этот приказ отдали вы?

— Нет, ваше императорское величество!

— Когда вы последний раз были в Тан-Дане, лорд?

— Больше года назад, ваше величество.

— Благодарю, лорд.

Безликий поднимается и отступает к стене, а Рыжик приглашает следующего.

Солгать, связанные магической клятвой не смогут...

— Нет, ваше императорское величество, я не отдавал этот приказ.

— Нет, ваше величество, это не я.

Поначалу “промахи” меня не напрягают, нет никакой причины, чтобы предатель попался первым.

Четверо Безликих прямо и чётко заявили о своей непричастности, пятый. Осталось допросить двоих. Я невольно напрягаюсь. Сейчас решится.

— Нет, ваше величество, я не отдавал этот приказ.

Если не он, то последний оставшийся. Император вроде бы не меняется в лице, остаётся таким же царственным, отстранённо-безучастным, но я чувствую, как вокруг него сгущаются тучи. Сейчас

полетит голова с плеч предателя. Возможно, в самом буквальном смысле слова.

Рыжик приглашает Безикого. Поразительно, с каким спокойствием предатель преклоняет колено.

Император не спешит бросаться обвинениями. Рыжик в седьмой раз разворачивает свиток.

— Леди, — обращается к Безликому император.

Среди них есть женщины?!

— Ваше императорское величество.

— Леди, этот приказ отдали вы?

— Нет, ваше величество, не я.

Что?!

— Леди, когда вы последний раз посещали Тан-Дан?

— Ваше величество, мне никогда не доводилось бывать в Тан-Дане.

Но... а как так-то?!

Император касается моей руки и ободряюще сжимает пальцы. Если он и встревожен, то железный самоконтроль не позволяет эмоциям отразиться на лице. Глядя на него, я тоже стараюсь держать лицо, тем более прямо сейчас ничего опасного не происходит, всего лишь мои надежды на быстрое разоблачение предателя зашли в тупик.

Рыжик с поклоном возвращает документ. Ничего необычного, но у меня закрадывается подозрение: а что если Рыжик подменил приказ? Доступ к документам у него есть, он мог продемонстрировать что-то иное. Нет, не складывается, ведь император подстраховался вторым вопросом про Тан-Дан. Разве что приказ подписал настоящий Безликий, а вручил ряженный самозванец, но это такие параноидальные дебри, что лучше в них не зарываться. В любом случае, это не те мысли, которыми можно делиться публично.

— Занятно..., — император обводит Безликих взглядом. — Приказ есть, но его никто не отдавал.

Возможно, есть Безликий, считающийся погибшим? Звучит правдоподобнее...

— Ваше величество, смею предложить отправить герцога Майрайа с важной дипломатической миссией куда-нибудь подальше.

Император задумчиво смотрит на Безикого:

— Вы уверены, что без герцога заговор развалится, лорд? — в голосе тщательно скрываема́я насмешка. — Может быть, высылка герцога помешает предателю и дальше наносить ущерб Короне?

— Ваше величество, я предлагаю отказать в доверии.

Отдельно слова понимаю, всё вместе — нет.

— Новых приказов не будет, да, — в обсуждение включается Рыжик. — Но я считаю недопустимым позволить предателю скрыться.

— Отказ в доверии решение излишне поспешное, но рациональное зерно в нём есть. Прямо сейчас мы лично проверим регалии.

Та-ак... Если я правильно поняла, Безлики предложил что-то вроде “сброса к заводским настройкам”. Коронация — ритуал в том числе и магический, а регалии являются древними и очень мощными артефактами. К моему большому сожалению, подробностей в романе не было, но и без этого понятно, что поводок клявы пристёгнут к артефакту. Безликий верно сказал: если нельзя понять, какой из десятка поводков плохой, следует уничтожить все.

Рыжик, приняв на себя роль глашатая, громко объявляет:

— Лорды и леди, аудиенция его императорского величества окончена!

Должна ли я пойти следом? Сидеть, когда император встал, даже принцессе неприлично.

Император с улыбкой подаёт мне руку.

Безликие провожают нас поклонами.

— Что теперь? — спрашиваю я, как только мы оказываемся вне зоны их слышимости.

— Проверим регалии. Конечно, нельзя исключать, что есть способ обойти клятву, но я полагаю, что у нас появился неучтённый Безликий.

— Пап, каким образом? — хмурюсь я.

Они же не тараканы, чтоб самопроизвольно заводиться.

— Кресси? Императрица...

А?

Я с досадой прикусываю губу. Обыденное для настоящей Крессиды, для меня мрак. Я уже “сыплюсь”, чего стоит моя ошибка с

утренним платьем. Как быстро окружающие поймут, что принцесса не в порядке? Как долго я продержусь?

Я не питаю иллюзий, сослаться на амнезию не получится — лекари быстро раскроют обман.

Взять на вооружение совет Безликого и самой сбежать с дипломатической миссией? Во-первых, кто мне позволит? Во-вторых, как я брошу в беде свою семью? Понять бы ещё, почему я считаю семьёй двух посторонних мужчин...

Так, получается, что артефакт, делающий Безликих Безликими работает не только в руках императора? Если допустить, что императрица действительно воспользовалась регалиями, то у нас проблемы.

Император утягивает меня в неприметный альков. Хотя в коридоре мы были одни, нас даже Рыжик не пошёл сопровождать, император плотно задёргивает портьеру. Куда он нажимает, я не успеваю понять. Стена бесшумно расходится, и открывается потайной ход. Выглядит, как будто параллельно основному коридору тянется узкий дублёр. Здесь нет роскоши декора, каменная кладка обнажена, хорошо просматриваются стыки, швы, но тайный ход и не должен быть красивым.

По ощущениям, мы двигаемся в сторону кабинета, но могу ошибаться. Император останавливается, касается ничем не примечательного булыжника, легко надавливает, и камень словно проваливается. Открывается ещё один ход. Тайный коридор в тайном коридоре? Как матрёшка в матрёшке?

Мы попадаем на вершину винтовой лестницы, убегающей далеко вниз. В лучших традициях Сокровищница устроена под землёй. Может быть, я увижу набитые золотом сундуки?

Спускаться приходится довольно глубоко, и с каждым шагом ступеньки становятся всё круче и уже, а раскрошившаяся кромка намекает, что с момента создания лестница едва ли видела ремонт, что весьма печально сказалось на её состоянии.

Внизу квадратная площадка, фактически, мы спустились на дно колодца. Император нажимает на стену, и открывается проход в сокровищницу.

Что могу сказать... Моя спальня из прошлой квартиры была просторнее. Я догадывалась, что сокровищница — это не бассейн, где

вместо воды золото, но теснота комнаты неприятно удивляет. Как и пустота. Сундуки? Ни одного! Вдоль стен полукругом стоят разной высоты каменные постаменты, каждый накрыт синим бархатом и увенчан плоской подушкой с тяжёлыми золотыми кистями. Регалии возлежат на подушках, и их неожиданно много. Императорская корона, скипетр, держава, корона императрицы и ювелирный гарнитур, отдельно комплекты для наследного принца и старшей принцессы. Моё внимание привлекают книги и предметы, назначение которых я сходу не могу определить, здесь же лежит ритуальное оружие.

Я ловлю себя на том, что застыла в изумлении. Надо взять себя в руки, император же заметит странную реакцию, даром, что он ко мне спиной и рассматривает деревянную маску. Надо подойти ближе...

— Кресси!

Стопка книг разлетается, а нижняя взлетает к потолку и... обрушивается мне на голову.

А вместе с ней на меня обрушивается кромешная тьма.

В прошлой жизни я два или три раза падала в обморок, и больше всего потеря сознания походила на сон без видений.

Всё иначе.

Я словно ослепла. Сознание со мной, я вполне осознаю себя, а вот тело совершенно не чувствую. Я как будто парю в пустоте. Или снова стала бесплотным духом.

От удара по голове вполне можно умереть. Хах, я боялась выдать себя людям, но, похоже, бояться следовало древнюю магию.

Это даже смешно — я суток не продержалась.

Что теперь? Ещё одно перерождение? Не хо-чу... Я обхватываю себя руками. Материального тела нет, но внешность моя при мне, причём я отмечаю, что форма кистей у меня сейчас не принцессина.

Императора жалко... Ему придётся похоронить драгоценную дочь, так похожую на любимую жену? Хватит ли того, что я уже сделала, чтобы изменить историю? Я задаюсь вопросом, куда делась душа настоящей Кресси, но ответов как не было, так и нет.

Хочу домой, к Даше...

Впереди окружающая меня тьма меняется, я замечаю слабый огонёк. В пустоте хватает одного не до конца оформленного намерения, чтобы переместиться.

В темноте мерцает стекло, разделившее пространство надвое. По ту сторону от меня широкое ростовое зеркало в витой раме. Я вижу своё отражение, на мне та же одежда, что была на мне в торговом центре.

Простым перерождением не пахнет...

Я пытаюсь попасть к зеркалу, но стеклянная преграда не пускает.

В зеркале появляется второе отражение — её высочество принцесса Крессида Небесная.

— Что...?

— Ты такая жалкая, — заявляет она.

Теперь я её вижу, она, точно также как я стоит перед зеркалом, но и от зеркала, и от меня её отделяет второе стекло. Как хорошо... Наличие стены, пусть и прозрачной, даёт мне иллюзию безопасности. При взгляде на подозрительно спокойную принцессу мне начинает казаться, что в происходящем она замешана напрямую, а значит, стоит готовиться к какой-нибудь гадости.

— Куда мне, простолюдинке, с тобой красотой соперничать, — усмехаюсь я.

Ещё на хватало спорить с избалованной эгоисткой.

— Внешне ты как раз весьма очаровательна, но эти тряпки, в которые ты замоталась, отвратительны. Где твоя осанка? Где чувство собственного достоинства?

Я её слушаю и ушам своим не верю:

— Девочка, ты это серьёзно? Мы висим чёрт знает где, происходит чёрт знает что, но тебя волнует мой внешний вид. Побеспокойся о своём, если уж на то пошло.

— А что о моём беспокоиться? — искренне удивляется Кресси и самодовольно ухмыляется. — Он безупречен!

Она меня от чего-то отвлекает? Заговаривает мне зубы?

Может, правильное решение — держаться от зеркала подальше? Слово в ответ на мои мысли, зеркало подёргивается рябью, и проступает изображение.

— Даша! — я подаюсь вперёд, вжимаюсь в стекло.

Суток не прошло, почему она так постарела?! Горе способно разом накинуть десяток лет, но я не об этом. Даша не растолстела, но заметно набрала вес, особенно в груди прибавилось. Волосы отрасли,

выкрашены в сочный рыжий, но у корней непрокрас. На вид ей... к тридцати.

Даша почему-то в халате, а интерьер больничный.

А ещё — изображение сфокусировано на Даше, фон размыт, и я не сразу замечаю — рядом с больничной кроватью две кровати для новорожденных. В первой малыш спит, а во второй моргает и, кажется, смотрит прямо на меня.

— Да... двойняшки, красавицы-дочки, — Даша болтает по телефону.

— Уже решили, как назовёте?

— В честь тёти, и в честь мамы. Если бы она могла увидеть...

Я вижу. И вижу, что моя защита теперь окутывает не только Дашу, но и передалась обеим девочкам.

У Даши всё хорошо, она счастлива.

Надо же, в мою честь...

Только сейчас я по-настоящему осознаю, что моя жизнь закончилась. Трагично, обидно рано, несправедливо — финал окончателен и обжалованию не подлежит. Мне до слёз жаль расставаться, но по крайней мере я могу уйти спокойно.

— Родные, будьте счастливы, — мне кажется, что названная моим именем малышка меня слышит.

Изображение тает.

Я всё ещё смотрю в зеркало, и я не сразу замечаю, что наши с принцессой отражения начинают меняться. В моём лице проступают её черты, в её — мои.

Она нарочно подловила меня на сердечной слабости?!

— Что ты творишь?!

Она склоняет голову к плечу, точь-в-точь, как обычно делала я:

— Ты жизнь положила ради своей племянницы. Я спасаю отца и братьев. Что тебя удивляет?

— Не за мой счёт!

Ради Даши я бы отдала жизнь, но это не значит, что я отдам душу ради чужого отца.

— А за чей же? — ухмыляется Крессида.

Мутная схема, я едва ли понимаю происходящее, но соотнести, что меня ударила книга-артефакт, а попала я в мир романа, я могу, ну и

принцесса демонстрирует уверенность, а значит, ситуацию контролирует или, как минимум, понимает. С её слов получается...

— Себя в жертву приноси! — зачем ещё ей могло потребоваться выдернуть чужую душу, если не для жертвоприношения?!

Я не думаю, что мой выкрик внезапно разбудит её совесть, но эмоции рвутся — страх за себя.

Принцесса наблюдает за мной с насмешкой и любопытством, с которым наблюдают за забавной зверушкой в клетке.

— А я что, по-твоему, делаю? — серьёзно спрашивает Кресси и выражением лица становится очень похожей на папу.

— А?

— Тебе станет легче, если я исчезну?

О чём она?

— Послушай, я не хочу, чтобы ты исчезала, я хочу...

— Да-да? Что же ты хочешь?

Я бы сказала, что вернуться в свою прежнюю жизнь, но это не так. За несколько часов в мире романа в моём прежнем мире промелькнуло несколько лет. Тела давно нет... Я вспоминаю свои последние мгновения — принцесса к пожару не причастна, как и к тому, что я заблудилась в дыму.

Хочу спасти императорскую семью?

— Я...

— Позволь, я тебе помогу? Ты хочешь спасти папу и братиков, — она мои мысли читает?! — Ты не задумывалась, что посторонние мужчины воспринимаются родными, дорогими и близкими?

Стекло под пальцами плавится, истончается.

Я чувствую себя глупым мотыльком, летящим в огонь лампы, только меня заманивают не светом, а ответами на мучившие меня вопросы.

— Замечала, — только обдумать как следует не успела. — Это наведённое?

— Пфф! Ты забавная. Что ты знаешь о происхождении нашей династии?

— Ничего.

Принцесса горделиво поднимает голову:

— Мы прямые потомки богини судьбы.

У-у-у... Своё мнение лучше оставить при себе.

Не то, чтобы я отрицала саму возможность существования богов, но из древней истории я помню, что у многих народов было принято вести родословную от небожителей и великих героев, ничего нового.

— Нехило, — пожимаю я плечами.

— Наш род, как и многие другие древние рода, вырождается. Мы теряем наше божественное наследие.

— К чему всё это?

Стекло истончилось и полностью исчезло, но принцесса не делает попыток сблизиться, как стояла в позе владычицы мира, так и стоит, кривит губы в насмешливой улыбке. Я бросаю тревожный взгляд в зеркало и делаю несколько шагов в сторону, так, чтобы перестать отражаться, но моё отражение не только не исчезает, но и сдвигается ближе к отражению принцессы, черты лица смешиваются ещё больше, очень скоро зеркало начнёт показывать близняшек.

Может, разбить его? Но как, если я бесплотный призрак?

— Ты права, моя теория насчёт причин вырождения сейчас не имеет значения. Важно иное. Есть способы разбудить спящие способности.

То, что она говорит про императорский род, очень похоже на то, то я читала про род Шесс. Былое величие угасло, инициация смертельно опасна.

— И ты разбудила? — догадываюсь я.

— Крохи, но я смогла открыть Книгу судьбы и прочитав несколько страниц. Прочитанное мне о-очень не понравилось. Если ничего не предпринять, то в течение двух-трёх лет наш род будет полностью уничтожен.

— Я до сих пор не понимаю, каким боком здесь я.

— В хрониках работа с книгой судьбы описывалась весьма просто: читай и меняй, всё, что тебе не нравится. Например, сватается к тебе принц соседнего королевства, а ты из книги узнаёшь, что будешь с ним глубоко несчастна и бездетна. Достаточно отказать, и будущее полностью изменится.

— Гладко было на бумаге, но забыли про овраги, да?

Кресси на миг задумывается, осмысляет фразу и с усмешкой, то теперь она насмехается, я уверена, над собой, кивает:

— Листать Книгу судьбы, чтобы узнать прогноз погоды, не получится. Чтение отнимает очень много сил. Сказать, что оно

убивает, не преувеличение. В хрониках описывается, что хранительница Книги, за редчайшим исключением, не читала судьбу чаще раза в год, подготовка к церемонии занимала целый месяц, а после хранительница восстанавливалась не меньше двух. Я тоже готовилась, но... Я умерла и отправилась на перерождение, родилась младенцем без памяти о прошлом, выросла в самой обычной семье со старшей сестрой, поддерживавшей меня, когда не стало наших родителей, а потом сестра погибла в аварии вместе с мужем. Конечно, я не могла бросить её дочку, Дашу.

— А?!

— Новая жизнь получилась короткой, я не оставила прямых потомков, но зато я дала счастливое будущее Даше и её дочкам, что, согласись, здорово. У некоторых родовых артефактов есть мощные целительные свойства, жизнь вернулась в тело, а следом и душа, но уже с новой памятью.

— Бред!

— Почему? — удивляется Кресси.

— Потому что нас тут двое. И вообще, не сходится. Если ты умерла во время чтения, то почему я очнулась не в сокровищнице, не за столом или где ты читала, а в спальне под одеялом? Опять же, книга. В моём мире ты была второстепенной героиней романа о любви принца Олиса и горничной.

— Да нет же, ты тут одна, просто потоки времени в двух мирах текут с разной скоростью, а здесь и вовсе Безвременье. Олиса при мне не упоминай, — кривится принцесса. — Что касается романа, то ты с кем-нибудь обсуждала сюжет? Я ведь умерла с открытой книгой. Полагаю, магия дотянулась до меня накануне моей второй смерти. То есть для всех в книге был один текст, а я видела совершенно другой. Почему главной героине была горничная, не представляю. Либо она чем-то важна, либо текст неполный, искажённый, да что угодно.

— И что дальше?

— Ничего... Постарайся вспомнить, как ты оказалась в постели, и тогда я окончательно исчезну.

— Исчезнешь?!

— Конечно, ведь я прошлое, а ты — будущее. Не смотри на меня так, я не пропаду, ведь в конечном счёте мы одно целое.

В зеркале наши отражения наложились друг на друга и постепенно сливаются.

Как я оказалась в постели?

Я очнулась на полу сокровищницы. Помню головную боль, от которой хотелось лезть на стену, и слабость. Кое-как поднявшись, я вернула книгу на место, выбралась из сокровищницы, но упала там же, в колодце, на нижних ступеньках винтовой лестницы. Мне было очень плохо, около часа я лежала пластом, но потом сумела подняться, ползком добраться до вершины. Я прошла по тайным коридорам и через потайной ход выбралась напрямиком в спальню, на остатках воли добралась до кровати, заползла под одеяло и отключилась.

Задумавшись, я упускаю Кресси из виду. Когда я поднимаю глаза, её больше нет, а в зеркале только одно отражение.

— Кесси, — слышу я папин голос, полный страха.

Я вдруг вспоминаю, как папа точно также испугался, когда в детстве я тайком забралась на лошадь, упала с неё и ударилась головой.

Но это же воспоминания не мои, а Крессиды!

Отражение, показывавшее лицо, слитое из двух, стремительно меняется, возвращается облик Кресси. Я поднимаю к лицу руку, кисть тоже стала принцессина.

Зеркало разлетается осколками.

Миг кромешной тьмы.

— Папа?

— Кресси, как же ты меня напугала! — император шумно выдыхает.

— Прости...

Голова снова болит, во рту сухо, как в пустыне. Я кое-как приподнимаюсь.

Ага...

Я на полу в сокровищнице, под головой бархатная подушка, сдёрнутая с ближайшего постамента, Книга мирно лежит в стороне, папа рядом со мной, стоит на коленях, бледен.

— Как ты, дочка?

— Думаю, выгляжу хуже, чем есть на самом деле, пап. Знаешь, я кажется, что-то уловила из Книги. Про заговор и смерть.

Я медленно сажусь, оглядываю случившийся в сокровищнице небольшой погром и останавливаю взгляд на маске:

— Что-то удалось выяснить?

Глава 6

— Ты действительно в порядке, Кресси?

— В порядке.

Я прислушиваюсь к себе. Пить хочется, и голова гудит, но не кружится, так что я рискую подняться. На всякий случай придерживаюсь за ближайший постамент. Вроде бы не падаю... Не спуская с меня глаз, император быстро наводит порядок. С особой осторожностью он поднимает Книгу судьбы, но артефакт больше не буянит и не дерётся. Обложка плотно схлопнута — не открыть.

— Правильно прашуры отказались от Книги.

Я усмехаюсь:

— Отказались? Пфф, да им просто сил не хватало.

— По крайней мере никого до тебя Книга не била.

А вот это обидно... Признаваться, что сведения из Книги я получила не сейчас, а раньше, я точно не собираюсь.

Я пожимаю плечами и возвращаюсь к интересующей меня теме:

— Что насчёт Безликих?

— Один неучтённый, появился не больше полугода назад. Принять клятву могла императрица, но я не представляю, как она попала в сокровищницу. Допустим, она выяснила, как попасть в коридор, но найти лестницу нереально. Лорд-хранитель регалий предал? Остальные артефакты на первый взгляд нетронуты.

— Хорошо-о-о...

— Кресси, никаких самостоятельных расследований.

Если бы я могла, я бы просто открыла Книгу и прочитала имя Безликого, но, увы. Второй раз ожить не получится. Да и можно ли считать, что я ожила, если смерть была самой настоящей и сейчас я осознаю себя больше попаданкой, нежели Крессидой.

— Конечно, пап. Ничего опасного. Прямо сейчас я пойду отдыхать, хорошо?

— Кресси?

— Что? Я пытаюсь быть сознательной.

— Хорошо-хорошо, — смеётся император.

Я неопределённо хмыкаю.

Прямо сейчас больше я ничего узнать не могу, а поисками неучтённого Безликого пусть занимаются те, кто умеют искать. Я не солгала — играть в детектива я не намерена.

По лестнице мы поднимаемся с папой вместе, а вот дальше расходимся. Он — по своим императорским делам, а я — обратно в покои. Как бы я ни уверяла, что я в порядке, во рту сухо, а голова раскалывается. Мне надо перекусить, выпить крепкого чаю и лечь. Или выйти в сад проветриться — я вспомнила маршрут. По крайней мере, после удара в лоб мне больше не грозит заблудиться во дворце.

Я, чтобы не идти в обход через анфиладу залов, сворачиваю в открытую продуваемую ветрами галерею. Унылая, овеванная нехорошей славой — обычно галерея безлюдна.

Говорят, ночами здесь бродит призрак служанки, повесившейся из-за несчастной любви. Некоторые утверждают, что время от времени на третьей арке появляется обрывок верёвки без петли... Ага, появляется — Олис вешает. Он ещё в детстве облюбовал выступ угловой башни, когда прятался от строгой гувернантки и не менее строгих преподавателей, общее образование он получил наравне с нами.

Этот же закуток облюбовала главная героиня вскоре после получения места горничной — в башне она с Олисом и столкнулись. Испугались оба... Хах, главная героиня. Вспомнила, что на самом деле никакого фэнтези романа не было, но всё равно мысленно продолжаю называть её персонажем.

Олиса я как-нибудь переживу, а её видеть я точно не в настроении.

К счастью, можно не сомневаться, что девочка гнёт спину драя полы или в поте лица развешивает обновлённые гардины — в романе чётко говорилось, что накануне турнира слуги закончили работать глубокой ночью.

— Ваше высочество, но если старшая горничная пожалуется, меня уволят.

— Мими, я предупрежу её, чтобы не говорила лишнего, не бойся. Я соскучился...

Я останавливаюсь как вкопанная.

Рейзан Судьбоносная, это шутка? Ты издеваешься? И... с какой стати горничная отлынивает, когда все в запарке и на счету каждая пара рук?!

А ведь если подумать, в романе главная героиня тоже частенько сбегала с работы, а от наказания её защищал Олис, и в этом свете моё недовольство ленивой служанкой не такое уж несправедливое, верно? Но сейчас это не имеет значения. Я просто должна решить, что делать.

Проще всего развернуться и обойти галерею по широкой дуге. Но, императорская принцесса, сбегаящая от поломойки — что это за шутка такая?! Придётся как ни в чём ни бывало идти вперёд и... учинить младшему братику пару неприятных минут. Насколько злобной мне следует быть?

Моё прежнее поведение больше не кажется мне правильным, однако менять привычки на ходу, без тщательного размышления, глупо.

Так не хочется попадаться младшему на глаза... Но если я пройду мимо, он всё равно меня заметит, игнорировать не вариант.

Два шага вперёд.

— Оу-у-у.... — громко усмехаюсь я.

Олис упирается ладонями в стену по обеим сторонам от лица девицы, а она жеманно отворачивается, прикрывая белоснежным кружевным платком нижнюю часть лица. И глазками стреляет.

Стреляла, идиллию я ликвидировала.

Что не так с этой горничной? Текст в Книге судьбы был сухой и пресованный. Я осилила меньше страницы, но этого хватило, чтобы выяснить главное — на грани гибели весь наш род. А вот второй раз, когда я читала будущее под видом любовного романа, речь шла почему-то именно о служанке.

В ней нет ничего особенного, но почему она настолько важна, что Книга даже её биографию выдала? Девочка из семьи провинциального чиновника, получила блестящее образование и могла бы составить счастье мелкого аристократа, но осталась сиротой и попала под опеку дальних родственников, а они, прикарманив наследство, под видом заботы пристроили её работать во Дворец.

— Принцесса Крессидида, — Олис молниеносно разворачивается, что выдаёт в нём неплохого бойца, и словно невзначай прикрывает девицу собой.

— Какое унылое зрелище... Принц Олис, вы удерживаете здесь горничную, чтобы затруднить подготовку к турниру?

Мне стоит её уволить, забрать к себе или пока не трогать?

— Принцесса Крессида, вы преувеличиваете.

— Хм? Кажется, я преуменьшаю. Деточка совершенно не понимает, где находится и чей разговор слушает. Может быть, она считает, что согревание постели принца избавляет её от необходимости приветствовать императорскую принцессу?

Обвинение в неуважении будет абсолютно обоснованным. Я могла бы избавиться от проблемной героини по закону, но... Но утешусь тем, что сперва следует разобраться, почему Книга рассказывала мне про неё.

Горничная запоздало кланяется, а до этого даже не шелохнулась.

— Принцесса Крессида, девочка не хотела вас оскорбить. Ваше появление настолько неожиданно, что девочка растерялась.

— О?! Так, по вашему мнению, я виновата? Как мило, — знаком я показываю героине уйти, и она бросается прочь.

— Я не это имел в виду, ваше высочество, — спокойно отвечает Олис, когда её топот стихает.

Я прищуриваюсь:

— Эта девочка... неужели она настолько вам небезразлична, что вы защищаете её передо мной? Занятно.

— Ваше высочество принцесса Крессида, если вы злитесь, обрушьте гнев на меня, но, пожалуйста, не нужно нападать на слабых и беззащитных сирот.

Вот вроде бы правильные слова говорит, красивые. Но разве я сейчас нападала на горничную? Я упрекнула её за дело — за прогул и за отсутствие поклона. Даже необученная этикету крестьянка знает, что со старостой следует поздороваться.

Горничную я отослала и продолжаю разговор с принцем. Но он чудесным образом обвиняет меня в том, что я жестоко обидела деточку.

Хм...

В романе принц примкнул к заговорщикам после убийства императрицы, однако сцены, где он действительно отказывается от соучастия не было! Был лишь разговор между ним и главной героине. А кто сказал, что он не врал? Когда я читала, я верила, потому что мне нравилось исключительное благородство Олиса. Однако теперь я в замешательстве. Вдруг Олис на самом деле влез в заговор по самые уши, а о непричастности красиво врал? В этом случае убийство

императрицы теряет смысл... Может, её убили не с целью спровоцировать Олиса, а как свидетеля? Но так можно до чего угодно додуматься, до любого бреда. Например, до того, что убийство было с его согласия и одобрения.

Я смотрю Олису в глаза.

В детстве мне эгоистично казалось, что сын посторонней женщины не имеет права быть сыном нашего отца, быть нашим братом. В глубине души я считала их с императрицей настоящими ворами, и некому было объяснить, некому было дать выход моей боли. Потеря до сих пор саднит, хотя я научилась жить, не замечая рану.

Винить ребёнка в том, что от него не зависит — отвратительно. Меня внутренне передёргивает.

Но чтобы понять ошибку мне понадобилось умереть и прожить жизнь простолюдинки.

— Неужели у меня есть повод для гнева? — хмыкаю я. — Принц, на правах старшей сестрёнки я дам вам добрый совет. Позаботьтесь, чтобы дорогие вам люди хорошо осознавали своё место и правила. Только представьте. Если бы та девочка отказалась уважать императорскую династию при свидетелях, её ждала бы казнь. Ужасная трагедия.

— Я буду внимательно следовать вашему совету, ваше высочество. Благодарю.

Олис отвечает ровно, без капли эмоций. Он похож на механическую куклу. То ли я ему настолько неприятна, что он полностью отстраняется от общения, то ли он идеально владеет собой, то ли судьба главной героини его не трогает. Не понимаю...

В одном уверена — как сестру он меня никогда не примет. Впрочем, и ни к чему. Хотя я больше не испытываю к нему ненависти, сближаться я не хочу. Чем дальше друг от друга мы будем, тем лучше. Лишь бы разойтись миром.

Я отворачиваюсь и прохожу мимо. Я не оборачиваюсь, но спиной ощущаю сверлящий взгляд между лопатками. Кажется, я удивила Олиса.

Я возвращаюсь к себе. Толкущихся в первой комнате фрейлин игнорирую, служанку посылаю за чаем и пирожками, а в будуаре натыкаюсь на Феликса.

— Подай мне воды, — я падаю в ближайшее кресло.

На галерее, на открытом воздухе, мне было легче, а сейчас голова снова разболелась. В результате просьба получилась грубой, но... могу себе позволить.

Феликс наливает из серебряного графина и послушно протягивает стакан без тени недовольства.

— Ваше высочество.

— Спасибо.

Феликс выгибает бровь, но ничего не говорит, чему я бесконечно рада.

Перекусив, я падаю в постель без сил.

Мне бы полчаса подремать, затем я встану, пойду в свой рабочий кабинет. Не тот, который примыкает к будуару, а в настоящий рабочий кабинет...

Я закрываю глаза всего на минуту, но мне не дают и её. В черноту моего сна ввинчивается голос служанки:

— Ваше высочество, пожалуйста, просыпайтесь! Ваше высочество, вы опоздаете на турнир.

— Турнир завтра, — отмахиваюсь я и пытаюсь накрыться одеялом с головой. — Я ещё чуть-чуть.

— Семь утра, ваше высочество!

Я рывком сажусь. Я проспала всю ночь?! Надо признать, чувствую я себя отдохнувшей и посвежевшей.

— Две минуты, — я провожу ладонью по лицу, мне надо собраться с мыслями.

Как быстро наступил новый день... Сегодня я должна успеть: найти сестру Феликса, благо я знаю, где она сегодня будет, выбрать чёрного рыцаря, присутствовать на турнире и провести церемонию Лазурной ленты. И, в идеале, сегодня же следует забрать легендарную броню. Ха-а-а...

Глава 7

— Строгое утреннее платье, — приказываю я тоном, не терпящим возражений.

Горничная смотрит на меня с откровенным сомнением, но спрашивать что-либо не решается, а приказ подготовить платье для церемонии её и вовсе успокаивает.

Завтрак я проглатываю в компании Феликса, мысленно отмечая, что надо как-то решать проблему. Вчера он получил мой обед, но, из-за

того, что я уснула, остался без ужина. Нельзя, чтобы он в еде настолько зависел от меня, но пока проблему терпит, главное, не забыть.

— Ваше высочество? — Феликс откладывает приборы и встаёт сразу, как только я прекращаю завтрак и поднимаюсь из-за стола.

— Сопровождаешь, — коротко бросаю я.

Больше Феликс ни о чём не спрашивает, На миг в глазах мелькает облегчение — наверное, боялся, что я снова запру его в образе карманной ящерицы.

Я направляюсь к дверям и сходу задаю весьма быстрый темп. Феликс едва успевает обгонять меня, чтобы распахивать очередные створки. Идти-то он обязан за мной... Раньше на подобные мелочи я бы и внимания не обратила, воспринимала, как само собой разумеющееся. Сейчас? Пожалуй, тоже. Отказ принимать уважение к статусу равноценен отказу от самого статуса. Проще говоря, игры в демократию оканчиваются свержением королевской власти, а я и в прошлой жизни была убеждённой монархисткой и всей душой приветствовала бы восстановление дома Романовых.

Фрейлины приветствуют меня реверансами.

— Доброе утро, — улыбаюсь я.

— Доброе утро, ваше высочество!

— Чудесно выглядите, ваше высочество, — раздаётся нестройный хор.

Фрейлины с любопытством постреливают глазками на застывшего за моим плечом Феликса. В мундире он особенно хорош...

— Вчерашние книги вернуть в библиотеку и проследить за подготовкой моего наряда, — выдаю я указания и прохожу вперёд. Что следовать за мной не нужно, я показываю лёгким взмахом руки.

Как же хорошо обрести потерянную память...

Идти довольно далеко — сперва через половину дворца к выходу в сад, затем через весь сад, в обход трибун, ненамного уступающих размерами дворцу.

Время...

Я катастрофически опаздываю. К началу турнира мне точно не успеть.

Но я иду вперёд, стараюсь держать темп и контролировать дыхание. Не хватало ещё прослыть загнанной кобылой или простыть

— меня угораздило не взять накидку. Хм, а недавно бы я обвинила горничную. Но ведь она не знала, что я рвану на улицу.

Въезд для высшей аристократии отдельный. В романе не говорилось, где именно будет Кэтти, но логика подсказывает, что у прохода для простых гостей ей ловить некого, она же за справедливостью приехала.

Тьфу!

Кованые ворота, калитки, естественно, нет — аристократы прибывают в экипажах. То, что я явилась пешком... Мда, перерождение сказывается. Но ждать, пока мне подадут карету, чтобы в объезд черепашей скоростью тащиться ко входу мне показалось безумием.

Я расправляю плечи и выхожу на середину подъездной дороги. Мне везёт — на дороге никого, всё-таки ещё довольно рано.

Караульные замечают моё приближение.

Вперёд выходит старший, склоняется в приветственном поклоне.

— Доброе утро, — лениво отвечаю я и резко меняю тон на приказной. — Пропустить.

— Ваше высочество? — офицер недоумённо моргает, но подчиняется.

По его знаку караульные распахивают ворота.

И, надо же, именно в этот момент по ту сторону появляется экипаж, медленно ползущий, получается, прямо на меня.

Мысленно ругнувшись, я спокойно иду навстречу. Не факт, что кучер знает меня в лицо, но я рассчитываю на гвардейцев, и они, выучка сказывается, реагируют, как нужно: выходят сразу двое, замирают по обеим сторонам проезжей части, по центру которой я иду как по пешеходному бульвару. При необходимости гвардейцы перехватят лошадей, но кучер без лишних понуканий натягивает повод, карета резко останавливается. Кого-то внутри тряхнуло как кильку в банке.

Я останавливаюсь в воротах, обвожу взглядом улицу. Я понятия не имею, как выглядит Кэтти, но я не думаю, что увижу толпу девиц. В любом случае со мной Феликс, сестру опознает. Проблема в том, что Кэтти... нет.

Она ещё не пришла?

Могу ошибаться, но в романе, в разговоре с главной героиней, она уверяет, что ждала с рассвета. Ложь? Преувеличение? Или дело в том, что гвардейцы её отогнали? Надо спросить...

— Господи-и-и-ин! — раздаётся отчаянный визг.

Из-за ближайшего здания выскакивает песочная тень — шаль на девушке надувается парусом.

— Кэтти, — выдыхает Феликс.

— Стоять, — приказываю я.

Очень хорошо понимаю, как ему хочется броситься к сестре, обнять, утешить, но на глазах публики мчатся вперёд, демонстрируя мне свои тылы — нет, не позволю.

Я нахожу взглядом ближайшего гвардейца:

— Офицер, приведите ко мне ту шумную девушку.

— В-ваше высочество? — моргает он, но в себя приходит мгновенно. — Есть!

Попятившись, офицер оставляет между нами достаточное расстояние, и только после этого поворачивается лицом к карете, но даже так, ко мне он держится полубоком, но не спиной.

— Кэтти...

Первым на девочку реагирует чёрный рыцарь гостя. Он спрыгивает с запяток кареты и одновременно выхватывает меч. К счастью, рыцарь не настолько отбитый, чтобы убивать перед дворцом, он просто заслоняет собой дверцу кареты, а меч наставляет на Кэтти. Издали не понять, остриё клинка упирается ей в шею или есть небольшой зазор.

Кэтти больше не пытается прорваться к экипажу, она безобидно опускается на мостовую:

— Господи-и-ин, справедливости для ложно осуждённого!

— Кто смеет обнажать оружие в присутствии её высочества императорской принцессы Крессиды Небесной?!

Ох, я попала.

Чужой рыцарь замечает меня, стоящую в воротах, поспешно прячет меч и опускается на одно колено. Кучер спрыгивает с облучка. Вроде бы низко кланяется, а на деле прячется за крупами лошадей.

— Принцесса? — Кэтти поворачивается ко мне как зачарованная.

Лишь бы про брата не лягнула.

Я понимаю, что я забираю её открыто, но одно дело в свидетелях несколько гвардейцев и другое — целая сцена на глазах у высшего аристократа. Кстати, кто-там прикатил так невовремя? Герб на карете рода Дьянко.

Словно отвечая на мои мысли, дверца распахивается, и на мостовую спрыгивает молодой лорд Вилли Дьянко, наследник главной ветви.

— Ваше высочество! — восклицает он и устремляется ко мне.

— Господин! — опомнившись, Кэтти пытается схватить его то ли за полу плаща, то ли за брючину.

Офицер успевает перехватить её руку, помогает Кэтти подняться и, как я и хотела, ведёт ко мне.

Но сперва придётся иметь дело с молодым лордом.

— Ваше высочество, какая удивительная встреча! — он склоняется передо мной.

— Действительно, удивительная, лорд, — соглашаюсь я, тем самым разрешаю ему выпрямиться. — Не ожидала, что гости турнира начнут прибывать так рано.

Что ты здесь забыл на мою голову, а?

Но, как бы я ни была зла, я приветливо улыбаюсь.

— О, ваше высочество, мне не так часто выпадает удача посещать дворец. Я хотел воспользоваться шансом и прикоснуться к уникальному собранию книг императорской библиотеки.

— Ах вот как? В таком случае продолжайте путь, лорд. Было бы обидно упустить редкий шанс, — я вежливо прощаюсь.

Род Дьянко веками преданно служил Короне. Богатый, с глубокими корнями... Помнится, когда я была маленькой, ходили слухи, что император выдаст меня за юного наследника, чтобы не отпускать в чужую страну. Что за абсурд? Сплетни поутихли, когда род сдал позиции, но даже сейчас юный наследник Дьянко не тот, кем я могу пренебрегать без веской причины.

Хорошо, хоть про нашу возможную свадьбу больше не вспоминают...

— В-ваше высочество? — растерянно переспрашивает мой несостоявшийся жених.

— Желаю хорошо провести время в библиотеке, лорд Дьянко, — я говорю с нейтральной интонацией, но фраза почему-то всё равно звучит как насмешка.

Ладно, не важно. Приличия я соблюла, упрекнуть меня не в чем, так что я собой довольна.

Приказав Кэтти не отставать, я больше не теряю ни минуты. Я помню, что катастрофически опаздываю, и именно поэтому на Кэтти я не обращаю ни малейшего внимания, однако краем глаза за её поведением всё же слежу, и надо отдать Кэтти должное, она сдержала порыв, не завизжала, не бросилась Феликсу на шею и вообще молчит, будто воды в рот набрала.

Счастьем Кэтти светится как маленькое солнышко.

Я прибавляю шаг.

На ходу я размышляю, под каким соусом оставить Кэтти при себе. Служанкой? Строго говоря, она леди Шесс и низводить её до поломойки неправильно. С другой стороны, она жила как обычная горожанка, и я опасаюсь, что роль фрейлины ей не по зубам.

Может, сперва девочку одеть, причесать и проверить на знание основ придворного этикета?

Грубо нарушая этот самый этикет, я взбегаю по лестнице на второй этаж, благо зрителей нет. Только вот насчёт их отсутствия я жестоко ошибаюсь.

У меня внутри всё обрывается, когда я натыкаюсь на бычару. По иному крупного варвара, абсолютно лысого, с лицом, перечёркнутым шрамом и не назвать. На груди распахнутая жилетка из грубо выделанной шкуры, поверх тёмного меха и вычерненной солнцем обнажённой кожи белеет ожерелье — три ряда чуть желтоватых клыков. Простые штаны, выдавшие виды сапоги, и из-за голенища выглядывает рукоять. Ему действительно позволили войти во дворец с оружием?

В романе говорилось, что договор со степняками подпишет Олис, но не было ни слова о том, когда именно хан степняков прибыл на переговоры. И хан ли передо мной? Так, про посольство степняков я слышала краем уха от Тери. То ли то, что они придут, то ли то, что они уже здесь. Тери сказал, что им выделили резиденцию с большим внутренним двором. Как знак уважения, но на деле — чтобы степняки сидели за стенами резиденции, как волки за решёткой вольера.

Тогда что они делают во дворце? Прибыли на турнир? Очевидно, что да, но это как-то странно. Степняки бьются до смерти, а поединки с жёстким регламентом презируют.

За плечом варвара маячит ещё один борец-гора, но всё же менее массивный.

Я чуть замедляю шаг, расправляю плечи. Хотя внутри всё скручивает от страха, я не позволяю ему отразиться на лице, уговариваю себя, что прямо сейчас варвар не посмеет меня тронуть, тем более при свидетелях, что здесь и сейчас я не бесправная наложница, а императорская принцесса и любимая дочь его величества.

Варвар зверски оскаливается, окидывает меня взглядом с ног до головы, сладострастно, без капли стеснения, причмокивает. У меня пульс грохочет в ушах, держаться с непринуждённым достоинством всё труднее.

Где сопровождающие?! Где гвардейцы? Допустим, степняк прибыл из резиденции на турнир. Но почему его оставили без присмотра?!

Проигнорировать его точно не получится, но раз он первым отступил от этикета, я могу не быть слишком вежливой.

Хотела бы я в лоб спросить, не заблудился ли он, с таким недвусмысленным намёком, но...

— Не знала, что встречу гостей в закрытой части дворца.

— Не знал, что встречать красавица, — в тон мне усмехается он.

— Я купить тебя за табун лошадей и подарить платья ифранский шёлк, — яркий акцент и ломаные окончания, но речь чёткая, почти правильная.

Под его взглядом я начинаю ощущать себя добычей.

— Отвратительно, — я говорю то ли ему, то ли себе самой.

Варвар, как оказалось, тоже хорош в намёках.

Ифранский шёлк один из самых дорогих сортов, и, казалось бы, дарить аристократке роскошную ткань не зазорно. Но! Этот шёлк невероятно тонкий, даже пять-шесть слоёв ткани остаются прозрачными. Облачиться в платье из ифтарского шёлка во сто крат непристойнее, чем остаться голой. Это шёлк элитных куртизанок, но никак не благородных аристократок.

Купить как вещь, унижить...

Откуда в степях ифранский шёлк? Хан дарит новой наложнице, чтобы ночами радовала его глаза, а, когда наскучит, передаривает следующей фаворитке?

Варвар подходит ближе:

— Как тебя зовут, дерзкая красавица? Люблю дерзких. Люблю под крики брать силой. Клянусь, я увезу тебя в степи.

Мороз по коже...

Степняки — проблема. Удерживать бесплодные земли слишком дорого. Воевать в степи невозможно, в бескрайних пыльных просторах войска хана будут раз за разом отступать, пока у нашей армии не иссякнут запасы продовольствия и воды. Степняки же не воюют с империей за земли, нет. Они приходят, опустошают край и уходят с добычей.

На первый взгляд мирный договор не имеет смысла. Если степняки откажутся от набегов, они обречены. Но если предложить им продовольствие в обмен на товары из-за степей и охрану наших караванов...

Я никогда не пыталась вникнуть в детали, но даже общего представления достаточно, чтобы легкомысленно не угрожать явиться в степь во главе армии.

— Какой смелый... Ты совершенно не боишься, что я захочу увидеть, как ярко горит степной сухостой, — я улыбаюсь, но моя улыбка больше похожа на ответный оскал.

Варвар меняется в лице. Моя угроза... М-м-м, я только что пообещала уничтожить степь. Причём я это сделаю не как дочь империи, а уже будучи наложницей. То есть ответственность за местечковый конец света я возлагаю на самого хана. Кто виноват, что не воспитал свою женщину? Логика степняков именно такая.

— Какая злая..., — цедит он. — И какая глупая!

Он делает шаг ко мне и оказывается недопустимо близко.

Глава 8

Я просто не имею права отступать! Проклятый долг принцессы!

Где гвардейцы?!

Если варвар зайдёт слишком далеко, войны не избежать... Изматывающей, бьющей по самой же империи. Но едва ли я его остановлю.

В романе степного скандала не было, но в романе накануне церемонии я занималась собой, а не выуживала из-за ворот сестру преступника.

Феликс выходит из-за моей спины и оказывается чётко между мной и варваром.

Неоправданно рано, но... я чувствую облегчение.

— Хан Таш, ты прибыл в империю как гость. Где это видано, чтобы гость оскорблял дочерей хозяина? В Великих степях законы гостеприимства священны. Узнав, как ты смел себя вести, Великий хан промолчит, даже если я отрублю твою голову и пошлю Великому хану отдельно от твоего тела.

О-у-у...

Молчавший до сих пор боец напрягается и тянется к оружию. Тонко всхлипывает Кэтти за моей спиной.

Варвар скалится, но молчит, тем самым признавая правоту Феликса. Не бросится...

Но радуюсь я рана.

— Представься, — приказывает хан.

— Рыцарь её высочества Феликс Дебор.

Да, правильно. Хотя Феликс, конечно, не рыцарь, но такие нюансы степному хану знать не обязательно.

— Рыцарь, — задумчиво повторяет варвар. — Я сказать, что намерен сватовство к принцессе и обещать в подарок шёлк. Где здесь место тебе говорить?

Ловко переворачивает... Почему-то от грубого степняка ждёшь прямолинейности, а не игры в слова и смыслы.

— Я говорю там, где вижу угрозу безопасности её высочеству.

— Я окажу тебе честь, рыцарь. Я сражусь с тобой сегодня на арене. Я верить, что рыцарь принцессы не трус. Я показать империи, что такое настоящий поединок. Это поединок до смерти.

— Я принимаю вызов.

— Фел! — вскрикивает Кэтти, и, конечно, привлекает внимание варвара. Хотя она стоит за мной, степняк осматривает её точь-в-точь, как недавно осматривал меня, сочно цокает языком.

Я отвожу руку назад, не оборачиваясь ловлю ладонь Кэтти в свою, крепко сжимаю.

Кэтти совершенно не владеет собой — это никуда не годится.

— Похожи, — усмехается хан и переводит взгляд на Феликса. — Сестра? Сегодня я забрать её по праву победителя как трофей.

Феикс молчит, и варвар, наконец, отодвигается к стене, позволяя нам пройти.

Я всё ещё не понимаю, где гвардейцы. Понимая, что варвару может не понравиться, я всё же бросаю взгляд в сторону алькова. От увиденного зло берёт. В нише дрыхнут Лексан, мой второй брат, и его приятель. Повсюду бутылки из-под вина. Теперь понятно, почему хан позволил себе быть настолько развязным — выпил. Или притворяется, что выпил. Если подумать, я ощущала исходящий от него тяжёлый запах, но примеси алкоголя не уловила.

Лексан напрашивается на взбучку...

Мы проходим мимо, Феликс прикрывает нас с Кэтти и в нарушение правил идёт чётко последним, но я не могу его за это осуждать.

— Фел? — решается Кэтти, когда мы отходим достаточно далеко.

Феликс игнорирует сестру:

— Ваше высочество, поединка не избежать.

— Вероятно. Было бы скверно, если бы хан спровоцировал на поединок кого-то бесполезного, — ведь в этом смысл визита во дворец, не так ли? — Ты сможешь победить? Кстати, откуда ты знаешь, как его зовут?

— Я... вёл некоторые дела со степняками, ваше высочество, многое слышал. Хан Таш весьма узнаваем. Говорят, он единственный с таким шрамом среди приближённых Великого хана. Хан Таш вспыльчив и груб, но его точно не стоит недооценивать. Он умеет быть сдержанным и хладнокровным. В горя мяса прячется острый ум.

Я оборачиваюсь, пристально смотрю Феликсу в глаза:

— Ты не ответил на главный вопрос.

— Принцесса Крессида, поединок степняков — это поединок до смерти. Есть исключения, но не тогда, когда один из противников хан. Хан Таш возглавляет посольство Великого хана. Скажите, я могу победить? — Феликс кривовато ухмыляется.

Я отворачиваюсь.

Отчасти он прав, но...

— Принеси мне победу, мой рыцарь. Это приказ.

В романе Олис расплатился за мир мной. Отдал меня наложницей, даже не главной женой. Цена мира — унижение империи. Сколько сотен или тысяч телег с продовольствием ушло степнякам, в романе не упоминалось. А телеги степнякам — это голод крестьян. Стоит ли оно того?

Под Олисом трон шатался, а вывести армию к границам означало беспорядки в столице. В конечном счёте пахло развалом империи, его выбор очевиден.

Но у нас-то обстоятельства иные!

Вернувшись в свои покои, я коротко объясняю, что леди Кэtti моя гостья, и ею следует заняться позже.

— Ваше высочество, турнир вот-вот начнётся, — служанка едва не плачет. Фрейлины тоже встревожены.

— Пфф!

Феликс теряется где-то в первой из анфилады комнат, возможно, с сестрой. В том, что на моей территории девочка в относительной безопасности, я уверена. Надо не забыть запретить выходить по любому поводу, кроме... пожара. Я внутренне передёргиваюсь.

Служанка помогает мне освободиться от утреннего платья.

— Причёска, — всхлипывает она.

Сейчас у меня волосы собраны в обычный пучок, совершенно не празднично.

— Оставь, заколи бантом попышнее.

— Но...

— Быстрее.

Макияж?

Я отстраняю служанку, чем повергаю её в шок. В прошлой жизни я научилась неплохо краситься. Сделаю ставку на естественность — пара взмахов кисточкой с пудрой. Я подвожу глаза и едва касаюсь губ перламутром — достаточно.

— Ваше высочество, как очаровательно!

— Принцесса, никогда бы не подумала, что с таким изяществом можно подчеркнуть красоту и свежесть лица.

Иногда фрейлины раздражают...

Ещё не меньше четверти часа уходит, чтобы облачиться в платье. Горничная от души затягивают шнуровку, чтобы подчеркнуть тонкость талии, старшая фрейлина подаёт мне накидку. Последний штрих —

подвеска и серьги. На утреннее торжество никаких “тяжёлых” гарнитуров и, тем более, тиар.

Убедившись, что выгляжу приемлемо, я даю последние указания, бросаю взгляд на часы. Турнир начался, я уже давным давно должна приветствовать гостей из императорской ложи, а я ещё в будуаре.

Я опоздала окончательно и бесповоротно, нет смысла торопиться. В отличие от меня фрейлины нервничают всё больше. Я же спокойно прохожу коридоры, спускаюсь по парадной лестнице. У выхода меня и фрейлин дожидаются открытые коляски. Феликс догадывается подать руку сперва мне, затем остальным девочкам, помогает сесть. А вот для него самого места не предусмотрено, как не предусмотрено запяток у колясок. Феликсу предстоит пройти пешком, благо по территории дворца до трибун лошади двигаются медленно. И надо признать, затянутый в мундир, шагающий рядом с открытым экипажем, он смотрится эффектно.

Почему раньше я не завела себе парочку рыцарей? Отвлекаясь на глупости, я не забываю поприветствовать гвардейцев лёгким кивком.

Уже на трибунах наши с фрейлинами пути расходятся. Девочки займут места на балконе, а я иду выше. Императорская ложа едва ли не козырьком нависает над ареной.

Феликс теряется, но я знаком показываю, чтобы шёл за мной и встал с другими рыцарями.

Я безнадёжно опоздала... Пропустила начало. Первая пара уже сражается, а может и не первая.

Но как ни в чём не бывало, как будто так и надо, я прохожу вперёд. Центральное кресло занимает, естественно, император. Императрица, воспользовавшись моим отсутствием, села рядом, согласно статусу. Здесь же Тери и Олис. Лексан, подозреваю, до сих пор спит в нише, если лакеи не перенесли. Не явиться вовсе было бы приличнее, мда.

Степняки...? Их нет. То ли игнорируют турнир, то ли разместились в отдельной ложе.

Приблизившись, я приседаю в неглубоком реверансе.

— Кресси, присоединяйся к нам скорее, — улыбается папа, но в его глазах отчётливо читается неодобрение. Пожалуй, он и раньше мои выходы не всегда принимал, но раньше мне не хватало ума заметить.

— Доброе утро, — я здороваюсь со всеми сразу и ни с кем конкретно.

Императрица и Олис напрягаются, явно ждут, что я попытаюсь согнать её величество с её мяса. Самое отвратительное, что в прошлом я действительно могла бы так поступить.

Я занимаю свободное кресло рядом с Тери. Кажется, Олис не верит своим глазам, я же не обращаю на него внимания.

— Как много я пропустила? — наклоняюсь я к Тери.

На трибунах напротив заметили моё появление...

— Идёт третий бой.

Ого!

В этот момент один из бойцов теряет меч, а второй приставляет лезвие к его шее, обозначая смертельный удар. Конец поединка.

На песок арены выходит четвёртая пара.

Пары распределяются жребием. И, если честно, правила несправедливы, как сама жизнь. Окажется слабый противник — пройдёшь в следующий тур. Нарвёшься на мастера меча — даже будучи сам неплохим мечником, вылетишь, тогда как слабаки-везунчики проскочат дальше. Вот, в этот раз парнишке в сером стёганом жилете, надетом вместо полноценной кирасы, не повезло. Его противник, облачённый в лёгкий кожаный доспех, пробил его защиту с первого удара и обозначил смертельную атаку.

А впрочем... в жизни смертельный удар будет по-настоящему смертельным, никто не даст второго шанса.

Участвуют в турнире не столько ради победы как таковой, хотя и ради неё тоже, сколько ради возможности заинтересовать аристократов и получить приглашение на службу.

Я намерена выбрать одного. Минимум одного чёрного рыцаря.

Следующая пара — не бой, а унылое копошение, смотреть не на что. Кто им сказал, что мечами можно мутузить друг друга как дубинами? Ни одного колющего выпада... Со стороны трибун, занятых простолюдинами, раздаётся свист.

Ещё минута, и император вскидывает руку, делает рубящее движение.

— Не рыцари! — тотчас объявляет герольд, тем самым прекращая убожество, и зрители горячо поддерживают.

Разочарованная предыдущим провальным выступлением новых соперников толпа встречает тоже свистом. Если лорд, я припоминаю фамилию и принадлежность к аристократии, щеголяет полным пластинчатым доспехом, сверкающим на солнце начищенным до зеркального блеска шлемом и внушительным двуручным мечом, то его противник гол и вооружён ржавой железкой.

Одежда, конечно, есть — обычная рубашка, тканевый жилет и штаны, которые тоже не защитят.

— Без шансов, — хмыкает Тери.

— Да, — соглашаюсь я. И дело не в мастерстве противников.

Правила турнира учитывают доспех — очередная несправедливость.

Если боец закован в надёжную броню, то удар, например, в живот не считается смертельным, выполняется в полную силу, но если боец выступает без защиты, то пропустив лишь обозначение укола в брюхо, он будет объявлен проигравшим.

Воин в доспехе уверен в себе, широко размахивается. Кажется, он намерен заставить противника позорно отступать под градом ударов. Но это же чушь! Я совершенно не удивляюсь, когда голыш подныривает под слишком медленный из-за длины и тяжести клинок и бьёт, целясь в горло.

Лорд успевает подставить наруч, его двуручник “клюёт” остриём в песок.

Противники разрывают дистанцию.

То, что я вижу дальше...

— Если так пойдёт дальше, ничего интересного нас не ждёт, — вздыхает Тери.

В своём доспехе лорд похожу на неповоротливую железную бочку.

— На что он рассчитывает? — хотя правила не запрещают облачаться в полный доспех, предпочтительнее лёгкая броня. Просто потому что рыцари на службе, сапфиры ли, белые или чёрные, все без исключения носят мундиры. Могут вниз поддеть кольчугу, но латы остались в прошлом.

— Думает, что железки делают его важным, — фыркает Тери.

Голыш уклоняется от очередного выпада, уходит перекатом и самым кончиком своего меча уже на излёте с невероятным изяществом

сбивает с противника шлем.

— Ого! — вырывается у меня. Как только подцепить ухитрился?!

Зрители давно не свистят, наоборот подбадривают голыша, тем более для простолюдинов он свой.

— Становится занятно, — Тери подаётся вперёд. — Если он покажет удар в голову...

Пока что голыш показывает мастерство — уклоняется, атакует сам. И хотя его удары всего лишь бряцанье железом о железо, сам он не получает ни царапины. Он вынудил лорда уйти в глухую оборону и изо всех сил прикрывать голову..

Лорд проигрывает. Вот-вот голыш закончит бой. Лорд, пятясь по всей арене, с трудом сдерживает натиск. Взревев, он решается. Бьёт опасно раскрываясь, ставя всё на решающую атаку. Бьёт бездарно. Даже я понимаю, что голыш легко парирует удар, позволит чужому двуручнику соскользнуть по лезвию своего меча и обозначит укол — остановит острие в паре сантиметров от лица лорда.

Но лорд вкладывает в удар всю свою силу и...

Ржавая железка ломается, в руках голыша осатётся рукоять и торчащий из неё кривой обломок.

Я почему-то вцепляюсь в подлокотник. Я же не болела за голыша! С чего?

Голыш по инерции пытается нанести удар, но это уже пустое махание руками. Голыш теряет драгоценные секунды. И теряет шанс на победу. Не только из-за заминки. По правилам турнира никакой рукопашной, сражаться следует исключительно мечом. Для победы голышу надо исхитриться отобрать двуручник.

Лорду хватает длины меча, чтобы достать голыша по ногам. Песок арены обагрывается кровью. Зрители кричат. Голыш валится навзничь, пытается откатиться, но лорд опережает, бьёт по рёбрам. Усиленный металлом мысок сапога отражает солнечный зайчик. Второй ногой лорд наступает голышу на грудь, придавливая к земле. А острие меча приставляет к горлу.

— Красиво завершил, — одобряет Тери

— В жизни бой закончился бы иначе, — возражаю я, голыш осторожничал, чтобы, согласно правилам, не покалечить противника.

— В жизни? Кресси, в жизни никакого поединка бы просто не было. Кто этот парень? Думаю, не ошибусь, если скажу, что он обычный наёмник, мечтающий пристроиться в тёплое местечко. Столкнись он с лордом в жизни, его бы забила охрана, близко не подпустив к сиятельному телу.

— Тоже верно.

Лорд проходит на следующий этап.

Голыш ворочается в песке. Из ложи не рассмотреть, но, вероятно, ноги повреждены достаточно серьёзно, причём обе. Голыш пытается встать, но безуспешно. Заканчивается тем, что по знаку герольда на арену выбегают двое служащих и попросту утаскивают парня прочь. Можно не сомневаться — к лекарю. Как можно не сомневаться и в другом — на Лазурной церемонии парень присутствовать не сможет, а значит упустит даже призрачный шанс получить предложение — обычно отсеявшихся в первом туре игнорируют.

Зрители освистывают. Публика бывает на диво жестока к поверженным кумирам, а настроение толпы переменчиво.

Я откидываюсь на спинку кресла.

— Кресси, неужели ты хотела, чтобы он победил?

— Хм? Он интереснее железячки, — нет смысла отвечать правду.

На арене уже бьётся следующая пара, и я сосредотачиваюсь на их поединке. Получше чем все, кого я видела раньше. Оба бойца выбрали плотные куртки с металлическими бляшками. Полагаю, тоже наёмники, мечтающие о тёплом местечке под крылом аристократического рода?

Не могу сказать, что поединок особо зрелищный, но по крайней мере оба бойца примерно на одном уровне, и наблюдать за ними интереснее, тем более они демонстрируют неплохие навыки.

Бои, бои, бои...

Участников чуть больше сотни, и, хотя большая часть поединков не длится дольше двух-трёх минут, победитель определяется за обмен несколькими решительными ударами, первый тур затягивается на неполные пять часов.

Я продолжаю следить за надоевшими однообразными сражениями — высматриваю своего будущего рыцаря.

Лакеи вносят лёгкую закуску. В этом смысле простолюдинам повезло больше, они не связаны условностями и могут есть всё, что принесли с собой, или купить у спящих по трибунам лоточников.

Между тем герольд объявляет второй тур, который длится ещё часа два, но по крайней мере часть боёв становится интереснее, а неудачники вылетают на раз-два, унылой возни неумех больше нет.

Раздаются шаги.

— Добрый вечер, — кланяется... Лексан. Дополз-таки.

Вид у брата... помятый. Несмотря на усилия слуг, идеальный костюм только подчёркивает отёчность лица и остаточную муть во взгляде.

Император медлит, “не замечает” появление сына. Лишь позволив в полной мере ощутить своё недовольство, скупно роняет:

— Кто до нас снизошёл, надо же какое чудо.

Лексан выпрямляется, сконфуженно пожимает плечами и молча занимает единственное свободное место, изначально предназначавшееся Олису.

— Прошу прощения.

Высидев минуту, Лексан показывает лакею подать стакан воды, выпивает залпом и требует следующий.

— Сколько же вина ты уговорил? — спрашиваю я абсолютно нетактично.

— Сестрёнка, ты о чём? — морщится Лёк.

Вообще-то я зла. Если бы братишка не дрых беспробудно, мне не пришлось бы иметь дело с ханом.

— О твоём весёлом времяпровождении в компании посла степняков.

— Кресси? — к разговору присоединяется папа.

Я бросаю взгляд на императрицу. Не хотелось бы при ней и Олисе, но надо папу предупредить.

— Я сегодня имела неудовольствие познакомиться с ханом Ташем. Папа, определённо, ты должен меня похвалить! Я с трудом удержалась, чтобы не приказать убить его на месте.

— Лексан..., — с хорошо слышимой угрозой протягивает Тери.

Я перебиваю:

— Миром разойтись не получилось, в конце турнира нас ждёт, по выражению хана, настоящий поединок. Хан Таш и мой рыцарь лорд

Шесс.

Ой, а что это Олис так подпрыгнул? И напрягся? Занятно.

— Кресси, хан Таш не должен пострадать, — папа говорит мягко, но я не обманываюсь. Его слова прямой запрет причинять хану вред.

Олис отворачивается, делает вид, что бой на арене интереснее разговора. Кажется, он услышал, что хотел.

— Лорд Шесс — тем более, — жёстко отвечаю я.

— Кресси, — Тери касается моей руки, — нам не нужно провоцировать степняков.

— С чего бы?

— Нынешний великий хан отличается от прежнего, Кресси.

Это как-то связано с интересом степняков к энергетическим камням империи?

До меня вдруг доходит:

— Великий хан... посватался ко мне?! Но он женат, — не бывает хана без главной жены.

Голову пронзает вспышка острой боли. Я почти теряю сознание, возникает странная раздвоенность. Я в ложе, и обеспокоенные братья, папа спрашивают, что случилось, почему я внезапно прижала пальцы к вискам и молчу. Но одновременно я стою в малой сокровищнице. Книга судьбы лежит не в общей стопке, а на отдельном постаменте, да ещё и раскрытая, а я стою над ней. Я не хочу читать, слишком высока цена, но Книга словно заставляет. Я не могу не то что глаза закрыть или отвернуться, моргнуть не получается. И если часть текста размыта, то несколько фраз бросаются в глаза едва ли не в буквальном смысле.

“Принц Лексан уснул, и тайный шаман взял каплю его крови костью иглозуба. Шаман изготовит амулет и передаст потомку Теневого демона хану Ташу. Когда посольство покинет империю, хан останется в Тени. Придёт час, и хан убьёт императора”.

Боль почти невыносима, слова разваливаются на буквы, а буквы — на чёрточки и закорючки. Я больше не способна читать. Видение тает.

— Кресси!

— Целителя! Позовите целителя!

Я с трудом поднимаю голову:

— Нет, не нужно. Воды. Папа, это... ты знаешь.

Невнятное объяснение, но папа понимает, что я намекаю на Книгу судьбы.

— Кресси...

Тери отбирает у лакея стакан с водой, держит для меня, пока я жадно пью в тщетной попытке смыть боль.

Я ловлю на себе интерес Олиса и императрицы.

Именно в этот момент папа предлагает:

— Кресси, может быть, тебе стоит отдохнуть?

И пропустить самый главный поединок? Поединок Феликса со степняком? Ни за что!

— Спасибо, но не стоит беспокоиться. Всего лишь лёгкое головокружение. Я в полном порядке.

Папа, естественно, не верит, но и не спорит.

И до самого финала я сижу в каком-то оцепенении, пытаюсь разобраться с открывшейся информацией. То, что заговорщики спелись со степняками, для меня не новость. Правда, я не ожидала, что спелись настолько крепко.

Кстати, совместные винные возлияния хана и Лекса теперь видятся в новом свете. Амулет, да? Надо задержать шамана. Или потихому уничтожить кость, впитавшую королевскую кровь.

А вот то, что убийцей будет хан Таш для меня откровение. С-с-собака, не в обиду четвероноим будет сказано.

Так...

Видение не было спонтанным. Оно, очевидно, ответ на желание императора поддерживать со степняками перемирие. Получается, намерение ошибочное?

Додумать я не успеваю.

— Ваше высочество принцесса Крессида Небесная, — в себя меня приводит голос Феликса.

Он стоит передо мной, преклонив колено, ладонь прижимает к груди.

— Хан Таш не должен пострадать, — жёстко повторяет император.

Папа... фактически, папа приказывает Феликсу умереть. Меня внутри передёргивает, но я не подаю виду.

— Ваше величество, — Феликс склоняет голову.

— Лорд, покажите себя достойно, и ваш поступок будет награждён. Я даю слово взять вашу сестру под опеку Короны.

— Хах, девочка уже под моей опекой, — влезаю я, и одними губами, чтобы никто, кроме Феликса не могу понять, приказываю. — Убей хана Таша.

Феликс едва заметно вздрагивает.

Я взмахом руки показываю, что он может идти, и Феликс поднимается. Секунда промедления, и он покидает ложу. Умный мальчик... Понимает, что между мной и императором ради сестры надо выбрать... меня.

Герольд объявляет бой чести.

Хан Таш выходит на арену первым. Меча у него нет, варвар сжимает хищно скошенную саблю. На поясе в ножнах относительно короткий клинок, а на ноге закреплён нож, хан оружие не скрывает.

Зрители на трибунах стихают. Столько оружия — не по правилам. Да и сам факт, что на арену вышел исконный враг, разоритель южных деревень и городов, уже настораживает и пугает.

Феликс появляется вторым, и у него из оружия только меч.

Прежде, чем бой начнётся, я делаю то, что для императорской принцессы категорически недопустимо. На публике я должна быть беспристрастна, но я срываю с волос бант, лента распускается и я бросаю её на арену.

— Мой рыцарь!

Меня слышат все.

Феликс не подводит, ловит ленту в воздухе. Приподняв ленту над головой, Феликс кланяется мне, затем повязывает ленту на рукоять меча.

Зрители приветствуют мой жест одобрительными криками. Хан бросает на меня ненавидящий взгляд.

— Кресси, это весьма опрометчивый поступок, — в голосе императора зимняя стужа.

Хах, он ещё не знает, какой приказ я отдала...

Глава 9

Я склоняю голову к плечу. Пока я сидела тихо, была эгоистичной, но послушной дочерью, отец смотрел на мои выходы сквозь пальцы, иногда даже поощрял и ловко выкручивал мои капризы себе на пользу.

Но стоило влезть в дела государственные, как снисходительность и терпение куда-то испарились.

Чую, меня впервые в жизни ждёт выволочка.

С одной стороны, папа прав — я перешла черту. Правит император, но никак не принцесса, четвёртая в очереди на трон. С другой стороны, я знаю, чем завершится папино правление — скорой гибелью всего рода. И видение пришло строго в ответ на его решение. Что же, мне есть, что сказать его величеству.

— Я бы поспорила, — я поднимаю ладонь и машу, приветствуя зрителей.

— Принцесса, — зачем-то влезает Олис, — хан Таш великий воин. Естественно, он победит. Проигрыш рыцаря, которому вы столь откровенно отдали предпочтение, будет выглядеть... как и ваше поражение, тем более хан на правах победителя присвоит вашу ленту. Его величество слишком добр к вам, чтобы сказать открыто.

И папа... не возражает!

Я даже на миг застываю, поражённая открытием. Спohватившись, я взмахиваю ещё пару раз, и только потом опускаю руку, опираюсь запястьем о бордюр.

Мне всегда казалось, что Олис изгой. Для меня он действительно был изгоем, братьями я считаю только Тери и Лёка. Но ведь отец... выделял меня, как девочку. Между Тери и Лёком различий не делал, был одинаково строг и требователен. К Олису, получается, он относился также как к старшим братьям, а я не замечала в своей слепоте?!

Сейчас не важно...

Хан наносит удар, Феликс блокирует. Оба расходятся и начинают медленно двигаться по кругу.

— Кресси, может быть, присядешь? — окликает папа.

— Да нет, насиделась, — я “включаю дурочку”.

— Кресси...

Я игнорирую.

Как бы я ни уверяла себя, что Феликс взрослый мальчик, далеко не хлюпик, участвовал в разных передрягах, знает, как сражаются степняки и сможет о себе позаботиться, мне всё равно за него тревожно. Я уже привыкла считать его своим и совершенно не хочу терять.

Степняк бьёт саблей по арене, вздымает тучу песка — хочет запорошить глаза, ослепить.

Феликс атакует, но хан успевает подставить короткий клинок. Я сама не замечаю, как стискиваю ограждение.

Быстрый обмен ударами, и противники расходятся. Феликс свободной рукой держится за плечо — ранен. Я не понимаю, почему он не покрылся чешуёй, хотя бы под камзолом...

А ещё Феликс прихрамывает на левую ногу.

— Кресси, — миролюбиво начинает Тери.

Брата я тоже игнорирую.

Удары мечей, и теперь хан получает порез, да ещё и на горле. Феликс зацепил лишь самым кончиком меча, прочертил царапину, артерию не достал. Но даже так ранение смотрится эффектно. Хан делает шаг назад, не выпуская клинка, проводит тыльной стороной ладони по шее, рассматривает кровь и что-то говорит, не расслышать.

И снова противники сходятся, Феликс теснит хана, больше того, Феликсу удаётся выбить клинок и отбросить к самому краю арены. Хан выхватывает нож, но лишь пропускает удар и получает ещё один порез, ниже локтя.

Зрители приветствуют успехи Феликса восторженным рёвом.

— Да что он творит?! — император откровенно зол.

Как же выкрутиться и сказать про шамана и кость? Олис и императрица так досаждают...

Хану удаётся контратаковать, колющий удар приходится под рёбра. Зрители ахают. Феликс от удара падает. Но перекачивается и легко встаёт, успевает заблокировать следующий удар. Отделяется дырой на камзоле. Наконец-то выпустил чешую, да? Догадку подтверждает хан — вместо того, чтобы продолжать, он отступает и даже что-то то ли спрашивает у Феликса, то ли просто говорит.

Бой затягивается, и это плохо — я не знаю, кто из двоих выиграет состязание на выносливость.

Феликс атакует, хан же, оскалившись, повторяет приём с песком, но в это раз туча поднимается противоестественно огромная. Песок кружит, словно на арене завертелся маленький смерч. Почему не оседает?! А хан шагает напрямик в пылевое облако, исчезает в нём. Словно сам разлетается на миллионы бурых песчинок.

Облако накрывает Феликса.

— Что это?! — спрашиваю я.

Ни папа, ни братья мне не отвечают. Я бросаю один короткий взгляд за спину. Кажется, Лёк и императрица удивлены, остальные — нет. Либо держат лицо. Либо императрица притворяется удивлённой.

Я силюсь рассмотреть в круговерти песка хоть что-то.

Видимо, поняв, что противника не проткнуть какой-то железкой, хан применил способности Теневого демона.

Медленно, слишком медленно, песок оседает. В редеющей туче проступает силуэт бойца, сжимающего в правой руке меч, а в левой — саблю. Победитель, кем бы он ни был, определён. Тело поверженного противника лежит у его ног.

Зрители стихают.

— Хорошее поражение, не позорное.

— Вы слишком торопитесь, ваше величество, — фыркаю я.

Пыль оседает, и трибуны взрываются приветственными криками, в которых тонет возмущённое:

— Как он посмел?!

— Я приказала.

— Крессида?!

Я совершаю ещё один совершенно неприличный для принцессы жест — открыто посылаю Феликсу воздушный поцелуй.

Феликс переступает через тело хана, подходит ближе к трибуне, театрально опускается на одно колено. Захваченную саблю Феликс бросает в песок, как трофей. А вот меч приподнимает рукоятью вверх. Моя лента окрашена кровью и выглядит не слишком эстетично, но это теряется в общем действе — Феликс приподнимает её и склоняет голову.

— Ваше высочество принцесса Крессида Небесная, моя победа принадлежит вашей славе.

Чудно... А ведь таким манёвром и моя репутация поднимается в глазах простолюдин.

— Слава!

— Слава принцессе!

О, уже подхватили.

Ящерка — моё лучшее приобретение.

— Любой посягнувший на империю будет втопан в пыль. Благодарю за образцовую службу, моя рыцарь.

Зрители в восторге. Феликс поднимается, чтобы уйти, а я, помахав, отступаю от бортика ложи. Остаётся финал турнира — Лазурная церемония.

— Принцесса Крессида, — Олис говорит тихо, и от того, чтобы его услышать, невольно приходится напрягаться. — Недавно вы упоминали, что причиной поединка хана Таша и вашего рыцаря стали оскорбления, которые хан позволил себе в отношении вас, как леди. Но только что вы недвусмысленно обвинили хана в посягательстве на империю. Больше того, вы не только взяли на себя вручение победителю лазурной ленты, но и отдали рыцарю приказ, прямо противоположный ясно высказанной воли его величества. Кем именно вы себя полагаете, принцесса, владычицей империи? В ваших глазах нет не только императрицы, но и императора? Что же вы так скромно, требуете всего лишь ленту. Требуйте императорскую корону.

Ха! Пусть и слегка завуалированное, но это самое что ни на есть прямое обвинение в желании узурпировать трон. Ладно бы просто слова, они явно упали на благодатную почву — уж очень внимательно на меня теперь смотрит отец.

— Принц Олис... да вы фантазёр, — я заливаюсь смехом, хотя мне ни капли не смешно. — Прошу меня извинить, мне необходимо подготовиться к церемонии.

И, пока никто не опомнился, я покидаю ложу.

Расчёт верный — императоры выходят следом:

— Крессида.

Я оборачиваюсь. В глубине души мне грустно и больно, но я улыбаюсь. Я знаком показываю придворным и караульным отойти, создать для нас с императором круг тишины. О чём мы будем говорить, никого не касается.

— Ваше величество, конечно, знает, что Лёк в компании хана допился до бесчувственного состояния. Как и приятель Лёка. Сопровождающий хана — шаман. С помощью кости иглозуба он взял у Лёка кровь. Мне продолжать? Пап, ты хоть немного подумай. Книга судьбы полезла драться со скуки, да? Я тебя огорчу. Не представляю, было это установлением постоянной связи или воспоминания всплывают обрывками, но когда я схватилась за виски, я видела Книгу. Открытую. Я прочла всего-то строчку. Книга сказала, что хан,

воспользовавшись амулетом с кровью Лёка, тайно останется во дворце и через некоторое время после ухода посольства степняков убьёт тебя.

— Кресси...

— Пап, можешь сколько угодно считать меня неправой, но займись шаманом. А мне пора к победителю. И ещё. Можешь считать меня полноправной Хранительницей.

Я отворачиваюсь.

В спину мне летит тяжёлый вздох и безобидное ворчание:

— Вырастил командиршу на свою голову.

Ха!

Фрейлины уже ждут меня в отдельной комнатке, обустроенной здесь же, на трибунах. Я не стану менять платье, этикет этого не требует, а вот накидку возьму свежую, роскошную — так и наряд будет выглядеть обновлённым, и я буду смотреться внушительнее. Фрейлины поправляют начавший обвисать пучок, переделать причёску желательно, но некогда. Ничего, лучше банта небрежность замаскирует тиара.

Солнце конится к закату, а значит наступает время вечерних драгоценностей. Старшая фрейлина открывает шкатулку гарнитуром, венец которого в буквальном смысле Сапфировая тиара. Тиара не относится к регалиям, однако является защитным артефактом, да и по мелочи обладает другими свойствами, в частности — помогает привлечь внимание.

Пока я привожу себя в порядок, на арене спешно возводят деревянное возвышение. К моему выходу возвышение не только готово, но и застлано синими ковровыми дорожками.

— Моя леди, — у выхода на арену меня окликает Феликс.

— Мой рыцарь. я горжусь вами, — и кивком указываю за своё плечо. — Следуйте за мной.

По традиции первая аристократка империи выходит либо одна, либо в сопровождении сапфиров. Феликс не только не сапфир, он, строго говоря, даже не рыцарь. Ему точно не место на возвышении, но вопреки традиции я приказываю идти. И не потому что он мне на арене нужен, хотя кто занят... Потому что Феликс заслужил награду и право на признание.

Герольд объявляет мой выход.

Когда я появляюсь, зрители на трибунах ликуют. О, это же... благодаря Феликсу. Он поэтому намекнул, что нужно выйти с ним?

Работа принцессы — улыбаться и махать, махать и улыбаться. В идеале у каждого простолюдина должно возникнуть ощущение, что я среди всех я заметила и его тоже.

Ниже возвышения на арене выстроились участники турнира. Невезунчики, выбывшие в первом туре, стоят самым широким полукругом дальше всего. Их ничего не ждёт, разве что какая-нибудь богатая вдовушка предложит службу... в своей постели.

— Сила и опора нашей империи, — мой голос разносится над трибунами. Речь давно подготовлена папиным Рыжиком. С текстом я полностью согласна, так что моя задача эффектно произнести. Правда, от себя я всё же добавляю. Люди не поймут, если я “забуду” высказаться про поединок нашего рыцаря и степного врага.

Я бросаю взгляд на Рыжика, едва не кувыркнувшегося с болкона, когда я начала свою импровизацию. И чего такой нервный? Я же только начала, а он уже готов. Когда я без приглашения на Совет приду, у него сердечный приступ случится? Надо посоветовать папе хоть ненадолго отпустить хрупкого помощника в отпуск.

Я завершаю речь под громовые аплодисменты.

Взгляд цепляется за... Голыш выполз. В смысле, я случайно замечаю его стоящим во внешнем полукруге участников. С его ранением, не представляю, как он ухитряется стоять. Участникам помогают лучшие лекари империи, но они не чудотворцы. Парень настолько нуждается, что приковылял через боль? Уверена, прямо сейчас повязки намокают кровью.

— Приветствую победителя!

Герольд объявляет имя.

Ближе всех к возвышению четвёрка участников, выстроившихся ромбом — победитель чуть впереди, остальные за ним. Победитель поднимается на возвышение, преклоняет передо мной колено и, склонив голову, на вытянутых руках подаёт мне свой меч.

Я принимаю его оружие:

— Лорд, — победитель получает статус аристократа, но... не наследуемый — кляётесь ли вы с честью и самоотверженно служить империи и его величеству императору Дарну Семнадцатому?

— Клянусь!

Я упираюсь остриём меча в грудь лорда, над сердцем:

— Поднимитесь, лорд.

Свежепосвящённый рыцарь встаёт. Я возвращаю ему меч, который он незамедлительно прячет в ножны. Освободив руки я беру у герольда орден с пышной лазурной лентой и прикалываю рыцарю на жилет, точно на место укола.

Есть сапфиры — те, кто реально служат императору. А есть почётные сапфиры, и именно таким стал лорд. Возможно, он сделает головокружительную карьеру, а возможно, так и не сможет завоевать высочайшее доверие и останется просто почётным. Зато в синем мундире, который ему теперь положен как любому сапфиру.

Церемония окончена, мне следует вернуться в императорскую ложу.

Вместо этого я спускаюсь на арену, мимоходом отмечаю, что герольду тоже пора в отпуск, потому что ещё один нервный — аж вылинял.

Считается, что императорская семья “забирает” лучшего, а остальных претендентов разбирают аристократы в порядке старшинства. Первыми выбор делают герцогские семьи и лишь в конце безземельные аристократы, не состоящие на государственной службе.

Можно сказать, что я аристократов сейчас “обкрадываю”.

Троица финалистов, уступивших лишь победителю, встречает меня с надеждой во взглядах. Но я прохожу мимо. Точно также я игнорирую остальных перспективных бойцов. Точнее, я делаю вид, что оказываю всем без исключения участникам небывалую честь — обхожу их ряды. Я не скуплюсь на похвалу и улыбки, но стать моим рыцарем никому не предлагаю.

Пока не останавливаюсь перед голышом. Бледный, в холодном поту, того гляди упадёт от кровопотери, но упрямо держится. Я про себя вздыхаю, но не могу не признать, что, если бы не его упрямство, не бывать ему рыцарем.

Только вот, кажется, и сейчас ему не быть — его ржавая железка сломалась, у Феликса своего меча нет, а у меня и вовсе никогда не было. Посвящать нечем.

Отбирать чужой меч нельзя, уводить голыша с собой без официального посвящения неправильно.

— Моя принцесса.

Я оборачиваюсь и с трудом сдерживаю изумление. Феликс так быстро научился меня понимать? Но что меня удивляет больше — напрасно я считала Феликса безоружным. Степняка он ободрал и трофеи не упустил. Саблю, красиво брошенную под козырёк ложи, он прихватил. Где только прятал, что я не заметила?

— Воин, — обращаюсь я к голышу.

Не разочаруй.

Лишь на миг у него расширяются глаза, парень преклоняет колено, чуть ли не падает передо мной. Штанина в месте сгиба быстро намокает — потревоженная рана закровоточила. Плохо, но куда деваться. Думаю, пару минут парень выдержит, а потом к целителям, и без их позволения он у меня с кровати не встанет.

— Своей душой, жизнью, сутью, силой вверяю себя госпоже, отдаю свою свободу и преданность, — голыщ чётко выговаривает каждое слово.

Интересно, сам сообразил или Феликс суфлирует?

Надеюсь, сабля степняка не отравлена, иначе моя смерть будет до безобразия смешной. Я надавливаю подушечкой большого пальца на остриё, пачкаю самый кончик лезвия кровью, а затем направляю саблю в голыша.

Со стороны кажется, что он целует остриё. На самом деле он слизывает мою кровь — с Феликсом было проще, но на публике драгоценная кожа принцессы неприкосновенна.

Я обозначаю укол в сердце.

Саблю я возвращаю Феликсу, а заодно отдаю приказ:

— Лорд, проследите, чтобы присягнувший мне рыцарь отправился на попечение лекарям.

— Есть, ваше высочество!

Я завершаю обход. Больше я, естественно, никого не выбираю, ограничиваюсь улыбками и пожеланиями успехов и возвращаюсь в ложу. Остаётся дожидаться, когда герольд объявит окончание турнира официально, а затем уйти вслед за его величеством — от трибун до дворца императорская семья на радость публике показательно едет в одной открытой коляске.

Кажется, за легендарным доспехом я не успеваю...

Я почти не участвую в пустом разговоре, который и без того не вяжется. Папа обменивается репликами с Тери и Лёком, императрица — с Олисом. Заметив, что я не в настроении, Тери касается моей руки. Я кивком показываю, что я в порядке, просто задумалась.

Поднявшись на второй этаж, мы расходимся. Папа церемонно желает императрице доброй ночи, выслушивает ответное пожелание её величества. Тери, поглядывая на меня, нетерпеливо топчется, видимо намерен пойти со мной. Должно быть, вопросов у него накопилось миллион.

Только вот Тери ожидаемо остаётся с носом.

— Кресси, составь мне компанию за чаем, — приглашает папа, у которого вопросов не меньше.

— С радостью, — улыбаюсь я и, пользуясь тем, что официальная часть закончилась, ухватываю папу за локоть как обычного кавалера.

И ожидаемо, что ведёт меня папа не в столовую, не в гостиную, а в рабочий кабинет. Рыжик вскакивает при нашем появлении, и я вспоминаю, что я принцесса не какая-нибудь нежная и добродетельная, а капризная:

— Па-а-апа, — жеманно тяну я, аж самой противно становится, — пустой чай считаю издевательством! Как насчёт пирожков с мясом в качестве десерта? Можно без тестовой оболочки.

Папа вздыхает, но Рыжику кивает.

Неужели у меня есть шанс избежать выволочки? Или, по крайней мере, сделать её менее выволочной?

Папа плотно закрывает дверь кабинета, проходит за стол, садится, скрещивает руки на груди. Я изо всех сил поднимаю ветер ресницами. Увы, папа не ведётся.

— Поняв, что разоблачён, шаман попытался проклясть наш род ценой своей жизни. Безликому удалось предотвратить ритуал, но шаман не выжил.

— Какая потеря..., — фыркаю я.

— Именно, что потеря. Шаман был единственным свидетелем вызова со стороны степняков. Теперь Великий хан потребует виру.

Я закатываю глаза:

— Пусть требует хоть до посинения.

— Нынешний Великий хан в отличие от предшественников обладает реальной властью. Он способен поднять на нас всю степь,

Кресси.

Угу.

Способен, кто бы спорил.

— Пап, очнись! Мир со степняками невозможен. Степнякам нужно наше продовольствие. Сейчас они отнимают продовольствие силой. Альтернатива — торговля. Только чем им с тобой расплачиваться? Вряд ли в обмен на зерно и мясо ты примешь мешки песка с вкраплениями жухлой травы. Степняки могли бы обслуживать караванные пути, но устраивать набеги проще и привычнее.

Папа устало откидывается на спинку кресла:

— Вот именно. Лучше терпеть набеги разрозненных племён, чем столкнуться с полномасштабным вторжением. Ты была совсем маленькой, не помнишь. Нас едва не смели, и мне пришлось идти на сделку с герцогом, жениться на его дочери.

— Проблему степняков следует решить раз и навсегда, — перебиваю я.

— Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь.

Я прищуриваюсь:

— Легко!

— Ну-ну, — воспринимать моё заявление всерьёз папа отказывается. — Что ты ещё прочитала в Книге, Кресси?

— Я не уверена..., — я дословно вспоминаю строчку, которая “догнала” меня на турнире, а вот дословно вспомнить роман, который я читала в прошлой жизни, у меня точно не получится. Я не уверена, что готова рассказать про своё перерождение в простолюдинку, тем более придётся признаться, что я пыталась читать Книгу раньше. Словом, не нужно волновать папу попусту, у него и так волнений хватает.

Я рассказываю всё, что удаётся вспомнить, а папа конспектирует. Мы прерываемся, когда Рыжик приносит горячий ужин. Я дожидаюсь, когда он уйдёт:

— Пап, а ты не думаешь, что за герцогом стоит Великий хан собственной персоной?

— Хм?

— Несколько веков назад набеги были куда более разорительными. Степняки не изменились, изменилась наша армия, прежде всего оружие. И изменились крепостные стены. Великий хан

не дурак, он не может не понимать, что через пару веков стены станут выше, крепче, и, наконец, непреодолимы. И тогда степь охватит голод. Южный край ему не нужен, воины-кочевники не станут земледельцами, а вот империя целиком... сделать из кочевников особое ханское войско вполне реально.

— Как ты себе это представляешь? — усмехается папа.

Я внимательно смотрю ему в глаза. Усмешка какая-то невесёлая. Может быть, папа тоже не хочет меня волновать?

Пора прояснить кое-что:

— На южную границу пришла, как ты выразился, вся степь. Герцог Майрай собирался воспользоваться моментом и объявить независимость. Империя посыпалась бы как карточный домик. Чтобы умиротворить герцога, ты предложил брак с его дочерью.

— И?

Я барабаню ногтями по подлокотнику. Стоит ли выдавать некоторые знания? Сочувствую папе, но от недомолвок и ненужных тайн будет только хуже. Это же не мои маленькие похождения скрывать...

— Ради сохранения империи ты бы женился на ком угодно, пап. Коронация императрицы, в той части церемонии, где задействованы регалии, по сути ничем не отличается от ритуала принятия в род. Точнее, это и есть видоизменённый ритуал удочерения. С точки зрения родовой магии, коронованная чужачка становится младшей родственницей. И получает ограниченную возможность пользоваться регалиями, как мы уже с лишним Безликим убедились.

— Кресси? — папа бледен, понял к чему я веду, но я продолжаю рассуждать вслух.

— Традиционно ты провёл первую брачную ночь в покоях императрицы, единственный раз, насколько я помню. И, зная тебя, могу сказать, что вы просто спали. Порознь. В той ситуации ты бы не стал отказываться от дочери герцога, чем он и воспользовался. Во время коронации она уже была в положении, да? И Олис может пользоваться регалиями очень ограниченно, как усыновлённый, ведь, находясь в утробе матери, он был точно таким же участником коронации, как она.

— Кресси...

— Его кровный отец Великий хан, так?

Ответное молчание красноречивей любых слов.

Глава 10

Чайник остыл, но я разливаю чай по чашкам, одну ставлю перед папой. Держусь, как ни в чём не бывало, как будто и не было моего скандального вопроса.

— Кресси...

— М-м-м?

Я смотрю на папу, и мне больно. Императорское великолепие меркнет, и выученное величие больше не может скрыть человеческую усталость. Кажется, будто даже светлые волосы поблели. Я протягиваю руку, хочу обнять и сказать, что разделю с ним всю тяжесть ответственности за империю, но миг слабости мимолётен, папа расправляет плечи, он снова сильный, уверенный в себе мужчина — император. Я опускаю ладонь на столешницу и притворяюсь, что ничего не заметила, ведь папе это не нужно. Точнее, очень нужно, но не сейчас, когда мы говорим о деле.

— Креси, я не могу подтвердить твоих предположений, но опровергнуть тоже не могу. В первую брачную ночь, следуя традициям, я до утра оставался в покоях императрицы, просидел у окна, глядя на звёзды и вспоминая... Когда императрица призналась, что в положении, я действительно не стал обвинять её в измене ради союза с герцогом. Я даже порадовался, что с родным ребёнком она не будет одинока. Я не стал допытываться, кто отец Олиса. Точнее, я принял объяснение императрицы, поверхностная проверка подтвердила, что отцом Олиса может быть мелкий аристократ-южанин, входящий в дом герцога. Скажи, ты про Великого хана в Книге прочитала?

— Нет, только предполагаю. Книга предрекла гибель нашего рода, но при этом Олис благополучно короновался. Я зацепилась за это очевидное противоречие. Сперва я засомневалась в своих догадках, потому что регалии Олиса принимают, словно он нашей крови, но потом поняла, что такое возможно, если императрица во время коронации уже была в ожидании.

— Внешне Олис не похож на степняка.

— Не аргумент, — возражаю я. — В хрониках описан случай, как семьсот лет назад ненаследный принц вступил в повторный брак с

вдовой, находящейся на приличном сроке. Ребёнок, не будучи наш по крови, получил фамильные черты.

— Ясно...

Изначально моя мечта — возродить былое могущество нашего рода, вернуть силу, слабеющую от поколения к поколению. Я годами скрупулезно работала в архиве, чтобы понять, в какой момент наследие, переданное нам богиней судьбы, начало таять и утекать как вода сквозь пальцы. Я изучала родословные других родов, в том числе и рода Шесс, пытаюсь вывести закономерности и подобрать ключ. Именно ради своих изысканий я рискнула жизнью и открыла Книгу судьбы. Я искала ответ, а получила предвестие скорой гибели.

— Пап, шаман случайно не родственник Великого шамана? Мы могли бы проверить его кровь.

— Нет, не родственник.

— Олис... не знает?

— Я настоял, что он не должен знать, и императрица согласилась. Однако теперь я, честно говоря, ни в чём не уверен.

В романе о том, что Олис бастард, не было ни слова. Зато понятно, почему он мог отказываться от участия в заговоре — боялся, что регалии его отвергнут. Хм, а ведь у Великого хана на этот счёт может быть план. И Олис согласился после того, как его с этим планом познакомили? Что касается императрицы, то её могли убить как свидетельницу — ведь она-то точно знает, чей Олис сын.

Я допиваю остатки чая.

— Пап... Шёл бы ты отдыхать, умные мысли обычно приходят в свежую голову. И на всякий случай усиль охрану. Предполагаемый убийца ликвидирован, но не факт, что он единственный.

— Действительно, уже поздно, — папа словно только сейчас замечает, сколько времени. — Кресси, иди. И, потрудись, пожалуйста, избегать самоуправства. Я всё ещё считаю, что приказ, который ты дала лорду Шессу, неприемлем.

— Учту.

— Имеешь в виду “Иди лесом, дорогой папочка”?

Я хмыкаю и ничего не отвечаю. А что ответишь, если папа прав?

За окнами давно стемнело. Когда я возвращаюсь в свои покои, близится полночь. А фрейлины не спят, ждут, потому что, как минимум, в обязанности старшей входит забрать гарнитур и,

естественно, тиару, а затем в сопровождении лорда-хранителя вернуть в сокровищницу, так что лорд тоже не спит, дожидается, когда сможет исполнить свои прямые обязанности.

Получается, когда я вернулась от императора, знает весь дворец...

Я отпускаю фрейлин, с помощью служанки переодеваюсь в ночную сорочку, но не ложусь, а, оставив служанку взбивать подушки, крадучись, выглядываю в будуар. И вижу картину, которую и предполагала увидеть. Может, у меня просыпается дар предвидения? Или я просто умная?

Феликс обнимает тихо плачущую сестру, успокаивающе гладит по спине, что-то тихо говорит, что именно — не разобрать. Она вцепилась в него и отказывается отпускать.

Жаль разбивать миг семейного единения...

— Как мило, — усмехаюсь я, лицу придаю выражение из амплуа злодейки-разлучницы.

В миг высвободившись из объятий, Феликс на одних рефлексх задвигает сестру за спину и только после этого осознаёт, кто перед ним, рвано выдыхает, и напряжение уходит из его позы.

— Принцесса, — разглядев мой весьма откровенный вид, Феликс сглатывает.

Я, дразня, пробегаю кончиком языка по нижней губе.

— Кэтти, почему бы тебе не помочь моей горничной справиться с подушками?

— Но... я...

Феликс подталкивает сестру, и она с явным нежеланием, но послушно уходит. Подозреваю, он тоже не рад, что я прерываю, однако держится спокойно, без раздражения. Посмотреть приятно.

— Ваш приказ выполнен, ваше высочество.

То ли восхищаться его самообладанием, то ли обижаться на равнодушие к моей красоте. Феликс прекрасно понял, что обнажённая кожа под шёлком ночной сорочки отнюдь не приглашение в постель.

— Как зовут моё приобретение? Впрочем, неважно. Ящерка, шуршика-ка ты из дворца.

Выводить Феликса на эмоции довольно забавно.

— Ваше высочество?

Ну да, то, что выгонять его я не стану, тоже понял, вот и уточняет.

Люблю умных и догадливых...

— Встречаемся за воротами у трибун, так что шуруй, — мне нужен мой легендарный доспех.

Приказ не предполагает возражений или дальнейший уточнений. Феликс позволяет себе лишь один единственный взгляд в сторону двери, отделившей его от сестры, и выходит. Я же возвращаюсь в спальню, укладываюсь. Напомнив горничной, чтобы не спускала глаз с Кэтти и ни под каким предлогом не выпускала, хоть даже приказ будет передан от моего имени, я отсылаю обеих и мысленно считаю до ста.

Ночные вылазки для меня не в новинку, но до сих пор мои похождения ограничивались стенами дворца, и самой опасной из авантур была вылазка в Малую сокровищницу за Книгой.

Сборы укладываются в четверть часа. Я закалываю волосы “гулькой”, переодеваюсь в тёмный охотничий костюм, на всякий случай свою печать вешаю на цепочку, надеваю на шею и прячу под ворот. В карман отправляется туго набитый кошель. Ничего не забыла?

Из спальни, минуя комнату служанки, я выбираюсь через потайной ход.

В коридорах тихо. Я беспрепятственно спускаюсь на первый этаж, а вот выйти также открыто не получится — гвардейцы на страже. Я снова ныряю в потайной ход, благо во дворце их целая система. Узкий тоннель, если верить карте, проходит под трибунами и выведет меня в город, но ход оказывается с сюрпризом — коридор делает резкие повороты и вьётся змейкой. Воздух не душный, как можно было бы ожидать, а холодный, при выдохе к потолку устремляется облачко пара. В стенах выдолблены ниши, и из них скалятся... мертвецы. Скелеты, реже мумии, и все они в ветхой одежде по моде прошлых веков.

Папа нарочно не предупредил, да? Если бы я маленькая сюда залезла, я навсегда бы отбила охоту к побегам. Даже сейчас, когда я взрослая и понимаю, что в нишах просто древние кости, не по себе и взгляды в спину мерещатся.

Я прибавляю шаг и радуюсь, что подошва полусапожек мягкая, скрадывает звук. Мне не терпится выбраться на поверхность, а ведь мне ещё через этот ход возвращаться. Лучше не думать.

Ход приводит меня в пустой подвал. Поднявшись по лестнице, я попадаю в холл нежилого дома. Мебель скрыта пропитавшимися пылью чехлами, помещение давно не знало проветривания. Чтобы не

привлечь ненужного внимания к парадному крыльцу, я гашу лампу и выскальзываю на улицу через боковой выход.

Я не сразу привыкаю к навалившейся темноте. К счастью, идти недалеко — я ориентируюсь на башни дворца, флаг на шпигеле подсвечивается, отчего кажется, что герб нашего рода парит над городом.

Внезапно от стены отделяется тень. Я вздрагиваю, сердце проваливается в пятки.

— Принцесса?

— Напугал! — возмущаюсь я шёпотом.

В ответ ни намёка на раскаяние.

Феликс даже не извиняется за выходку, только голову склоняет.

— Принцесса, могу я узнать цель нашей прогулки?

Ещё бы свиданием назвал!

— Я здесь инкогнито. Обращения “моя госпожа” будет достаточно, — мстительно заявляю я, ведь можно было бы ограничиться обычным “леди”.

Феликс усмехается.

— Да, моя госпожа, — выдыхает он настолько проникновенно, что меня вдруг в жар бросает, и на ум невольно приходит, как я предстала перед ним в шёлковой сорочке.

Я резко отворачиваюсь и слышу смешок. Самоуверенность ящерики поражает. Казалось бы, не в его положении провоцировать, но надо признать, нахальство ему к лицу.

Мы идём по ночной столице.

Феликс принаравливается к моему шагу и идёт не сзади, а рядом. В какой-то момент я понимаю, что он не только давно держит меня под локоть, но и развлекается, подушечкой большого пальца невесомо рисуя спиральки на тыльной стороне моей ладони. Но не вырывать же руку...

— Святилище Безымянной пары, ты знаешь, где оно.

— О-о-о?

— Не знаю, что ты вообразил, но мы просто идём его грабить.

Феликс сбивается с шага:

— Простите, моя госпожа. Грабить?

— Именно.

— Ха... Признаться, я не понимаю, как вы уместили в одной фразе “святилище” и “грабить”.

— Думаешь, оно настолько бедное, что вынести будет нечего? — теперь уже я рисую указательным пальцем на внутренней стороне запястья, где кожа, насколько я знаю, особенно чувствительна к прикосновениям.

Феликс не поддаётся на провокацию, ответ предельно серьёзен:

— Моя госпожа, вызов богам бросают только самоуверенные дураки. От возмездия с небес не скрыться.

— Когда ты так говоришь, ящерка... Я теперь ещё больше жажду ограбить святилище. Вот кошелёк. Если нужно, найми извозчика. Я хочу оказаться у святилища Безымянной пары немедленно. Действуй.

— Лучше бы я очешуел. Какой спрос с ящерицы?

— О, это всегда можно устроить. Хоть прямо сейчас.

— Спасибо, моя госпожа, за заботу. Я воздержусь.

Феликс выводит меня на широкий проспект. Здесь не так темно, как на узкой улочке, редкие фонари дают крохи света. Феликс поворачивает налево, и через десяток шагов я замечаю тёмный силуэт экипажа.

Прикрыв меня собой, скорее машинально, чем осознанно, Феликс будит задремавшего извозчика.

Мужчина быстро приходит в себя, встряхивается по-собачьи. Сонная муть уходит из его глаз, и взгляд становится цепким, но не думаю, что он поймёт, кто перед ним, тем более я редко выходила к простолюдинам.

— Ох, молодёжь, горячая кровь, — ухмыляется извозчик, услышав место назначения, — тайком от родителей женятся, потом всю жизнь сожалеют.

Под его тихое бормотание я забираюсь в экипаж. Феликс садится со мной, наклоняется к самому уху:

— Моя госпожа, вы совсем не боитесь?

Я ощущаю его дыхание.

— Хм? — я сглатываю. — Если у тебя трясутся поджилки от одной мысли об ограблении святилища, просто признайся. Я даю слово, я не буду заставлять тебя заходить внутрь.

— Моя госпожа, если вы не боитесь гнева богов, то как я, ваш верный рыцарь, посмею бояться? Я имел в виду абсолютно другое.

— Что же? — что я ещё не учла?

— Ночью к Безымянной паре приходят юноши и девушки в поисках брачного благословения, моя госпожа.

— Мечтай! — фыркаю я.

Он серьёзно? Я никогда не интересовалась городскими байками. Может, одной пойти? Отправлять за амулетом Феликса мне кажется неправильным — уж если я граблю святилище, то это моя ответственность, и пусть боги видят меня, а не Феликса.

Феликс же откровенно хохочет.

Был бы веер — стукнула бы. Но веера, увы, нет...

По ночным улицам экипаж катится относительно быстро и укачивает тоже быстро. Прохладный воздух лишь немного освежает. Я стараюсь отвлечь себя от непрекращающейся тряски нехитрыми размышлениями — если за окном ни зги не видно, как Феликс отслеживает маршрут? По идее, извозчик надёжный, иначе бы стражи не позволили ему работать в центральной части города, с благородными аристократами, но кто знает.

Катастрофически не хватает привычного освещения мегаполисов, но я совершенно не представляю, как добыть электричество. Может быть, поискать талантливых изобретателей? Я бы вошла в историю с пользой.

— Моя госпожа, вы позеленели, — забавляется Феликс.

— Не уговаривай, в жабу ради тебя не превращусь, ящерка.

— Вы всё-таки думаете о тайном браке, моя госпожа?

Экипаж останавливается. Феликс, вспомнив, что он может быть не только язвой, но и галантным кавалером, помогает мне выйти на мостовую, расплачивается с извозчиком.

— Любезный господин, — извозчик прячет монету в карман, — район тут тихий, наш брат ближе к центру стоит. Вас... ждать?

Феликс бросает мужчине вторую монет:

— Можно и подождать.

Извозчик удовлетворённо кивает. Мне хочется спросить, где святилище, но я сдерживаюсь — ни к чему лишний раз привлекать внимание. По-хорошему, мне вообще стоило скрыть лицо вуалью, но, увы, вовремя не догадалась.

Феликс подхватывает меня под руку:

— Нам туда, — указывает он на чёрный провал в ночной темноте.

Святилище кином втиснулось между трёх-четырёхэтажными зданиями и выглядит вскочившей на улице бородавкой — внешне постройка напоминает куполообразный домик канадских эскимосов, только блоки для строительства использованы явно не снежные. Может, при дневном свете сходство пропадёт?

Вход низкий, приходится наклоняться — волей-неволей кланяться Безымянной паре.

Внутри темно и пусто. На наше с Феликсом появление никто не реагирует. Выждав для приличия пару минут, я зажигаю лампу, я с ней так и не рассталась. Свет бьёт по глазам.

— Ш-ш-ш..., — выдыхает Феликс.

— Так ты не ящерка, ты змейка?

Внутри святилище... убогое. Иного слова и не подобрать. Сходящиеся над головой стены словно глиной измазаны. На уровне пояса орнамент из точек и палочек, явно пальцем сделанный. В земляной пол врыты четыре камня, определить размер не возьмусь. Под землёй могут скрываться как большие валуны, так и камни, размером с арбуз.

Если мысленно соединить выступающие камни прямыми линиями, получится ромб, в центре которого грубая алтарная плита. Статуя Безымянной паре поражает изяществом работы. Едва ли скульптор может похвастаться талантом, я бы статую даже уличный фонтан украшать не поставила, но на контрасте с интерьером двое влюблённых смотрятся воздушно и одновременно чуждо этому месту.

— Моя госпожа, как это возможно?

— Ты о чём?

— Разве вы не видите? Это архитектура юрты и святилище полностью повторяет святилища степняков. У них такие же алтари, необработанный природный камень. Статую притащили для прикрытия.

Я ещё раз обегая помещение взглядом и с ужасом понимаю:

— А ведь ты прав...

— Вы не знали?

— Откуда бы?

Святилище и святилище. Два трагически погибших влюблённых голубка мне совсем не интересны. И подозрений, почему Олис с главной героиней пришли сюда, у меня не возникало. А ведь стоило задуматься, что безымянных богов не бывает, что Олис получил амулет не просто так.

— Уходим, моя госпожа, немедленно.

Спорить?

Ни за что! Из-за моей беспечности мы вляпались. Что мне стоило сперва разведать, потом заявляться? Если Феликс с его опытом передраг говорит, что надо драпать, значит, так и есть. Я отчётливо понимаю, что конкретно сейчас я превратилась в обузу и моя главная задача — не мешать Феликсу меня спасать.

Я послушно разворачиваюсь к выходу, делаю шаг.

И замираю.

В проходе стоит старик. На первый взгляд из тех, о ком говорят, что уже песок сыплется. Тощий, серый балахон висит на нём мешком. Морщинистое лицо коричневое, усеяно пигментными пятнами, отчего кажется грязным, а вот борода и волосы снежно-белые.

— Доброй ночи, — здороваясь, Феликс делает широкий шаг к старику и словно случайно прикрывает меня плечом.

— Доброго пути, — старик благостно улыбается из-под седых бровей.

Я смотрю на него и понимаю — степняк.

— Украл себе зазнобу?

— Скорее, она меня — ухмыляется Феликс. Напряжение исчезло, он держится свободно, спокойно. Трудно поверить, что только что он предлагал бежать.

— Безымянная пара благословляет любящих. Богам не нужны громкие слова и ритуалы, достаточно пролить на алтарь свою горячую кровь.

Я не знаю, как реагировать. В одном уверена — жертвовать кровь богам степняков нельзя.

Старик что-то понял? Не без причины же он продолжает перекрывать единственный выход. Почему он не подходит к алтарю?

Феликс медлит.

— Вы жрец? — спрашиваю я, выглянув из-за плеча Феликса.

Старик кивает.

— Боги благословляют? — переспрашивает Феликс. — Разве это не означает, что боги благословляют брак? Мы пришли просить об удаче, чтобы получить родительское одобрение.

— Можно и так, — легко соглашается старик. — Боги увидят ваши желания в ваших сердцах, пролейте кровь.

— Никогда не слышал, о подношении крови.

Феликс врёт. Если он опознал святилище степняков, он не может не знать, что степняки практикуют кровавые жертвоприношения, чаще над алтарями убивают животных, но случается и пленников.

— Безымянная пара особенная.

— Пожалуй, мы воздержимся.

Услышав решительный отказ, старик должен освободить проход, но он стоит, поглаживает длинную, до колен, белоснежную бороду.

Да он под ней амулеты прячет!

Миром разойтись не вышло.

Старик с необычайным для его возраста проворством выбрасывает ладонь. С пальцев сываётся облачко бурого порошка. Высушенные истолчённые травы? Я чувствую, как Феликс переносит вес тела назад и вместе с ним пячусь. Полное единение без слов, как в танце...

Порошок оседает на пол, вроде бы безвредно, но меня напрягает, что старик не выглядит расстроенным, напротив, он искренне радуется:

— Сегодня Шартшар будет пировать.

А в меню у степного бога мы с Феликсом.

Шаман заводит речитатив, звучит непривычно и чуждо. Как скрежет по стеклу. Хочется заткнуть уши, но я даже не пытаюсь.

Феликс выхватывает короткий стилет и молниеносно, без замаха, отправляет в полёт. Шаман, не прекращая речитатива, уклоняется. Из просыпанного порошка начинают подниматься бесформенные тени.

— Прорываемся, — приказывает Феликс. — Я прикрою, бегите.

Если так сделать, очевидно, что Феликс погибнет.

Но если остаться, то мы погибнем вдвоём. Я должна рассказать об открытии императору.

Тени раскидывают щупальца, плетут сеть. Схватив меня за руку, Феликс первым бросается вперёд. Пройти, не зацепив тени, не получится. Но Феликс рвёт жгуты, прикрываясь чешуёй.

Шаман, чтоб его, ни на миг не сбивается. Под речитатив, он выдёргивает из-под бороды то ли клык, то ли кость. С хрустом амулет ломается.

— Беги!

Феликс расчётливо падает на шамана, увлекает за собой на пол и, кажется, теряет сознание — амулет, чем бы он ни был, сработал.

В отличии от Феликса, шаман по-прежнему боеспособен. Мой шанс — это проскочить мимо. Жертва Феликса не должна быть напрасной... Что за чушь?! Это моя ящерица. Я, императорская принцесса, позволю врагам себя ограбить?!

Я бы побежала, но нет — тени слишком близко. Я взмахиваю рукой, как комара отгоняю, и абсолютная уверенность в своём праве повелевать даже теням сотворяет чудо. Щупальца отдёргиваются.

Вот теперь шаман сбит с толку. Он даже встать больше не пытается, лишь приподнимается, опираясь на локоть.

— Кто ты?

Это важно?

Чутьём я улавливаю исходящую от шамана смертельную угрозу. Кажется, он прямо сейчас проклинает меня на немедленную смерть.

Невидимая удавка сдавливает горло, но так же просто, как от теней, от неё не отмахнуться. Я бы запаниковала, если бы не умирала сейчас в третий раз. Дурная привычка, с которой пора расстаться. Я отстранённо вспоминаю, как я себя ощущала, будучи призраком, и зрение перестраивается само собой, а в теле появляется лёгкость, я словно воспаряю над землёй, хотя это, конечно, не так. Я начинаю видеть удавку — лоснящийся чёрный жгут. Он не только душит, но и пачкает отравой. Редкостная мерзость. Злость вспыхивает ярким светом. И сам жгут, и оставленные им пятна бесследно сгорают.

Шаман успевает окружить себя мутным тёмно-серым коконом. Я пока не пытаюсь пробиться сквозь защиту, я перевожу взгляд на Феликса. Его оплетает дрянь внешне похожая на плесень, и самое скверное, что эта плесень не только забила нос, рот, глаза, но и пытается прорваться в тело, уже запускает подобие разветвлённых корней.

Нет, не дам свою ящерку.

Я точно также, как удавку, сжигаю плесень. Свет вспыхивает так ярко, что я теряю зрение. Я вижу искрящуюся чистоту прозрачного

бриллианта, вдыхаю свежесть грозы. Связь с миром теряется, но вместо страха, я ощущаю эйфорию. Я могла бы взлететь на небеса, найти богиню судьбы, и показать ей... А-а-а, что за бред у меня в голове?! Во-первых, над моими потугами богиня только посмеётся. Во-вторых, ящерку я за собой не утащу. Даже ослепительный свет не может скрыть соединившую нас клятву, и я отчётливо понимаю, что позвать Феликса сейчас — это просто его убить.

Эйфория — чувство чистого счастья — захватывает, я растворяюсь в ней. Но именно связь с Феликсом помогает мне осознать происходящее.

Я не хочу исчезать! К эйфории примешивается испуг. Меня раздирает от противоречивых эмоций, свет, как отражение внутренней бури, обрушивается на меня, слепит, жжёт. Я тону в нём, как в океане.

Только связь с Феликсом позволяет мне взять эмоции под жёсткий контроль и восстановить связь с миром.

Я открываю глаза.

Феликс пытается подняться. Я сама почему-то на полу. В метре от меня лежит шаман. Живой или нет, не понять. Половины бороды нет, балахон в настоящих подпалинах.

— Хай-дже! — вскрикивают у входа.

В святилище ворвались сразу два степняка. Эти молодые, лица ещё не заросли бородами, но оба в балахонах и при наборе зубов-когтей. Ученики шамана? Ученики или нет, прежде всего они воины, оба выхватывают клинки.

— Во славу Шартшара! — хрипит шаман.

Жив таки...

Для степняков его слова приказ. Проигнорировав меня, они бросаются на Феликса. Один из бойцов замахивается рукоятью. Видимо, желает ударить по голове и отправить в беспамятство, чтобы скрутить и по всем правилам убить на алтаре.

Меня они, наверное, всерьёз не приняли.

И правильно, потому что навалилось опустошение. От теней или от проклятья, я думаю, я отмахнусь, а вот сама вряд ли что сделаю.

Одного Феликс из положения лёжа бьёт ногой в живот. Второй отскакивает. Феликс успевает подняться, развернуться. Я тоже встаю. Ищу за что уцепиться, голова тяжёлая и святилище мягко вращается.

Не настолько, чтобы пол с потолком менялись местами, но всё равно тошно и противно.

Короткий обмен ударами, и Феликс отшвыривает противника чуть ли не через всё святилище. Тот перелетает алтарь, врежется в статую. Скульптура опрокидывается и с грохотом разбивается.

Именно в этот момент в святилище врываются стражи.

Спрашивается, где они раньше были, когда здесь степняки строили и хозяйничали. Хорошо, хоть на вспышки света и шум отреагировали быстро.

— Именем императора, всем оставаться на местах!

Стражи оглядываются и... Главный впивается взглядом в Феликса:

— Гвардеец, устроивший безобразную драку в святом месте?

Ни армия, ни стражи гвардейцев не любят — возвращая взаимную неприязнь, легче контролировать силовые структуры, однако неприязнь не должна затмевать здравый смысл.

— Трое жертв, — подхватывает другой страж из отряда.

— Назовитесь, лорд. Именем императора вы арестованы.

Стражи застали драку, их дело прекратить беспорядок и задержать всех участников для разбирательства, но никак не выносить обвинения.

— А они? — тихо спрашиваю я, кивком указав на степняков.

То, что кто-то вякнул про жертв, ещё не значит, что капитан отряда поддержит дурака, хотя видно, что сам недалеко от подчинённого ушёл.

— Будут доставлены лекарям. Вы тоже представьтесь, леди. Вы задержаны.

Надо признать, что жертвами в святилище действительно выглядят только степняки, и стражи своими глазами видели, как Феликс отшвырнул парня точно в статую.

Но тем не менее, они неправы.

Я прикидываю расклад: с шаманскими штучками я с помощью Феликса как-нибудь справлюсь, отряд, пусть и не самый подготовленный, троих битых, один из которых ещё и подгоревший, как-нибудь запинают.

Скрываться смысла нет.

Я усмехаюсь:

— Императорская принцесса Крессида Небесная, — я медленно, чтобы не спровоцировать резким движением, вытаскиваю из-под ворота печать на цепочке.

Реагируя на мысленный приказ, печать отзывается.

Считается, что подделать печать невозможно, ведь символы власти благословила сама богиня судьбы, но в последнее время происходит слишком много всего невозможного, начиная с процветающего святилища степняков в центральных районах столицы, мы ведь даже не на окраине.

Но стражам мои сомнения ни к чему.

Капитан, осознав, кого он так храбро арестовывает, бледнеет. А в народе репутация у меня, мягко говоря, скверная. У простолюдин стараниями императрицы любимчик Олис. Учитывая благотворительную работу матери и сына, вполне заслуженно.

— В-ваше... высочество.

— Капитан. Безусловно, быстрая реакция похвальна. Однако вы назначили жертвами степного шамана и его учеников. Как думаете, это допустимо?

— Ваше высочество, помилуйте!

Сейчас это самое важное?!

Я пыталась говорить дружелюбно, но раз меня не поняли:

— Арестовать, — приказываю я тоном, каким общалась бы с дурочками в жёлтом доме.

Феликс и без помощи стражников контролирует всех троих. Собственно, только Феликсу я и готова доверить присмотр за степняками. Зато у стражей есть специальные верёвки, рассчитанные на рядовых магов.

— Ваше высочество, — капитан мнётся, — шаманы особенно опасны. Не следует ли вызвать подкрепление?

— Делом займётся Тайная канцелярия, капитан. Вам же я поручаю известить канцелярию о моём приказе.

— Как же, ваше высочество!

Я закатываю глаза — очевидно же, как.

Бумага и писчие принадлежности у капитана есть. Я небрежно, размахнувшись на весь лист, пишу: “Я, императорская принцесса Крессида Небесная, сим приказываю Тайной канцелярии прибыть для ареста степного шамана и двух его учеников, а также для исследования

и ликвидации святилища Шартшара”. Ставлю подпись и прихлопываю документ печатью. Магический оттис в канцелярии опознают моментально.

И забегают...

— Вперёд.

— Есть, ваше высочество! — капитан разворачивается к выходу из святилища.

— Хм? — удивляюсь я ему в спину.

Капитан вздрагивает, озирается и, чтобы скрыть ошибку, вручает документ первому попавшемуся подчинённому:

— Быстро! Одна нога здесь — другая там!

Наверное, капитан пытается выглядеть деловым и грозным, но получается плохо. Нет сомнения, он хотел сам удрать под благовидным предлогом. Неужели я настолько пугаю, что рядом со мной даже Тайная не так страшна? Пфф...

Дёрнуть канцелярию единственное верное решение.

Но как мне объясняться с папой?! Главной сплетней утра станет мой несостоявшийся брак с личным рыцарем...

Проклятье, как меня угораздило?!

Глава 11

— Кресси!

Меньше, чем через час в святилище во главе отряда врывается Тери. Брат стискивает меня за плечи, оглядывает с ног до головы. Убедившись, что я в полном порядке, выдыхает с явным облегчением. Мы встречаемся взглядами, и брат становится очень злым.

— Тери, — складываю я губы бантиком и хлопаю ресницами.

Не срабатывает.

— С-сестрёнка, — Тери шипит не хуже змеи, — тебе придётся объяснить.

Феликсу достаётся убийственный взгляд, будто это он втянул меня в авантюру, а не наоборот.

Тери прав. Не важно, искала я вражеского шамана или безобидный амулет, я должна была ограничиться приказом. Феликс мог принести кулон без моего участия, и то, что без меня Феликс едва ли ушёл бы от шамана вообще не аргумент. Брат резонно возразит, что следовало отправить нескольких рыцарей.

Почему я сама полезла? Привычка из прошлой жизни.

— Тери, я всего лишь хотела посмотреть на святилище Безымянной пары, а он, — я киваю на старика, — подло напал на меня со спины!

— Вот как. Кресси, — брат наклоняется к моему уху, чтобы никто, кроме меня не услышал следующих слов, — ты бесстыжая лгунья.

— Спасибо, Тери, это лучшая похвала за последние дни.

— Кр-р-реси!

— Ха!

Брат смотрит многообещающе, нотаций не только не избежать, но и можно быть уверенной, что папа подключится. Но прямо сейчас Тери вспоминает, что у него есть обязанности. Я, улыбнувшись, отхожу в сторону и жестом подзываю Феликса.

Ящерка плетётся ко мне как на убой. Похоже, не ждёт от меня ничего хорошего. И правильно делает!

Я ловлю его за локоть, вынуждаю подойти вплотную и перехожу на заговорщицкий шёпот:

— Ящерка, ты помнишь, зачем мы сюда пришли?

— Ограбить святилище.

— Верно. Самое главное мы и не сделали. Где-то здесь прячется кулон, по описанию кроваво-красный сердечник оправлен в золото. Твоя задача найти, украсть и принести мне. Всё ясно? Тогда шурши.

— Когда вы сказали, что отныне я буду воровать только по вашему указанию, принцесса, я подумал, что вы шутите. Какой я был наивный. Полагаю, амулет следует искать в тайнике шамана?

— Не знаю. Вероятно.

— Ха-а-а...

Приняв ценные указания, Феликс отходит, я же, прикинув за и против, выхожу на улицу. Лучше не маячить у Тери на глазах, иначе он быстро вспомнит, что в святилище мне делать нечего и в приказном порядке отправит домой. А у меня планы на амулет. Я не представляю, как легендарная броня попала к степнякам, изначально она наша, имперская. Логично предположить, что степняки убили или захватили последнего владельца амулета, а теперь решили разыграть козырь с Олисом. Красивый ход — легендарная броня отвлечёт от проблем с регалиями.

Самой искать? Не представляю ни где, ни как.

Далеко я, естественно, не уйду. Более того, стражей Тери выставил в оцепление, и я остаюсь внутри периметра. Если из-под земли не выскочит неучтённый ученик шамана, проблем не возникнет. Я останавливаюсь спиной к святилищу и стараюсь не думать о жертвах, которые могли приносить степняки. С одной стороны, девушки и парни, сбежавшие от родни, лёгкая добыча, с другой стороны, степняки не могли не думать о слухах. Слава дурного места им точно не нужна, и это обнадеживает.

Арест... К святилищу подгоняют три тюремных экипажа, и на каждый отряд конвоиров. Шамана выносят первым, он так и пребывает в полубессознательном состоянии. Возможно, притворяется и ждёт момента.

— В Тан-Дан? — спрашиваю я у Безликого. Надо же, появился...

— Да, принцесса, только туда.

Я прищуриваюсь:

— Именем императора приказываю ответить правдиво и полно, когда вы последний раз были в Тан-Дане, лорд.

Что-то в моём зрении меняется, я не успеваю осознать изменения.

— Больше года назад, ваше высочество. Я присутствовал на допросе. Я не давал приказа перевести Феликса Дебора на нижний уровень.

Безликий говорит правду, я вижу. А вот как вижу... Зрение слишком быстро возвращается в норму, и приходит ощущение слепоты.

Усталость наваливается с новой силой.

Я рассеянно киваю, тем самым показываю, что ответ услышала и лорда больше не задерживаю. Не предатель

— Сколько Безликих прибыло, лорд?

— Только я, принцесса.

— Если появится кто-то ещё, немедленно приведите его ко мне, лорд.

— Да, ваше высочество.

Увозят сперва шамана, затем его учеников. Неожиданно, четвёртый экипаж забирает рыдающую смуглянку неопределённого возраста. Лицо в тусклом свете ламп не рассмотреть. На женщине цветастый халат, традиционная для степняков кожаная жилетка с меховой оторочкой. Звонят вплетённые в причёску бубенчики. Жена

шамана? Я отмечаю, что хотя женщине связали руки, что абсолютно правильно, мало ли, что она с перепугу попробует учудить, обращаются с ней неплохо — не толкают, не оскорбляют, в экипаж не заталкивают, а наоборот бережно поддерживают, даже что-то утешительное говорят. Надо будет потом у Тери её судьбой поинтересоваться. Вдруг получится привлечь на свою сторону?

Выводят ягнёнка. Повезло малышу, спасён. Я провожаю его взглядом.

— Кресси! Ты ещё здесь?!

Прятаться всерьёз я не собиралась, вот и попалась.

— Человеческие жертвы были?

Тери мрачнеет и отвечает обтекаемо:

— Массово — нет.

Я трусливо не выпрашиваю подробностей.

Мы стоим молча. Не знаю, о чём думает Тери, я мысленно отдаю дань памяти тем несчастным, кто попал в ловушку степняков. Страшнее всего, что, если бы не Книга, я бы ни за что не заинтересовалась Безымянной парой, и святилище Шартшара и дальше бы процветало в сердце империи.

— Судьба хранит нас, — вздыхаю я.

Тери фыркает и приказывает подать для меня карету. Я не возражаю — только что Феликс выскользнул из святилища и моргнул. Можно не сомневаться, амулет у него.

В салоне я первым делом протягиваю руку, и Феликс тоже молча опускает добычу в мою ладонь. С минуту я рассматриваю вплавленный в золото красный камень. И правда, смотрится простенько, непримечательно. Я вешаю амулет на шею и перевожу взгляд на Феликса:

— Молодец, ящерка.

— Благодарю за похвалу, моя госпожа, — Феликс откидывается на спинку сиденья.

— Хей, не расслабляйся. Ты мечтаешь беззаботно выспаться под тёплым одеялом в дворцовых покоях? Только мечтать тебе и остаётся. У меня для тебя два чека на предъявителя, с моей печатью. Сумму впишешь сам, снимешь в любом отделении имперского банка. Ящерка, я не стану спрашивать с тебя отчёта о тратах, но не стоит в пустой

строке указывать годовой бюджет империи и вообще не стоит доводить казначея до сердечного приступа.

— Ваше высочество?

— Жил-был чиновник, звёзд с неба не хватал. К карьерным высотам вроде бы не стремился, крепко сидел помощником мэра в одном провинциальном городке. Но дочку чиновник воспитывал как будущую невесту герцога, не меньше. Есть в этом некое противоречие, тебе не кажется? Я хочу, чтобы ты расследовал для меня происхождение одной особы.

— Вы это серьёзно, принцесса.

— Что-то не так?

Скорчив мордашку несправедливо обиженного щеночка, он горестно вздыхает:

— Принцесса, вы сказали, что я буду вашей ручной ящеркой. Питомцев холят, лелеют и носят на руках как драгоценный аксессуар. А вы, моя госпожа?

Я вот не пойму, Феликс по жизни такой беззаботный шутник, лёгкий в общении и не чувствующий давления высоких титулов. В Тан-Дане он мне показался другим, но по встрече в тюрьме судить точно не стоит, крошечная тьма нижнего уровня любого весельчака превратит в унылого трагика. Нет, я не против лёгкости и подколов, тем более, когда доходит до дела, Феликс собран, серьёзен и действует ответственно и с полной самоотдачей. Или всё же он не столько лёгкий, сколько таким образом маскирует страх? Полное подчинение из-за клятвы, сестра у меня в заложниках... На его месте я была бы в тихом ужасе.

— Радость моя, — ухмыляюсь я, — ручные ящерки бывают не только карманно-воротниковыми, но и ездовыми, и на руках носить ты меня будешь, а не наоборот. Точнее, на... шее.

— Нет-нет, ваше высочество, моя шея мне ещё дорога. В каком городе, говорите, можно от вас прятаться?

— Чиновник с супругой погибли, особа осталась несовершеннолетней сиротой и попала под опеку к дальним родственникам. С её слов, родственники за несколько лет прибрали всё её наследство, а её саму пристроили горничной не куда-нибудь, а во дворец. Как провинциалы смогли протолкнуть девицу, которая для них

якобы всего лишь лишний рот, в столь исключительное место? Собственно, всё, что я рассказывала, я рассказывала со слов особы.

— Вы хотите убедиться в правдивости её рассказа, ваше высочество?

— Нет. Мне абсолютно не интересно, обворовали её родственники до нитки или пару рубашек оставили. Меня интересует другое. Она родная дочь того чиновника или удочерённая? Если удочерённая, то при каких обстоятельствах, был ли соответствующий ритуал? Кто её предки? Провинциалка Кэтти Деор оказалась леди Шесс божественных кровей. В истории с особой я подозреваю нечто подобное. И проверь её на связь со степняками.

— Понял.

— Ничего ты не понял, ящерка. Самая главная твоя задача вернуться ко мне живым и целым, без потери хвота и прочих ценных частей тела. Менее важно сохранить интерес к биографии особы в тайне. Лучше чего-то не узнать, чем засветиться, как костёр в ночи. И, наконец, да, разобраться с особой, но это задача третьей очереди.

Феликс некоторое время молчит.

Я перебираю в уме, не забыла ли я о чём-то сказать, предупредить. Все названия и имена, какие вспомнила, я записала на бумагу и отдала вместе с чеками.

Карета, покачиваясь, катится по ночным улицам. Тихо стучат колёса по мостовой. Я наедине с мужчиной, привлекательным не только внешностью, что, честно говоря, само по себе ничтожно. Разве я, красавцев не видела? Феликс привлекает умом, характером, а особенно преданностью семье, и не важно что в семью входит только его сестра. От поездки веет романтикой...

— Спасибо, моя госпожа, — благодарит Феликс.

И прежде, чем я успеваю спросить, за что именно, он открывает дверцу и спрыгивает на ходу.

— Феликс! — испуганно вскрикиваю я одновременно с хлопком дверцы. Оклик он не слышит...

Я приникаю к окну, но успеваю только заметить смазанный силуэт человека, скрывающегося в проулке. Накатывает странное ощущение то ли потерянности, то ли одиночества. Я смотрю в ночь, пока карета не заворачивает. Отвернувшись, я мысленно фыркаю. Питомец, надо же! Ничего, я второго рыцаря завела.

Карета замедляется, я узнаю свет башен дворца и выкидываю из головы всякие глупости. Феликс взрослый мальчик и сможет о себе позаботиться, тем более я недвусмысленно сказала, что его безопасность прежде всего. Карета останавливается, лакей открывает дверцу и помогает мне выйти. Второй лакей держит фонарь.

Я вхожу в замок.

— Ваше высочество, — какой сюрприз, меня встречает Рыжик собственной персоной. Я, естественно, вспомнила, как зовут папиного помощника, но мысленно продолжаю звать его кличкой, которую дала после перерождения.

— Хм?

Я понимаю, зачем он здесь, но жду, когда он скажет.

— Вас вызывает император, принцесса.

У-у-у... Раньше папа всегда приглашал.

Это всё степняки виноваты! Если бы не шаман, папа бы ничего не узнал о моей вылазке.

Папа до сих пор кабинете. Из-за меня. Не в смысле вылазки, а в смысле, что святилище степняков в столице — это не то, что его императорское величество может игнорировать до утра. Он слушает поступающие доклады. Я тоже с удовольствием послушаю. Если папа уши не открутит...

— Её вы...

Я совсем не по-королевски протискиваюсь мимо Рыжика, и он захлопывает рот, не закончив объявления.

— Ваше высочество, — приветствует меня папа.

Скверно...

Я взмахом отсылаю Рыжика, и он понятливо закрывает дверь, оставляя нас наедине.

— Прости, что заставила волноваться. Я не хотела доставлять неприятности. В своё оправдание хочу сказать, что я ни секунды не была в опасности.

Наглая ложь, разумеется, но никто не помешает мне рассказать, как я разобралась с вражеским шаманом одной левой, прихлопнула, как навозного жука или кто там в степях водится. Даже сам шаман не помешает! А для репутации ложь вообще полезна. Доброй принцессы из меня не получится, и на поле благотворительности мне императрицу никогда не превзойти. Значит из капризной малолетки

надо вырастать в принцессу-защитницу. Я почти тянусь, чтобы погладить скрытый под воротом амулет, но останавливаю движение. Пока рассказывать о броне не время.

— Крессида, я одного не понимаю. Зачем тебе понадобилось лезть в змеиное кубло самой?

— Пап, я понятия не имела, на что нарвусь. Книга сказала, что Олис побывает в святилище Безымянной пары вместе с горничной. Посетить святилище первой своего рода озарение, и я до последнего не догадывалась об истинном смысле визита.

— Озарение?

— Угу. Пап, клянусь, если бы у меня хоть подозрения возникла, что поездка небезопасна, я бы носа из дворца не высунула.

— Не убедительно.

Вроде бы больше не злится, только переживает.

— Мне жаль, пап.

— Жаль, что неубедительно? Или жаль, что сомнительная, с какой стороны ни посмотри, инициатива, вскрылась? Молчишь? Значит, я прав.

— Па-а-а-апа-а-а...

— Ваше высочество, нашей императорской волей вы наказаны.

Я надуваю щёки как обиженная маленькая девочка, но не спорю, потому что признаю — виновата. А если бы ученики шамана оказались чуточку способнее? Но в то же время я по-прежнему убеждена, что поступила правильно. Вот такой вот парадокс.

— Слушаюсь и повинуюсь, ваше императорское величество.

— Подумать о своём поведении ты отправишься, раз тебя так привлекают святилища, в Старый храм покровителей. На месяц.

Что?!

Богиня, как удержаться и не расхохотаться? Папа моего веселья не оценит. Не оценит — ладно. Придумает, что похуже — вот что страшно.

Если честно, наказание суровое. Унылые платья из грубой ткани, аскетичный образ жизни, никаких развлечений, сытое, но пресное питание. Папа не учёл, что оно суровое по меркам меня прошлой, до перерождения. Я нынешняя горю энтузиазмом. В хрониках мне попадалась заметка, что Храм покровителей — это комплекс святилищ, начавшийся... со святилища богини судьбы. Святилище

было забыто, а вот особое отношение императорской семьи к комплексу осталось.

Есть повод заняться археологией.

Папа, знал бы ты, что прямо сейчас выписываешь мне билет на куда большую авантюру. Я же не знаю, в какой щели застряну в своих изысканиях. Возможно, богиня отзовётся, как отзывалась хранительницам пежных поколений.

— Пап, хотя бы свите жизнь испортить я могу?

— Пятерых жертв, считая горничную, с тебя достаточно. Отряд рыцарей я лично выделяю, чтобы быть уверенным, что ты добралась до места, а не свернула по дороге при очередном озарении.

Кэтти, горничная, старшая фрейлина, рыцарь — это уже четверо. Последнее вакантное место логично закрыть второй фрейлиной, но не прихватить ли мне главную героиню? С одной стороны хорошо бы держать эту особу под присмотром и ограничить её контакты с Олисом. С другой стороны, она может быть опасна, мало ли какая зубастая крокодила прячется за милым личиком. Вон, если Кэтти пройдёт инициацию и освоит оборот, сможет щёлкать головы врагов как орешки.

Рискнуть или не рискнуть?

К себе я возвращаюсь, так и не приняв окончательного решения, а суэта горничной и Кэтти, вставшей у горничной на подхвате, точно не способствуют размышлениям.

— Ваше высочество, пока вас не было, приходила служанка. Она сказала, что якобы вы незамедлительно хотите видеть Кэтти.

— Вот как? Кто? — делаю я стойку.

— Служанка с гостевого крыла, ваше высочество. Но, говорят, что к её работе столько нареканий, что старшая грозила выгнать её в зашей или перевести на чёрную работу, но вмешался младший принц. Говорят, он её покровитель, — последнее слово моя горничная со значением выделяет голосом.

Намёк более чем прозрачен — во дворце про главную героиню сплетничают, что она спит с принцем. Помнится, в романе героиня от сплетен картинно страдала и свои страдания изливала Кэтти, которой из-за брата просто некуда было деться и приходилось вздыхать и сочувствовать.

В романе героиня переспит с принцем ближе к финалу, так что обвинения вроде бы несправедливы. Но с моей точки зрения упрёки верны по сути — я лично видела, как героиня, пользуясь отношениями с принцем, пренебрегала своими обязанностями, и служанкам без разницы, спит она с Олисом или всего лишь обжимается по углам, они выполняют её работу, а взамен даже спасибо от неё не слышат.

— Приведи её, по возможности, тихо. Я ценю, что ты не отпустила Кэтти.

— Да, ваше высочество!

А ведь я собиралась лечь...

Кэтти, умница, по собственной инициативе приносит мне чай, ещё и извиняется, что только чай, а затем простодушно объясняет, что в комнате гонимой есть только заварка. Я с трудом сдерживаю смех. Подать принцессе чай для слуг — это суметь надо.

Я пробую:

— Вкусно, — во дворце плохого чая нет. — Кэтти, налей себе и присаживайся, составь мне компанию.

— Принцесса...

— Смелее, Кэтти.

Сомнение всё ещё видно на её лице, но Кэтти подчиняется.

Я наблюдаю за её движениями. Кэтти лишена аристократической изысканности, но в целом видно, что чему-то она научена: знает, как держать чашку, как разместить ложку на блюде, умеет размешивать сахар, не устраивая в чашке бурю. Конечно, для придворной леди её уровень недопустимо низок, но по крайней мере девочку не нужно обучать с нуля.

— В чае чувствуются нотки цитруса, да? — завожу я разговор светским тоном.

Кэтти смотрит на меня как кролик на удава.

— В-ваше высочество, я не клала лимон!

Мда, фиаско.

— Кэтти, — улыбаюсь я со всем дружелюбием, на которое способна, — я имела в виду, что сам чай имеет лёгкий привкус, особенность сорта.

— А-а-а...

Светскую беседу Кэтти провалила с треском. Я допускаю, что она не разбирается в чаях, но само её поведение, речь — всё это от горожанки, не от леди.

— Кэтти, я планирую представлять тебя как свою фрейлину. Что ты об этом думаешь?

— Ваше высочество! — Кэтти пугается ещё больше. — Вы, наверное, шутите? Какая же из меня фрейлина?

— Полезная, — хмыкаю я.

Кэтти открывает рот с явным намерением возразить, но аргументов против полезности не находит.

— Я совсем не гожусь, — тон просящий, Кэтти даже не пытается отказать, прощупать границы дозволенного.

— Завтра я отправляюсь в загородную поездку, возьму лишь нескольких сопровождающих. Тебя — обязательно, потому что без меня тебя во дворце попытаются достать. У тебя будет около месяца, чтобы освоиться в новом положении, леди Шесс.

За разговором я почти выпила свой чай, чашка Кэтти полная.

— Вы нас... больше не отпустите?

Что-что, а делать правильные выводы она умеет.

— Кэтти, твой брат заключил со мной сделку, в обмен на твою безопасность он поступил ко мне на службу, стал моим личным рыцарем. Я обещала позаботиться о твоём благополучии. Я не стану препятствовать, если ты захочешь вернуться в провинцию, но я искренне не монимаю, зачем.

— Я бы хотела посоветоваться с братом.

— Не в ближайшее время. Я отослала Феликса с поручением.

— Вот как..., — Кэтти сникает.

В дверь раздаётся лёгкий стук, в будуар возвращается моя горничная. Одна. Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Прошу прощения, ваше высочество. Привести служанку тихо не получится. Прямо сейчас она проводит время в покоях младшего принца, — горничная замечает, какой чай я пью. — Ваше высочество!

Я усмехаюсь, нарочито медленно допиваю и поднимаюсь:

— Доброй ночи, девочки.

Помощь в спальне мне не нужна.

Потому что я не утерплю. Я хочу познакомиться с легендарным амулетом как можно скорее.

В хрониках упоминалось, что амулет капризный и далеко не каждого готов признать хозяином, может заупрямиться и остаться на шее бесполезным камнем. У меня хорошие шансы. Амулет, если мои догадки верны, очень долго оставался в степях, и есть надежда, что он признает любого имперца, тем более кровь правящей династии.

Я осторожно снимаю кулон с шеи, опускаю на ладонь и провожу пальцем по острым алым граням. Ничего не происходит, некоторое время я глажу камень. Я не уверена, что стоит давить и пытаться установить связь с камнем грубой силой. Оставляю на крайний случай... Камень будто мысли подслушивает. Палец обжигает болью. Разрез получается неожиданно глубокий, кровь буквально затопляет камень, пачкает золото. Несмотря на саднящую боль, я расплываюсь в улыбке — амулет, как я и ожидала, меня признал.

Снова надев на шею, я касаюсь камня здоровым пальцем и поворачиваюсь к зеркалу. По идее, в случае опасности камень среагирует сам и опередит летящий в спину кинжал.

Лёгкий толчок в грудь, в отражении я вижу, как от амулета расходятся четыре широкие полосы то ли бронзы, то ли золота. Внешне ленты из металла, но по ощущениям больше похоже на плотную ткань. В считанные мгновения ленты обнимают моё тело и превращаются в кирасу, по броне расцветает вычурный декор. Одна полоса даёт защиту шее, и на ней проступает камень амулета, но увеличенный в размере раза в три. Ещё две полосы обнимают руки выше локтей. И на этом всё. Выглядит, безусловно, эффектно, но я не представляю, как открытое декольте защитит от стрелы.

Амулет отзывается, и броня преображается в полный рыцарский доспех старых времён, даже сапоги появляются. Лицо скрывает шлем. Из зеркала на меня смотрит легендарный Золотой рыцарь. Гравюры сохранили его портреты, неизменно с закрытым забралом. Оказывается, легенда многолика.

Я киваю своему отражению — вот в таком виде можно отправляться на войну или вершить судьбу империи.

Доспех уходит не сразу, а видоизменяясь, амулет словно демонстрирует возможные варианты, пока не возвращается к парадной кирасе с декольте. Хм, а ведь это дамский вариант. Специально для меня или были иные леди-рыцари? Я убираю броню и замечаю, что палец так и продолжает кровоточить. Амулет хочет ещё крови? Камень

впитывает как губка. По ощущениям я отдаю стакан, не меньше — до лёгкого головокружения.

Когда кровь, наконец, перестаёт течь, я кое-как избавляюсь от охотничьего костюма, раскидываю вещи по полу и на остатках сил забираюсь под одеяло, не утруждая себя натягиванием сорочки. Я проваливаюсь в сон с чувством удовлетворения от хорошо проделанной работы. Как ни странно я высыпаюсь, хотя просыпаюсь рано утром.

Сладко потянувшись, я спускаю ноги с кровати. Словно почувствовав моё пробуждение, в спальню заглядывает горничная:

— Ваше высочество, доброе утро! Прикажете привести ту служанку?

— Угу.

С одеждой помогает Кэтти — в гардеробной безошибочно выбирает строгое утренне платье молочно-кофейных оттенков, идеальное для предстоящей беседы. В нём я выгляжу не беззаботной папиной любимицей, не воздушной капризулей, а хозяйкой, госпожой.

Разговаривать с главной героиней я буду, естественно, не в будуаре — не заслуживает такой чести. Вот примыкающий к будуару кабинет подойдёт — представительно и вне слышимости любопытных фрейлин.

— Кэтти, у тебя отлично получается заваривать чай, — хвалю я с намёком.

— Смеётесь, ваше высочество. Кэйта мне объяснила! Мне жаль...

— Кэтти, — пребываю я. — А подумать? Если бы чай мне не понравился, стала бы я вчера его пить? Не хочу даваться той служанкой всухомятку.

Задумавшись, Кэтти признаёт мою правоту — её лицо озаряется улыбкой.

— Вы так говорите, ваше высочество, как будто собираетесь её съесть.

— Зачем же сразу есть? Достаточно отгрызть голову.

Я рассчитывала разобраться с главной героиней после того, как вернётся Феликс, не вслепую, но раз уж она решила, что может лезть к моей подопечной, то я не могу продолжать игнорировать её существование.

Положив перед собой лист бумаги, я принимаюсь рисовать. Были бы в кабинете книги — открыла бы первую попавшуюся и притворилась, что читаю, но книг нет, а те, которые я заказывала, фрейлины давно унесли. Придётся выкручиваться бумагомарательством — я не могу позволить служанке увидеть, что я её жду.

Когда моя горничная приводит главную героиню, я вожу карандашом по листу. Горничная тихо выходит, а главная героиня остаётся стоять передо мной. А я неожиданно увлекаюсь рисованием и в какой-то момент понимаю, что с листа на меня смотрит Феликс. Тьфу! Чуть разозлившись на выверт подсознания, я пририсовываю Феликсу высунутый змеиный язык и только после этого перевожу взгляд на главную героиню.

В нарушение правил одета не по форме...

— У тебя сегодня выходной? — уточняю я с напускной скукой.

— Добре утро, ваше высочество, — она медленно выпрямляется.

— Нет, сегодня не выходной.

— Ты догадываешься, почему ты здесь?

Глазки бегают...

— Ваше высочество, смилуйтесь! Я всего лишь выполняла приказ.

Глу-па-я. Зачем на ровном месте признавать вину? Я ещё обвинить даже не успела.

— То есть... вчера, сообщая, что я хочу видеть леди Деор, ты осознавала, что лжёшь, пятная моё имя? Чей же приказ ты посчитала досточным, чтобы пойти на преступление государственного значения?

— П-преступление? Но я...

У героини подкашиваются ноги. Осознав, что за содеянное ей, вообще-то, грозит смертная казнь, она опускается на пол, таращится на меня. Я молча наблюдаю. Мне совершенно не нравится её мучить, но мне очень нужны ответы на мои вопросы.

— Чей приказ ты выполняла?

— Гвардейца, ваше высочество. Он был в форме гвардейца!

У-у-у...

— И как его зовут? — подталкиваю я.

Я ведь пытаюсь решить проблему тихо, не привлекая дознавателей!

— Н-не знаю, ваше высочество!

— Что за чушь? Ты побежала лгать по указке незнакомца?

До девочки доходит, что она поторопилась.

— Ваше высочество! Ко мне подошёл человек в форме гвардейца и сказал, что вы желаете видеть Кэтти Деор. Поскольку он обратился ко мне, я передала то, что он мне приказал. Я не понимала, что это ложь! Я узнала позднее, когда от других горничных узнала, что вы не выпускаете леди из своих покоев.

Тюремной надзирательницей меня ещё не обзывали.

Объяснение более-менее складное, но не без недостатков:

— Во-первых, передавая приказ, ты ссылалась на моё имя и никих гвардейцев не упоминала. Во-вторых, во дворце слишком много глаз, восстановить твой день по минутам не составит труда. Ты уверена, что найдётся хоть кто-то, кто подтвердит твой интерес к леди Деор?

Героиня молчит, только тихонько всхлипывает. Из всей нашей беседы я поняла лишь одно — она что-то скрывает. Но как подступиться к её тайне, ума не приложу. Очень не хватает Феликса, он бы помог правильно допросить...

Нас прерывают самым беспардонным образом:

— Нельзя, ваше высочество! Принцесса Крессида занята! — моя горничная пытается остановить, но дверь распахивается.

— Принц Олис, — хмыкаю я.

Он же смотрит только на сидящую на полу главную героиню.

Глава 12

За спиной Олиса моя горничная показывает, что не представляет, откуда он взялся. Кейте я доверяю, поэтому вариант, что она же Олиса и предупредила, буду рассматривать в последнюю очередь. Вероятно, Олис давно обзавёлся своими “ушами и глазами”, что логично и ему идёт в плюс, а не минус.

— Принцесса Крессида, вы не уделите мне немного вашего драгоценного времени? Прошу, — гнев лишь слегка припорошен вежливой учтивостью.

— Деточка, ожидай за дверью, — я не буду отказывать Олису в беседе тет-а-тет, раз уж он просит, тем более когда он явно взбешён.

Примчался на помощь...

Олис подходит к главной героине, подаёт руку и помогает подняться. Он обращается с ней не просто как с аристократкой, а как с настоящей царевной. Олис не только провожает героиню в будуар, но и предлагает ей сесть, что несколько... на грани.

Впору заподозрить приворот.

— Кажется, мне придётся заменить кресло, — фыркаю я, когда он возвращается и закрывает за собой дверь. Героиня моё “фи” не слышит, оно достаётся Олису и, между прочим, я права, ему не следовало хозяйничать.

Олис отказывается от предложения сесть, остаётся стоять. То ли хочет возвышаться надо мной, то ли подчёркивает своё более низкое положение в иерархии, свою обособленность, ведь и Тери, и Лёк плюхнулись бы, не дожидаясь приглашения.

— Принцесса Крессида, я не могу понять, почему вы, самая влиятельная леди империи, продолжаете преследовать обездоленную сироту. Я повторяю, я не против, если вы будете изливать свой гнев на меня, но пощадите её.

Мне восхититься самоотверженностью или устыдиться мелочности?

— Принц, вы заблуждаетесь, — сладко улыбаюсь я. — Не далее как вчера ваша подопечная сиротка приказывала моей фрейлине, прикрываясь моим же именем. Сейчас я разбираюсь именно в этой ситуации.

— Не может быть! Как бы она посмела?

Олис смотрит на меня, как на дуру. Точнее, пытается не смотреть, но получается у него плохо.

— Вот и мне интересно как, — я придерживаюсь того же сладкого тона, вроде бы на Олиса действует успокаивающе. Или то, что я вообще что-то обсуждаю, сходу не потребовала отрубить сиротке голову.

Зрение перестраивается снова без моего сознательного участия, и я начинаю видеть, что Олис удивлён моими претензиями искренне, что пут приворота или любой иной привязки тоже нет. Кажется, у меня появляя отличный шанс, выяснить, причастен ли Олис к заговору.

— Должно быть, это ошибка, принцесса Крессида, — выдыхает он.

— О? Если так, то почему бы вам не спросить сиротку, принц Олис? Вам её слов будет достаточно?

— Да.

Он открывает дверь и жестом приглашает главную героиню вернуться. Но прежде, чем он заговаривает, я перехватываю инициативу:

— Деточка, принц Олис здесь, чтобы не допустить несправедливости, поэтому рассказывай смело. И, пожалуйста, не лги хотя бы в том, что легко опровергнут многочисленные свидетели. Сперва повтори для его высочества, что с тобой приключилось вчера.

Она льнёт к Олису, словно может спрятаться за ним от меня. Я вижу, как Олис расслабляется, приобнимает её за плечи, поддерживает и подбадривает.

Всхлипнув, деточка послушно отвечает:

— Вчера мужчина в форме гвардейца сказал мне, что принцесса Крессида срочно требует к себе леди Деор. Я действительно передала приказ. Но я забыла упомянуть, что получила его от гвардейца, а не от её высочества лично. А потом я узнала от других горничных, что принцесса Крессида запретила леди Деор покидать покои, приказ был ложным.

— Эмми? — Олис отстраняется, смотрит на героиню с недоумением.

Ну да, она ответила совсем не то, что он ожидал.

— Безымянный гвардеец, очевидно не имеющий ко мне никакого отношения, приказ, не подкреплённый печатью... Принц, ваша подопечная сиротка страдает слабоумием или просто бездарная лгунья?

— Ваше высочество! — героиня тянет руки к Олису, но в этот раз он не бросается её спасать.

Нахмурившись, Олис строго, но при этом доброжелательно принимается объяснять:

— Эмми, ты должна сказать правду прямо сейчас. Я понимаю, что, возможно, ты боишься говорить открыто при принцессе Крессиде, но сейчас нельзя молчать, иначе я не смогу тебе помочь. Оцени великодушие её высочества. Принцесса беседует с тобой, а не вызвала дознавателей.

Надо же, быстро понял, что в нынешней ситуации я милашка из милашек.

Главная героиня всхлипывает громче и окончательно ударяется в рыдания. Однако Олис даже не думает утешать сиротку, он поворачивается ко мне:

— Принцесса Крессида, если не ошибаюсь, леди Деор является родственницей Феликса Деора, осуждённого за контрабанду энергетических камней, но вы забрали его из Тан-Дана.

— Какая приятная осведомлённость.

— Это знают все, кто хоть немного следят за придворной жизнью, принцесса. Не стоит переоценивать. Я полагаю, вы держите леди при себе, чтобы защитить? Император бы не позволил преступнику находиться подле вас, а значит, обвинение было ложным.

Эмми, во что ты влезла? Эмми, речь идёт о поставке энергетических камней степнякам. Ты осознаёшь, насколько это серьёзно?

Но вместо внятного ответа вой:

— Я ничего-о-о не зна-аю-у-у...

— Палача ты так не переубедишь, — хмыкаю я. — Принц Олис, поскольку вы печётесь о судьбе данной особы, я абсолютно серьёзно спрашиваю вашего совета. Как мне следует поступить с горничной, вольно или невольно ставшей пособницей преступления? Я не знаю, готовы ли вы мне поверить, поэтому я клянусь вам кровью нашего рода, что не пытаюсь нарочно очернить девочку в ваших глазах, я действительно убеждена, что ваша Эмми изначально понимала, что никакого приказа нет.

Рыдания становятся громче, залиivistей.

— Я верю, принцесса Крессида.

Олис становится мрачнее тучи.

Я всё ещё вижу по-особому, я вижу, что он говорит правду.

Слёзы девицы мне давно надоели:

— Хей, хватит рыдать, в конце концов мой кабинет не болото. Лучше скажи, сколько ещё поручений того гвардейца ты выполняла, не вспоминая про подтверждение печатью?

Героиня вздрагивает.

Мы с Олисом переглядываемся — мы оба поняли, что я попала в яблочко.

— Эмми?!

Принц смотрит на неё с ужасом, будто нежная красавица не его глазах превратилась в облезлую крысу и скалится. Наверное, он чувствует себя преданным...

— Олис.

Странно... Он всегда был для меня чужим, а сейчас, когда я точно знаю, что нас не связывает даже общая кровь, у меня не получается быть безразличной.

Олис не реагирует, он всё ещё смотрит на девушку, на лице проступает изумление. Олис буквально выталкивает героиню обратно в будуар, захлопывает дверь.

— Принцесса, — его голос дрожит, — вы упомянули, что таких приказов могло быть несколько. Но раньше у контрабандистов интересов во дворце не было. Это означает... заговор?!

Удивление искреннее.

— Принц Олис, я должна вас спросить. Вы участник разворачивающегося сейчас заговора против императора?

Олис бледнеет, но отвечает твёрдо:

— Нет, ваше высочество принцесса Крессида. Я знал, что не все довольны текущим раскладом сил, но я не подозревал, что заговор реально существует.

Не врёт.

Можно ли вот так сходу обмануть мою способность? Легенды о дочерях нашего рода не тайна, мой интерес к хранительницам тоже не секрет. На месте герцога, я бы подготовилась заранее. Но в то же время мне не попадалось ни одного упоминания об ошибках хранительниц, ни в семейных хрониках, ни в широко распространённых сказках. Скорее Олис говорит правду, чем лжёт, но нельзя забывать про осторожность.

— Я рада.

— Герцог Майрай вступил в союз с Великим ханом?

Быстро соображает.

— Расследование ещё идёт, но предварительная версия именно такая.

Олис пододвигает стул и садится.

Я не тороплю его, даю время осознать свалившиеся на него новости. Думаю, Олис без моей подсказки придёт к очевидному — до

сих пор императрица жила не слишком хорошей жизнью, но и не сказать, что плохой. Она может свободно уезжать за город и отдыхать от столичной суеты, она окружила себя фрейлинами по своему выбору и проводит в их обществе вечера, на которых она настоящая хозяйка, она свободно занимается благотворительностью. Заговор ставит её благополучие под удар.

— Герцог Майрай, когда посещал её величество, часто повторял мне, что я на троне буду выглядеть уместнее его высочества кронпринца Теория. Я полагал, что это лишь возрастное ворчание. И что характер у него тяжёлый, потому что мама после его визитов всегда пребывала в дурном расположении духа.

— То, что я сейчас расскажу, легко подтвердит её величество. Ещё до брака с императором она стала... пусть будет участником некоего действия, которое в глазах заговорщиков должно быть похоронено в истории. Пока что императрица значимая фигура, однако вдовствующая императрица уже не так значима, ею можно пожертвовать.

— Если я могу чем-то помочь в раскрытии заговора... Не поймите меня неправильно, принцесса Крессида, я не ищу возможности получить больше информации. Я давно смирился с положением лишнего принца и всё, чего я хочу — защитить свою мать.

Целая империя и одно из герцогств в её составе несопоставимы, но всё же:

— Не лишнего. Олис, у тебя есть все основания принять наследство деда.

— Бросьте, принцесса. Я не настолько наивный, чтобы поверить, будто император доверит Южные ворота империи внуку изменщика.

— Ты ошибаешься. Я клянусь тебе кровью императорского рода, что ты сможешь получить в правление земли, если ожидаемая цепочка некоторых событий воплотится. Раскрыть, каких именно, я не готова.

— Принцесса, вас подменили? Я теряюсь.

А вот и пришло время налаживать мосты.

Яжимаю плечами, откидываюсь на спинку кресла, принимаю более расслабленную позу. Я чувствую, что зрение возвращается к обычному, больше различать правду и ложь я не смогу, но того, что я

увидела уже много. Я увидела, что Олис воспринимает мои слова всерьёз, хотя и не до конца верит. Хах, я бы тоже не верила.

— В каком-то смысле, — хмыкаю я. — Близость смерти отрезвляет. Заговорщики оказались настолько близки к успеху, что я многое переосмыслила. И... могу сказать, что мне жаль. Я не буду просить прощения за своё отношение к императрице, к тебе, ведь это бессмысленно.

Олис лишь горько усмехается:

— Бессмысленно? Нет, принцесса, вы ни капли не изменились.

— Звучит глуповато, но каждый человек делает то, что он может сделать, не делает того, что он не может. Я была маленькой девочкой, потерявшей маму. Я ничего не смыслила в политике и не особо разбиралась в людях. Умение держать себя при любых обстоятельствах я приняла за желание посторонней женщины занять место моей мамы. Я принимала её за воровку, а папа не только не указывал мне на ошибку, но и позволял делать всё, что угодно. Его молчание я воспринимала как подтверждение моей правоты. Попросить прощения означает отказать себе в праве на боль от потери. Нет. Я потеряла маму, и я имею полное право испытывать горе.

— Позднее, принцесса Крессида.

— Позднее? Привычка и безразличие. Императрица меня раздражала, я доставляла ей неприятности, потому что меня это радовало, и я не утруждала себя размышлениями о справедливости своих нападок. Олис, чтобы между нами не было непонимания — мне и сейчас чувства её величества безразличны. Если ты вдруг подумал, что я внезапно вспомнила про братско-сестринскую гармонию, то, уверяю, это совершенно не так. Всё, что меня занимает, это благополучие дорогих мне людей и моё собственное. Ни императрица, ни ты в число дорогих не входите.

— Тогда к чему весь этот разговор?

— Во-первых, я осознала, что была несправедлива, и мне действительно жаль, что наши отношения сложились так, как сложились. И... наверное, мне жаль, что уже ничего не изменить. Во-вторых, рано или поздно тебе придётся выбрать сторону. Ты полезнее в роли союзника, нежели врага. Более того, у меня на тебя грандиозные планы. Почему бы мне не использовать тебя на благо империи и не в ущерб тебе? Ты хочешь самостоятельности, некоторой свободы. Я тебе

это дам. Взамен же я не прошу ничего особенного, только верность и преданность нашему роду. Что скажешь?

— Спрошу, в курсе ли император?

Олис попадает в яблочко.

— В общих чертах, — уклончиво отвечаю я. — Видишь ли... большую часть плана я строю на интуитивных озарениях. Кроме того, мой план включает некоторые риски для меня. Как ты понимаешь, папа не одобрит. Слышал новости? Папа на месяц отправляет меня думать над своим поведением в Старый храм. Настолько ему не понравилось, что я нашла святилище степняков в столице. Точнее, ему особенно не понравилось моё столкновение с со стариком-шаманом.

— Ваше предложение, принцесса, звучит соблазнительно, но почему-то тоже очень похоже на заговор.

Я усмехаюсь:

— Вы правы, принц Олис. Я не возражаю, если вы передадите наш разговор императору. Моё предложение в силе, пока вы не приняли сторону степняков. Более того, поскольку для вас самый важный человек императрица, я обещаю приложить усилия, чтобы защитить её.

— Партнёрство означает взаимные обязательства, принцесса. Чего вы ждёте от меня? Только, пожалуйста, не нужно снова про верность и преданность роду.

Кажется... Олис согласен?

— Принц Олис, но это действительно так. Верность и преданность нашему роду — единственное условие. Но раз вам хочется конкретики... Для начала поговорите с императрицей, убедитесь, что она владеет тайной, которую заговорщики захотят похоронить. Приблизительно через месяц я вернусь из монастыря, и, если ожидаемая цепь некоторых событий запустится, то тогда, через месяц, мне предстоит ещё одна поездка. Официальная. Вот, я рассчитываю, что вы сможете сопровождать меня. С позволения императора, разумеется. Никакой тайной деятельности.

— Вас можно поздравить с пробуждением дара хранительниц Книги судьбы?

Какой сообразительный...

— До легендарных хранительниц мне ещё далеко.

— Тем не менее поздравляю.

— Спасибо, — я выдерживаю небольшую паузу и возвращаюсь к тому, с чего мы начинали. — Олис, что насчёт вашей подопечной?

Он лишь слегка морщится:

— Гвардейца необходимо найти. Насколько я помню, расследование поставок энергетических камней степнякам было на контроле у кронпринца. Я обращусь к Теорию. А Эмми... Прежде, чем обвинять, я хотел бы разобраться в причинах. С вашего позволения, принцесса, для всех Эмми тяжело заболит после вашего сурового наказания.

С чувством юмора у Олиса всё в порядке.

— Злодейством больше, злодейством меньше — ни в чём себе не отказывай.

Пожалуй, впервые мы обмениваемся вполне искренними улыбками.

— Хорошей поездки в храм, Крессида.

Олис уходит, а ко мне заглядывает Кейта. Горничная сообщает, что завтрак уже готов. Прикажу ли я подать его в спальню или в столовую, чтобы позавтракать в компании фрейлин? Я бы предпочла одиночество, но почему бы и не с фрейлинами? Последнее время я ими пренебрегала, что плохо.

— Не забудь приборы для фрейлины Деор, — распоряжаюсь я.

Поклонившись, горничная уходит, а я ловлю последние мгновения спокойствия. Я кладу перед собой лист бумаги, с которого на меня, ухмыляясь, смотрит Феликс. Змеиный раздвоенный язык, который я пририсовала, только добавляет образу шарма. То ли сжечь лист, то ли спрятать в самый надёжный сейф...

Не решившись уничтожить портрет, я сворачиваю его трубочкой, убираю в миниатюрный тубус и выхожу в будуар. Кейта ужепустила фрейлин. Девушки выстроились у дальней стены. При моём появлении они слаженно склоняются в реверансах, и только Кэтти запаздывает, да ещё и поклон исполняет не совсем верно. Явно, что чувствует она себя в этом цветнике репьем, забравшимся в розарий.

— Доброе утро, — здороваюсь я.

Фрейлины выпрямляются.

— Доброе утро ваше высочество!

— Ох, сегодня вы выглядите потрясающе лаконично. Ни за что бы не подумала, что кофейные тона подчеркнут красоту вашего

высочества.

— Принцесса, на церемонии вручения Лазурной ленты вы были великолепны! Все разговоры только о вашем блестящем выступлении.

— Ах, тот смертельный поединок...

— Мне не терпится хоть одним глазком увидеть рыцаря, удостоившегося быть избранным её высочеством. У принцессы талант выбирать.

Щебет-щебет-щебет. Я доброжелательно слушаю и в этот раз даже вникаю, чтобы вовремя вклиниться:

— Неужели? Тогда я помогу осуществить ваше желание, леди. Почему бы вам прямо сейчас от моего имени не поинтересоваться, как здоровье моего нового рыцаря? По-мнению целителей, сможет ли он меня сегодня сопровождать?

— Будет исполнено, ваше высочество!

Едва ли фрейлина на самом деле испытывает энтузиазм, но изображает вполне достоверно. А может быть, парень ей действительно понравился, тем более, несмотря на отсутствие галереи благородных предков, у парня появился шанс сделать головокружительную карьеру.

— Поторопитесь, леди. Я надеюсь, вы успеете присоединиться к нам за завтраком.

Фрейлины расступаются, пропуская меня вперёд.

В моём распоряжении больше десятка помещений, в том числе и Боковой столовый зал.

— Ах да, леди, вы уже познакомились с Кэтти Деор? Кэтти присоединится к вам. Леди Бьянка, я очень, — “очень” я выделяю голосом, — надеюсь, что вы поможете леди Кэтти освоиться и обрести столичный лоск, которого пока Кэтти самую капельку не хватает.

Удивление не могут скрыть не только некоторые девушки, но и сама Кэтти, которая отлично осознаёт, насколько она неаристократична. Она стискивает пальцы. Восприняла мои слова как насмешку? Напрасно. Я её таким образом защитила. Мой тон был абсолютно серьёзный, и теперь фрейлины не посмеют кусать Кэтти за отсутствие манер, ведь это будет означать, что они обвиняют меня в неправильной оценке, наоборот, они будут помогать ей изо всех сил,

причём мне только потому что я этого хочу, но и чтобы заранее подружиться с леди, в судьбе которой я принимаю такое участие.

— Познакомились, принцесса. Кэтти немного застенчива, но кто из нас не был застенчив, впервые оказавшись во дворце? Конечно же, мы поможем!

— Да-да, мы очень рады знакомству со столь милой девочкой, ещё по-детски немного непосредственной, но очень сообразительной.

— В леди Кэтти определённо чувствуется скрытый талант!

Кэтти же, похоже, плохо понимает, почему ещё пару минут назад высокомерно-презрительные леди внезапно стали приторно-дружелюбными, того гляди затискают как плюшевого котёнка. Я краем глаза наблюдаю. Кэтти хлопает ресницами, но какое-то осознание во взгляде появляется. По крайней мере я не вижу щенячьего восторга от обретения новых подруг.

Надо будет намекнуть Кэтти, что Бьянка в моём серпентарии самая незмеючая, девочки вполне могут сойтись по-настоящему.

За завтраком в основном щебечут фрейлины, я лишь поддерживаю беседу несколькими фразами, да и не во всех разговорах мне нужно участвовать:

— Кэтти, взгляни, как изящно её высочество держит вилку. Не бойтесь расслабить кисть, в пальцах нужна лёгкость.

— Кэтти, вы действительно талантливы! Вы учитесь с захватывающей быстротой!

— Кэтти, почему бы вам не улыбнуться? Улыбка — первое украшение леди.

Бедная Кэтти...

Возвращается фрейлина, которую я отправляла узнать, что говорят целители про моего рыцаря.

— Ваше высочество, лекари категорически не рекомендуют рыцарю вставать. Они настаивают, что для поездок ему необходим экипаж, в котором он сможет находиться лёжа или полусидя.

О, это же прекрасная новость! Понятно, ничего хорошего в том, что он прикован к постели, но хорошо, что я всё-таки могу взять его с собой и поручить заботам императорского целителя, один из которых неизбежно будет меня сопровождать.

— Ах, неужели это правда? Те слухи, что ваше высочество отправляется... в Старый храм?

Прежняя я не была бы стольк благодушна.

— Поскольку император наказывает меня за шалость, обернувшуюся весьма громким происшествием, я смогу взять с собой лишь некоторых из вас.

Да начнётся грызня? Фрейлины должны быть едины в своей преданности принцессе, но лучше не давать им спеваться в шипящий хор, ибо чревато.

Фрейлины делают стойку.

С одной стороны, присоединившись ко мне в поездке, они получают шанс сблизиться со мной, показать свою полезность, короче, выслужиться. С другой стороны, распорядок в храме суров, я капризна, а во дворце оставшихся фрейлин ждёт целый месяц свободы, а приглашения в светские салоны означают возможность подыскать жениха.

— Ваше высочество, вас я готова сопровождать хоть на край света!

— Как и я, принцесса!

— И я!

Всего лишь прелюдия. Что ты за фрейлина, если не хочешь быть со своей принцессой? Начинается основной акт.

— Раз её высочество может взять с собой лишь некоторых, а хотят все, разве не проще бросить жребий? — спрашивает Кэтти.

Вот же... миротворица! Я рада, что Кэтти осмелела достаточно, чтобы высказаться, но как невовремя! Бьянка, “прочитавшая” ситуацию, смотрит на Кэтти с лёгкой жалостью, а я с жалостью смотрю на Бьянку, которой предстоит с этим простодушием настоящая схватка. До Бьянки доходит, она бросает испуганный взгляд на меня. Я, подтверждая её догадку, прикрываю веки и улыбаюсь.

— Какая чудесная идея!

— Да-да, чудесно. Давайте разыграем! — подхватывают другие фрейлины.

— Император ограничил мою свиту пятью сопровождающими. Леди Бьянка, как старшая фрейлина, приглашена, минуя жребий. Также мы не можем разлучить леди Бьянку с её новой ученицей. Леди Кэтти также едет. Остаётся..., — я взмахиваю пальцами, показывая, что мне уже не интересно, что там остаётся.

Главную героиню я за собой не потащу — не буд отбирать у Олиса игрушку.

Рыцаря возьму шестым вне списка. Не думаю, что папа станет возражать против защитника. Временно обезноженного, но какой уж есть.

Что касается Кейты, то... Если фрейлины не сообразят, включить её в список, то она месяц отдохнёт, а они месяц поработают.

Покончив с завтраком, я отправляюсь к папе сказать до свидания. Кроме него надо осчастливить коротким визитом Тери и Лёка, хотя не исключено, что Лёк как раз придёт меня проводить, это у Тери моими стараниями работы невпроворот.

Сборы не затягиваются, ровно в десять мой кортеж выползает с территории дворца через восточные ворота. Никакого роскошного выезда наказанным принцессам не полагается, кареты самые скромные, если так можно сказать о дворцовых каретах, украшенных гербовыми изображениями. Но посторонний, глядя на кортеж, сможет понять лишь то, что едет кто-то весьма значительный, а варианты самые разные — от самого императора до получившего особую милость провинциального аристократа, возвращающегося в провинцию.

Но столица живёт слухами.

Проспект буквально запружен горожанами, смельчаки забрались на редкие фонарные столбы и крыши ближайших зданий. Кортеж резко теряет скорость. Выглянув из окна, я вижу, что даже боковые улицы захвачены.

Нет, то, что происходит из ряда вон даже по столичным меркам. Подобные толпы собирают парадные императорские выезды. И близко ничего подобного не было, когда я выезжала в карете с императорской символикой, а тут...

— Да здравствует принцесса Крессида!

— Да здравствует принцесса-защитница!

Ха?

Феликс, твоя работа?! За щедрую плату зазывалы и не такую толпу соберут... Феликс, хвост накручу! И... расцелую.

Решение приходит молниеносно.

Я распахиваю дверцу кареты, благо её даже улитка обгонит, спрыгиваю на мостовую. Ко мне подъезжает ближайший гвардеец:

— Принцесса, что-то случилось? — напряжённо спрашивает он.
— Пожалуйста, ради вашей безопасности вернитесь в карету.

— Лорд смеет разговаривать со мной не спешившись? Я всего лишь интересуюсь, почему произошла задержка. Чтобы вернуться в карету, мне нужна помощь. Эта подножка слишком высокая.

К счастью, горожане пока не поняли, что я появилась, да и гвардеец прикрывает меня от зрителей крупом коня.

Не заподозрив подвоха, гвардеец спрыгивает на мостовую.

На самом деле он сто раз прав — стихийно собравшаяся толпа может скрывать угрозу, в толпе легко растворить отряд убийц, а среди зевак, рассыпавшихся по крышам, мог затесаться лучник. Это я думаю, что приветствие организовал Феликс. А как оно в действительности? Вдруг герцог Майрай расстарался?

В прошлом я бы оставалась в карете, а то и вовсе попыталась бы тайно выбраться из кортежа.

Но сегодня у меня есть легендарная броня. Демонстрировать уникальный козырь рано, но на него можно полагаться. Гвардеец с поклоном подаёт мне руку. Я подбираю юбку. Под ней у меня самые обычные штаны, пошитые из той же ткани — вариант дорожного костюма, рассчитанного на верховую прогулку. Я ставлю ногу в стремя, и, пока гвардеец осознаёт грандиозный обман, не только взлетаю в седло, но и заставляю коня сделать несколько шагов вперёд.

Я приветственно машу.

Заминка с каретой и так привлекла внимание.

— Принцесса!

— Это принцесса! Смотрите! Принцесса-защитница!

Оттеснить меня и спрятать гвардейцы уже не смогут, а любые попытки закрыть меня, взяв в “коробочку”, только раззадорят толпу. Им не остаётся ничего, кроме как разделиться на две группы — авангард и арьергард.

Я же машу, ловлю цветы, которые мне бросают. И понимаю, что людскому морю конца и края нет, я, как обычно, влипла, и рука у меня отвалится раньше, чем мы выберемся из города... Но люди ждут, и я не могу подвести их ожидания, я машу и улыбаюсь, улыбаюсь и машу.

Интересно, что хуже, сидеть на троне в полном парадном облачении или вот это вот? И не продлит ли папа моё наказание? Впрочем, пусть продляет, сколько угодно. Я возвращаюсь даже чуть

меньше, чем через месяц, чтобы успеть в самую гущу бури. Как раз после месячного затишья разразится...

Я машу и улыбаюсь, улыбаюсь и машу. Может быть, у меня не рука отвалится, а щёки треснут? Ох, в народной нелюбви есть своя прелесть

— Да здравствует принцесса-защитница!

— Принцесса-защитница, это вам!

Из толпы ко мне бросается ребёнок, мальчик лет семи. В руке у него зажата лилия, перевязанная синей лентой.

Гвардейцы пытаются вмешаться, но я опережаю, разворачиваю своего коня боком. В глазах толпы я защищаю ребёнка от злых гвардейцев.

Наклонившись, я подхватываю мальчика, затягиваю наверх и сажаю впереди себя.

— Это мне? Какой замечательный подарок! Спасибо, мне очень нравится. А это тебе от меня, — я радуюсь, что догадалась прихватить кошелек и вручаю ребёнку золотую монету.

Надеюсь, не отберут...

Я ссаживаю ребёнка с коня — далеко увозить я его не собиралась, провожаю взглядом. Женщина подхватывает его в объятия и что-то говорит. А я под восторженные крики закрепляю лилию на шляпку, стараюсь не думать о том, что от цветка я ядом на лепестках легендарный доспех вряд ли защитит.

Я машу и улыбаюсь...

Из столицы я вырываюсь далеко за полдень.

Глава 13

Убаюканная тряской кареты, я не сразу понимаю, что в дверцу стучат, причём стучат с непонятной настойчивостью. Зевнув, я отдёргиваю шторку и приоткрываю оконную створку. Рядом с каретой гвардеец.

— Ваше высочество, прошу прощения за беспокойство, но вам письмо.

Хм?

— Благодарю, — кивнув, я забираю плотный конверт.

Я не стала приглашать фрейлин к себе в карету, а теперь некому подать мне чай... Поёрзав, устраиваясь удобнее, я поворачиваю

конверт. На сургуче оттиск императорской печатью. Папа выбрал официальный тон. Хмыкнув, я вскрываю конверт.

“Ваше высочество императорская принцесса Крессида Небесная, ваша выходка с верховой поездкой через столицу ребячество и опасная глупость. Мы, Дарн Семнадцатый, глубоко возмущены. Ваше наказание продляется на два месяца”.

Не письмо, а записка, зато грозная-а-а-а...

Я вкладываю бумагу обратно в конверт и прикрываю глаза. Прости папа, но даже один месяц — это слишком долго.

В дверцу снова раздаётся стук, но в этот раз короткая дробь быстро стихает.

— Да? — откликаюсь я через полминуты тишины.

— Ваше высочество, из-за задержки в столице мы никак не успеваем до темноты прибыть в Лазурный дом. Вы предпочтёте остановиться лагерем на природе или в деревне?

— Безразлично.

Пусть командир отряда поступает, как посчитает нужным, я и так уже неприятности доставила. Надо думать, им тоже достанется за то, что позволили мне выйти из кареты. Хах, можно подумать, они могли меня остановить! Кстати, надо поручить Бьянке тихо выяснить, как папа наказал гвардейцев и, по возможности компенсировать, благо у меня целый кошелёк золотых и серебряных. Векселя на предъявителя я тоже прихватила, но в храме снимать по ним не у кого.

Карета начинает замедляться.

Я выглядываю. Часов при себе у меня нет, ориентироваться приходится по солнцу. По-вечернему красный шар клонится к горизонту, запад выкрашен багрянцем. Это же сколько я проспала?! Крестьянских домишек не видно, ночёвка предстоит под открытым небом.

Старых храм покровителей в двух дневных переходах от столицы. Гонец, меняя лошадей, доберётся в два раза быстрее. Именно из расчёта на дневной переход устроены Лазурные дома для отдыха путешествующих аристократов. Получается, завтра до храма мы тоже не доберёмся и ночевать невесть где придётся дважды? Ха...

Вслух я жаловаться, разумеется, не стану.

Пока гвардейцы обустривают лагерь, я отсиживаюсь в карете, чтобы не путаться у них под ногами. Появляется Бьянка.

— Леди, присоединяйтесь, — зову я её.

Фрейлина вынуждена подчиниться.

— Принцесса? — улыбается она. — Подать ужин в карету?

— Не стоит, я выйду.

Я озадачиваю Бьянку выяснением, чем моя выходка обернулась для гвардейцев, немного расспрашиваю о Кэтти. Как оказалось, фрейлины действительно забыли взять мою горничную, и мы остались без слуг, а Кэтти единственная способна справляться с бытовыми мелочами. Она теперь нарасхват, и Бьянка с трудом отбивает попытки девиц забраться на шею подопечной. Ничего, зато это хорошая школа, пусть Кэтти учится говорить “нет”.

— Ужин готов, ваше высочество, — подбегает Кэтти.

Я тихо фыркаю, а Бьянка вздыхает. Продемонстрировав, насколько несчастной и трудной сделал её жизнь мой приказ, Бьянка преобразается в дружелюбную подружку:

— Кэтти, дорогая, леди не бегают, леди несут себя плавно. И почему ты говоришь, что ужин готов? Готовят на кухне, к её высочеству это не имеет отношения. Следует сказать, что ужин подан, если первые блюда уже накрыты, или следует спросить, когда подавать ужин, подразумевая, что это может быть сделано в любое мгновение.

— Ох...

— Кэтти, не расстраивайся, — подключаюсь я. — Ты сама не заметишь, как привыкнешь. Во время обучения замечания преподавательницы этикета сыпались на меня как капли во время ливня, никакой зонтик не спасёт. Да-да, Кэтти, все мы учились.

— Спасибо.

Не стоит заставлять людей ждать, глядя на остывающий ужин. Я выхожу из кареты.

— Бьянка, как себя чувствует мой рыцарь? Целитель посещал его?

— Принцесса, выш рыцарь вон в том экипаже, и целитель работает с ним прямо сейчас. Возможно, целитель разрешит вашему рыцарю ненадолго вставать.

— Ваше высочество! — меня приветствуют поклонами.

— Добрый вечер, — улыбаюсь я, чувствуя, как протестует кожа на щеках.

Я сажусь первой и жестом приглашаю свиту присоединяться. Слуг, как я понимаю, вообще нет, потому что на раздаче гвардеец. Я замечаю повисшее в воздухе напряжение.

— Как можно подавать столь грубую пищу её высочеству! — внезапно возмущается фрейлина, в недавнем прошлом пользовавшаяся моей благосклонностью.

Но сегодня устраивать сцену я не собиралась... К тому же, подозреваю, что фрейлина не за меня переживает, а за себя.

— Леди, поскольку добраться до Лазурного дома мы не успели, этим вечером нам придётся смириться с тяготами переезда в храм, — моё молчание было бы воспринято как поощрение, — но утром я рассчитываю на вас, я доверяю вам устроить завтрак всего отряда.

— П-принцесса?!

Кто-то забыл, что принцесса неразумная и злая?

Кстати, мясо с гречневой кашей, приправленное дымком костра, сочное и свежее, достойно всяческих похвал. Конечно, не дворцовая пища и ни разу не высокая кухня, но ведь вкусно, я бы и добавку запросила, если бы не боялась, что из-за моего обжорства кому-то не хватит.

Я присматриваюсь к собравшимся и наконец нахожу своего оборвыша, примостившегося в самом углу. Если он таким образом избегает внимания, чтобы лишний раз не показывать слабость, то всё в порядке. Если же гвардейцы не пустили его в общий круг, то мне придётся вмешаться. Отношение к моему личному рыцарю это отношение и ко мне тоже.

К чаю мы с фрейлинами получаем по горстке ягод. Я понимаю, что гвардейцы собрали их здесь, в лесу — свежеснятые плоды ни чем не спутать. Сами гвардейцы пьют пустой чай.

Мой оборвыш поднимается, цепляясь за ствол ближайшего дерева. Императорский целитель хмурится, но вмешаться не торопится. Нетвёрдой походкой оборвыш направляется ко мне. Приблизившись он преклоняет колено. Целитель досадливо цыкает. Видимо, ему прибавится работы.

— О?

— Ваше высочество, ваш рыцарь для начала службы прибыл.

— Не помню, чтобы меня извещали о вашей готовности приступить к службе.

— Ваше высочество, я в вашем полном распоряжении.

— И вы готовы выполнить мой первый вам приказ? — хмыкаю я.

— Так точно!

— Извольте полностью восстановиться, рыцарь.

Я поднимаюсь и ухожу в свой экипаж. С умыванием и прочей необходимой вечерней рутинной мне поможет Кэтти. Вот и повезло, что она умеет прислуживать. Бьянке поможет, а остальным — нет. Я про себя ухмыляюсь и прикидываю, как удобнее разместиться на сиденье. Хотя есть своя прелесть в том, чтобы, засыпая, видеть далёкое звёздное небо, только стены и потолок экипажа скроют меня от комаров.

Утром, ожидаемо, бедная фрейлина ответственное задание провалила, и нам пришлось довольствоваться снова кашей с мясом. Я свою порцию съела с удовольствием, чем, кажется, весьма польстила гвардейцам.

После завтрака кортеж потянулся дальше и сходу взял неплохой темп. Вероятно командир отряда принял решение нагонять упущенное или просто хочет успеть до вечера выбраться к удобному месту. Уточнять я не стала, как не стала капризно требовать выдать мне лошадь, чтобы ехать верхом.

Почему я не догадалась взять с собой книжку? Лёгкое чтение в дорогу... Хотя лёгкое чтение из прошлой жизни до сих пор расхлебать не могу.

Я закрываю глаза и прислушиваюсь к внутренним ощущениям. Мне бы научиться переключать зрение. Пока что оно меня не подводило, но не хотелось бы оказаться “слепой” в самый неподходящий момент. К тому же, если я смогу управлять зрением и докажу это, то нам не придётся искать доказательства. Точнее, придётся, конечно, но, в лоб опросив всех без исключения аристократов, мы значительно сузим круг, а остальных напугаем. Я мечтательно улыбаюсь и ищу в себе тот рычажок, который позволит переключаться.

В сохранившемся дневнике одной из хранительниц, подробностей, увы, не было, зато через страницу пестрели предупреждения, что нельзя злоупотреблять даром, часто попадались

упоминания расплаты за эти самые злоупотребления — резь в глазах, слабость, головокружение.

Сколько ни стараюсь, перестроить зрение не могу. То ли оно срабатывает всегда без участия разума, то ли я что-то не так делаю.

Остановка на обед короткая, я толком не успеваю размять ноги.

Командир отряда сам находит меня:

— Ваше высочество, если мы поторопимся, то к ночи вы будете в храме.

— Считаете, есть смысл спешить? Будем мы в храме сегодня или завтра, какая разница?

— Принцесса, в храме безопаснее. Полчаса назад дозорный заметил подозрительное пылевое облако на горизонте. Кто-то скачет, причём не по дороге, а стороной, словно хочет срезать на изгибе.

— Мало ли, кто торопится. Лорд, я вас поняла. Считаете, что мне нужно оставаться в экипаже? Уходить верхом легче.

— И лучнику достать верхового тоже легче, принцесса.

— Поняла.

Я забираюсь в экипаж и приглашаю-таки фрейлин, причём всех пятерых. В карете сразу становится тесно и душно, но я притворяюсь, что меня всё устраивает, потому что гвардейцам легче защитить один экипаж, а не весь кортеж. Девочкам же об опасности знать не нужно. Что они сделают? Ничего. А вот панику развести могут и ещё как. Я завожу разговор о предстоящем бальном сезоне, о нарядах, о приглашениях. Бьянка хвастается, что её бальная книжечка уже заполнена — популярных леди на танец приглашают заранее, порой за полгода и больше. Впрочем, её популярность — это статус моей старшей фрейлины, и Бьянка это понимает.

Разговор плавно переходит на мужчин.

— Мой рыцарь уже украл чьё-то сердце? — со смехом спрашиваю я.

Фрейлины наперебой отказываются, только Кэтти поначалу отмалчивается, и девочки трактуют её молчание по-своему. Шутливо дразнят, но для Кэтти это очередной урок.

Дорога начинает поворот. Я невольно напрягаюсь, ожидая нападения, но поворот кортеж преодолевает мирно. Командир взвинчивает темп. Он так лошадей-то не загонит?

— Принцесса Крессида, прикажете проветрить? — заботливо предлагает Кэтти.

Бьянка бросает на меня извиняющийся взгляд.

— Не стоит, — качаю я головой. — В карете и без того прохладно.

— А-а-а...

Судя по тому, как Кэтти поворачивается к Бьянке, та Кэтти то ли ущипнула, то ли на ногу наступила.

— Второй рыцарь тоже неплох, — девочки подхватывают прерванный разговор. — Победить хана по правилам степного поединка... Пожалуй, ему я готова отдать своё сердце.

— Такой мужественный боец. На балу я бы отдала ему все танцы!

— Как неприлично...

— Леди Дьена, вы вспоминаете о приличиях, потому что на вас он внимания не обратил?

— Кто сказал, что не обратил? Возможно, мы уже... договорились о танце?

Она на что намекает?! Что уже провела с Феликсом ночь?! Прибью... Я с трудом сдерживаю порыв сообщить змеючкам, что Феликс только моя ящерка. Сплетни, которые после этого пойдут... Домыслы и так уже появились, горничная на прощание передала, что главные сплетницы дворца уже всю обсуждают мой тайный визит к Безымянной паре в обществе холостяка и задаются вопросом, просила ли я нас поженить. Возможно, ссылка в храм — это наказание за тайный брак или не менее тайный развод с неугодным императору избранником.

Почему я разозлилась? Феликс всего лишь полезный рыцарь с преступным прошлым. Девичьи фантазии на его счёт никак не должны меня трогать. Но вопреки логике задевают за живое. А ещё я вспоминаю, как он блеснул весьма соблазнительными изгибами и привлекательным рельефом...

Тьфу!

Я даже про опасность умудрилась забыть, настолько меня зацепило, никуда не годится.

Кортеж продвигается, но радоваться рано. Изгиб дороги слишком предсказуемое место для засады, возможно, преследователи, если они

реально есть, нападут ближе к вечеру, когда гвардейцы устанут.

Беседа с фрейлинами, пару часов назад весьма бурная, то и дело прерывается. Девочки подустали не столько от болтовни, сколько от болтанки в тесноте. Кэтти и вовсе зелёная, её больше всех укачало.

— Ваше высочество, мы вас, наверное, утомили? — осторожно спрашивает одна из них.

— Отнюдь. К тому же мы скоро прибудем в храм. Нет смысла делать остановку.

— Скоро? — переспрашивает Бьянка. — Ваше высочество, в детстве меня часто брали в Старый храм, я узнаю места. До храма ещё часа три. Мы едем очень быстро, поэтому чуть меньше двух. До темноты никак не успеть.

— Что такое два часа по сравнению с двумя днями?

— Вы правы, ваше высочество.

До фрейлин начинает доходить, что происходит что-то не совсем понятное и приятное. Не встревожилась только Кэтти, либо не сообразила, либо ей уже настолько дурно, что её ничего не волнует.

Прогноз Бьянки сбывается, вечерние сумерки застают нас в пути. Спорный выбор командира — темнеет, а мы продолжаем двигаться, буквально напрашиваясь на неприятности.

В салоне зловеще тихо. Мои попытки поддержать разговор провалились. Да, девочки отвечают, но коротко, и тут же замолкают, так что я бросила безнадёжную затею и теперь всё, что мне остаётся — дышать спёртым воздухом и прислушиваться к звукам снаружи. Экипаж вроде бы плавно замедляется, тряска сменяется плавным покачиванием.

По ощущениям мы двигаемся сквозь ночь не меньше часа.

— Прибыли, ваше высочество, — голос командира звучит громоподобно.

— Фонарь? — снаружи по-прежнему темно.

— Свет замечен издали, принцесса. Пожалуйста, выходите.

Что-то мне не нравится происходящее, настолько, что закрадываются подозрения, не предатель ли командир. Я машинально через одежду касаюсь амулета. Отсиживаться в салоне смысла нет, фрейлины меня не защитят, а враги вытащат. Уж лучше выйти на своих условиях, а девочек оставить под прикрытием хлипких стенок.

Командир подаёт мне руку, больше ничего не происходит.

— Это не храм, — очертания ворот даже в ночи узнаваемы.

— Храм. Принцесса, дозорный ещё дважды замечал всадников. Я приказал свернуть с дороги под прикрытие леса, некоторое время мы ехали по просеке. Здесь начинается Дорога королей. Возможно, вы слышали?

Не слышала, но читала. Когда искала упоминания святилища Рейзан Судьбоносной, записи о Дороге попадались мне относительно часто, некоторое время я даже считала, что Дорога, если верить устоявшемуся названию, может вести к святилищу, но всё же отказалась от этого предположения — первые записи о Дороге относятся к более позднему периоду, когда святилище уже утрачено.

И в отличие от святилища о Дороге помнят, лет двести назад указом моего прадеда её ремонтировали — укрепляли свод и ступени. Собственно, Дорога представляет собой вырубленный в толще скалы коридор, настолько круто забирающий к плоской вершине, что для удобства пришлось дополнительно вырубать ступени, иначе просто не подняться.

— Вы с нами? — уточняю я у гвардейца.

— Нет, ваше высочество. Мы воспользуемся воротами.

Верно, лошади через скальный коридор не протиснутся.

— Да.

Особенность дороги в том, что с обоих концов открыть её могут только представители императорского рода. Ради восстановительных работ тогдашнему кронпринцу пришлось месяц быть привратником — открывать проход несколько раз на день.

— Леди, мы прибыли, — зову я фрейлин.

Девочки послушно высыпают из экипажа. Бьянка держит Кэтти рядом с собой. Надо не забыть поощрить Бьянку.

Проход обозначен открыто: над щелью схематично, но узнаваемо изображена ладонь с растопыренными пальцами. Я просовываю руку в щель, дотягиваюсь до рычага и сдвигаю его. Раздаётся скрип. Скала, прикрывающая проход, плавно отходит в сторону. А если бы я не была дочерью императорского рода, скрыто в щели лезвие отрубило бы мне кисть.

Я вхожу первой. Фрейлины следуют за мной. Снаружи остаются не только гвардейцы, но и императорский целитель. Скала закрывается, и я запоздало осознаю, что фонаря по-прежнему нет. Я

понимаю, почему нельзя зажечь свет под открытым небом, но в толще скалы?! Как бы то ни было, фонаря нет. Я нащупываю первую ступеньку.

Касаясь стены, я начинаю подъём, подаю пример.

— Ваше высочество? — Бьянка, как старшая, подаёт голос.

— Леди, вы упоминали, что в детстве часто бывали в Старом храме. Не догадываетесь, что это за место?

Гвардеец знал о Дороге, поскольку это его прямая обязанность — выбирать самый безопасный маршрут из нескольких.

— Мы определённо рядом со Старым храмом, ваше высочество.

— Мы взойдём в Старый храм Дорогой королей.

В темноте не видно лиц, приходится ориентироваться на слух. Никто не ахнул, не втянул воздух. Вероятно, девочкам, даже Бьянке, название ни о чём не говорит. Зато жаловаться вслух девочки теперь не осмелятся.

Впереди появляется слабый синеватый свет явно магического происхождения. Чем ближе мы подходим, тем ярче он становится, и тем больше открывается взгляду. Лестница... лучше бы я её и дальше не видела. Не знаю, что тут ремонтировали, вырубленные в породе уступы выглядят страшно. Коридор уже, чем я ожидала, потолок скошенный. В сечении коридор будет выглядеть как кривой треугольник.

Лестница выводит нас на узкий карниз, нависающий над продолговатым колодцем. Синевы не хватает, чтобы рассмотреть глубину, дно колодца скрывается во мраке. Перил нет, страховки нет.

— Я туда не пойду, — взвизгивает Кэтти и бесцеремонно повисает на нас с Бьянкой.

На миг от её выходки фрейлины даже забывают об ужасе по ту сторону карниза, где нас встречает скелет в жреческом облачении. На Кэтти смотрят с изумлением, а затем все дружно переводят взгляды на меня, ожидая реакции.

— Кэтти, — я приобнимаю её, — вспомни, что ты уже взрослая. Визжишь как маленькая трусишка. Это всего лишь скелет.

Я среди скелетов уже гуляла, но об этом сообщать воздержусь.

Лично меня пугает не скелет. После горизонтального карниза над колодцем снова начинается крутая лестница, но как до неё дойти без страховки. Гвардеец не знал, что Дорога с сюрпризом?

По крайней мере нам не придётся преодолевать узкий, шириной с дощечку паркета, мостик, перекинутый через колодец. Противоположная сторона скрывается в темноте, зато синий свет высвечивает многочисленные трещины. Подозреваю, что мостик не выдержит даже кошку — под самым незначительным весом обрушится обломками вниз.

— Не стоит ли вернуться, ваше высочество? Простите, мы не настолько храбрые, — Бьянка даёт мне отличный выход, чтобы сохранить лицо, но...

— Куда, леди? Мы поднимались медленно, спускаться будем ещё медленнее. Кареты давно ушли. Мы выйдем в темноту, не зная дороги. Будем ночевать под скалой среди змей и насекомых? Карниз достаточно широкий.

Беда в том, что девочки, просто запаниковав не вовремя, сорвутся. Может, приказать им взяться за руки или использовать вместо веревок одежду? Я шагаю на карниз. Камень крепкий, ни малейших признаков начинающегося разрушения.

— Принцесса!

Зачем же так кричать?! На я же могла дёрнуться от этого окрика и полететь вниз.

Шаг, ещё шаг. Невольно вспоминаю, как я вот так же, считая шаги, боролась за свою жизнь с дымом. В той жизни я проиграла...

Я добираюсь до лестницы.

Под ногой что-то едва слышно хрустнуло.

Скелет поворачивает череп, пустые глазницы смотрят прямо на меня.

По ушам бьёт отчаянный визг фрейлин, внутри всё обмирает, но больше ничего не происходит, скелет неподвижно замирает, как и положено скелету. Если бы я была нежитью, я бы загрызла девиц уже за этот омерзительный писк, но скелет неподвижен. Присмотревшись, я замечаю в основании черепа железный штырь. Несколько штырей и за компанию какие-то винтики, пружинки.

Всего лишь механическая пугалка?! Сказала бы я пару ласковых тому, кто это придумал. Я подхожу к скелету вплотную.

— Смелее, леди. Пока я здесь, страж не кусается, — когда меня нет, тоже не кусается, но это им знать не обязательно.

Я продолжаю рассматривать отливающие глянец кости. Вероятно, обработаны укрепляющим составом, иначе бы за века скелет просто развалился в пыль. Облечение выглядит новым, словно одежду пошили не больше года назад. Почему бы и нет? Служители храма вполне могут заниматься переодеванием ушедших коллег, только не очень понятно, как они попадают на Дорогу. Как вариант, раз в год или реже их пускает император или кронпринц, но я почему-то об этой традиции ничего не слышала.

Интересна не только новизна облачения, но и нагрудная вышивка, служащая опознавательным знаком. Вышивка утверждает, что передо мной высшая жрица, служащая Рейзан Судьбоносной. Но ведь в храме нет святилища богини, кроме того единственного, потерянного! Я рано отбросила догадку, что к нему ведёт именно Дорога?

Конечно, я бы в любом случае проверяла, просто пришла бы сюда одна, без визжащего хора.

— Принцесса, разве это не письмо?

Пока я рассматривала скелет, Бьянка прошла по карнизу и остановилась рядом со мной.

На запястье скелета намотана серебряная цепочка, и на ней висит миниатюрный тубус, на пробке герб императорской принцессы. Какое совпадение...

Я помню, что внутри может прятаться отравка, но любопытство пересиливает здравый смысл, руки сами тянутся к тубусу, да и интуиция молчит. Свернув пробку, я бережно вынимаю чуть пожелтевший лист с характерным запахом библиотеки — книги и архивные документы пересыпают магическим порошком, помогающим сохранять бумагу и чернила.

Любопытство подстёгивает фрейлин, все пятеро, включая Кэтти, перебираются довольно быстро.

— Чистая бумага? — разочарованно удивляется леди Дьена.

— Может быть, чернила выцвели?

Кажется, текст записки могу видеть только я? Занятно...

“Я, Крессида Несущая Бури, последняя Хранительница судьбы, остаюсь неупокоенной ожидать вас, моя преемница. В нашем роду перестали рождаться девочки, мальчики слабы и болезненны. Мы вырождаемся, свет надежды померк. Но если вы, леди, читаете эти

строки, значит, моя жертва не была напрасной. Я буду ждать вашего приглашения на беседу, леди”.

Всё, что нужно, я узнала. Я возвращаю бумагу в тубус, а тубус вкладываю в руку принцессы. Не могу же я продолжать называть её скелетом теперь, когда знаю, что это моя пратётушка, Хранительница, о которой я с восхищением читала в хрониках. Я обо всех хранительницах читала с восхищением... Её я запомнила не столько потому что она моя тёзка, сколько потому что в хрониках не было указано, где она похоронена, только даты, причём две. Первая, когда она уснула, в прямом смысле — целители наблюдали за ней на притяжение недели, сердце принцессы медленно билось, она дышала, но не просыпалась. Вторая дата — констатация смерти спустя десять лет, но это именно констатация, а не фактическая дата смерти.

— Нам стоит уйти, достаточно нарушать покой.

Снова приходится погружаться в темноту лестницы, которая словно в насмешку становится круче. Я помогаю себе руками, благо никто не увидит, как позорно принцесса карабкалась на четвереньках.

По ощущениями проходит вечность, когда мы, наконец, добираемся до выхода.

— Леди, не отстаём.

— Не отстаём, ваше высочество, — Бьянку я узнаю по голосу.

— Да, принцесса.

— Да-а-а...

Девочки, кроме Бьянки и Кэтти задыхаются, но отозвались все.

Скала под моей ладонью послушно отходит в сторону, но едва ли что-то меняется в плане обзора. Снаружи крошечная темень, контуры зданий храмового комплекса едва угадываются в тусклом свете далёких звёзд.

Нас никто не встречает. Разве гвардейцы на лошадях не должны были нас обогнать? Нарвались?

— Леди Бьянка, вы ориентируетесь в храме?

— Полагаю, нам прямо, ваше высочество.

Старый храм считается благословлённой территорией, причинить вред кому бы то ни было здесь считается невозможным. Проверять не тянет, но уже одно то, что папа отправил меня сюда говорит о многом. Возможно, под предлогом наказания он просто отослал меня в

безопасность со свитой из самых доверенных леди? Больше похоже на правду и жаль, что я сразу не сообразила.

Мы пересекаем двор.

Если ничего не изменилось, в главном святилище дежурит жрец. С заката до восхода он должен молиться Небесам о благополучии империи. Бьянка открывает дверь и пропускает меня вперёд, но на наше вторжение никто не реагирует. Впрочем, молитв тоже не слышно. Свечи, как и положено, тускло мерцают на алтаре, а вот жрец... мирно спит, с комфортом устроившись на полу — под головой свёрнутый плед, другим пледом накрывается.

Я насмешливо цыкаю:

— За благополучие империи можно не беспокоиться.

— А?! Вы кто такие и как здесь оказались?

Бьянка берёт на себя роль глашатая и звонко, неожиданно громко объявляет:

— Прибыла её высочество императорская принцесса Крессида Небесная.

Храм меньше, чем за четверть часа, сбрасывает сонное оцепенение. Приветствовать меня выходит главный жрец. Обычно он ведёт себя сдержанно и солидно, но не в этот раз. С лица ни на миг не пропадает угодливая улыбка:

— Мы позволили принцессе увидеть что-то столь некрасивое. Но мы не знали, что вы придёте с визитом! Ваше появление такое внезапное, но, безусловно, радостное для нас событие.

— Хм? — перебиваю я. — Вы говорите, что сон вместо молитвы обычное дело? Как много я не знала о храме.

— Принцесса! Я не это имел в виду!

Я вот думаю, может, боги стали глухи к людям, потому что даже жрецы в храмах всё чаще видят в алтарях не ступеньку к Небесам, а обычный булыжник? Кажется, чистка храмов — это то, чем заняться придётся мне. Олиса по понятным причинам исключая, Лёк от религии слишком далёк, Тери и без того занят. По остаточному принципу почётная обязанность достанется мне. Тьфу.

Но это потом, когда со степенями разгребусь.

— Мы устали после двух дней пути, — прерываю я словесный бред старшего жреца.

— Подать ужин, ваше высочество?

А ничего, что по правилам храма есть после захода солнца запрещено?

— Уже поздно, проводите нас в комнаты, — распоряжаюсь я тоном, не терпящим возражений.

На самом деле на территории комплекса для высокородных гостей есть небольшие домики. Отдельно стоит домик для членов императорской семьи, так что я попадаю в знакомые двухкомнатные покои: нечто среднее между гостиной, столовой и будуаром и вторая комната, естественно, спальня с примыкающей к ней тесной уборной.

Добравшись до кровати после ополаскивания неприятно прохладной водой, я забираюсь под толстое шерстяное одеяло, чувствуя, как вместе с его тяжестью на меня наваливается усталость. Только вот мечты об отдыхе так и остаются мечтами.

Мой сон, не дожидаясь особого приглашения, нарушает давным давно почившая принцесса.

Глава 14

— Моё терпение кончилось приблизительно полтысячелетия назад, — усмехается она, глядя мне в глаза.

Странное зрелище, почившая гостья очень похожа на меня. Правильнее, наверное, сказать, что это я похожа на неё. Только по сравнению с ней, я грубая подделка. В моём лице нет той же утончённости, скульптурности, фамильные черты выражены не столь явно.

— Получается, вырождение касается не только магии, но и внешности?

Принцесса склоняет голову к плечу:

— Леди, вы забыли, чья кровь течёт в ваших жилах? Утрачивая силу, мы, естественно, утрачиваем сходство с нашей прародительницей Рейзан Судьбоносной.

— О-о-о...

Гостья досадливо морщится. Видимо, мной она разочарована с первого взгляда, и я не могу её в этом винить.

Я осматриваюсь. Очевидно, что я заснула, и мы встретились во сне, декорации могли быть какими угодно, но тем интереснее выбор — пустая кофейня с панорамным видом на мегаполис. Под окнами авария, столкнулись сразу три авто, к счастью, без серьёзных последствий для пассажиров, потому что водители уже выбрались,

оценили смятый металл и самозабвенно ругаются. Образовался затор, бесполезные сигналы раздаются почти беспрерывно.

— Занятный мирок, не правда ли?

— Экологически неблагополучный, — хмыкаю я. — Смартфона с интернетом в нагрузку очень не хватает.

— Хм?

— Жила здесь некоторое время.

— Неужели? — принцесса почему-то воодушевляется. — Похоже, вы не столь безнадёжны, как мне показалось в начале нашего знакомства.

Не понимаю...

— Какое отношение чужой мир...?

— Он не чужой, — перебивает принцесса. — Этот мир существует в сцепке с нашим. Именно поэтому сюда можно сбегать от перерождения. Как ты могла жить здесь, не зная столь базовых понятий?

— Интуитивно, к тому же я теряла память и не сразу вернула воспоминания. Но разве вы хотели обсудить этот нечужой мир, леди?

Принцесса отходит от панорамного окна. Одежда на ней меняется. Жреческое облачение исчезает, появляется лёгкий сарафанчик на узких бретельках. Леди садится за столик, неаристократично закидывает ногу на ногу.

— Сила нашего рода изначально женская. Нельзя сказать, что мужчины обделены, отнюдь. Их способности больше проявляются в сфере государственности. Мужчины правили, а женщины помогали выбрать наиболее благоприятный политический курс. Мы были советницами при императоре. Но я оказалась последней Хранительницей, последней императорской принцессой. На протяжении четырёх поколений в основной ветви рода девочки не рождались, а попытка повлиять на пол будущего ребёнка магией обернулась крахом. Девочка родилась, но родилась болезненной и слабоумной.

— К чему всё это?

— Чтобы род смог восстановиться, только моей жертвы недостаточно.

— Что ты сделала, кстати?

— Отдала роду энергию своей души. К сожалению, передать всю силу разом невозможно, душа сопротивляется. Я отдавала по глотку в течение веков, себе оставила лишь пару капель, чтобы встретиться с вами, моя драгоценная преемница.

— Это значит, что вы не уйдёте на перерождение, а исчезнете окончательно?

— Да. И у нас мало времени. Слушай!

За стеклом с неба на город обрушиваются хлопья пепла. Похоже на снегопад, только серый. Люди внизу поднимают головы, самые сообразительные не застывают, глядя на несущее смерть чудо, а бросаются к укрытиям. Только тщетно. Пепел валит сплошной стеной, скрывает за собой небо, заваливает мегаполис. Вскоре он погребёт под собой всё без остатка.

Кафе ещё не тронута тленом, а вот сарафан принцессы расползается как древний саван. Пепен припорошил её волосы, щёки, руки.

Принцесса невозмутимо поднимает чашечку.

— Слушаю, — я машинально беру вторую.

Какой бы напиток ни был налит в неё раньше, сейчас в чашке пепельное месиво.

— Нет, не притрагивайся, не стоит пробовать тлен моей души. Леди, как я уже сказала, моей жертвы было недостаточно, но вы подарили мне надежду на возрождение нашего рода. Я жду вас в святилище, леди. Вы увидите на алтаре Колыбель, вы не ошибётесь. Вам не нужно ничего делать, ни о чём беспокоиться. Как только вы ляжете в неё, вы уснёте.

— Колыбель?! Предмет, упоминавшийся в перечнях регалий прошлого, но утерянный и считающийся вымышленным?!

— Она самая.

Принцесса говорит, но теперь заметно, что с каждым мгновением произносить слова ей всё труднее и труднее. Её тело стало полностью тёмно-серым, она словно состоит только из пепла, как песчаная фигура из песка.

От мимических движений ползут трещины.

Зрелище пугающее, но одновременно завораживающее. Главное, не думать о том, что я наблюдаю за распадом обречённой души. Самообладание принцессы восхищает. Лучше меня осознавая, что это

окончательный финал её существования, что перерождения не будет, что она исчезнет, принцесса поддерживает легкомысленный тон и улыбается.

А вот меня улыбаться не тянет.

— Леди, если я лягу в Колыбель, я умру, и века спустя моя душа будет безвозвратно разрушена, как ваша.

Чашка выскальзывает из ослабевших пальцев принцессы, разбивается о столешницу, из чашки выплёскивается пепел, и тлен начинает пожирать кафе. Серость уничтожает мебель, посуду, расползается по полу, стенам, потолку. Пепел начинает просачиваться сквозь исчезающее стекло, и в помещение влетают первые хлопья.

Только я остаюсь ярким цветным пятном, ещё не запорошенным. Пока...

Напоследок принцесса обливает меня презрением.

— Пожертвовать собой во благо рода твой долг, — требовательно произносит она.

Ей не стоило хмуриться. Её лицо, несмотря ни на что, всё ещё красивое, перечёркивает трещина. Пепел ручейком течёт вниз, а в следующий миг вниз обрушивается целый пласт пепла, будто у песчаной фигуры часть срезало.

На мгновение мир будто замирает, сыпавшийся с потолка пепел больше не падает, он висит в воздухе. Тело принцессы разом обрушивается. Пепел смешивается с пеплом на полу. Серость будто с ума сходит, взвивается вверх.

Не зря я песок вспоминала. Я будто в пустыне попала в песчаную бурю. Пепел всюду, пепел облепляет меня со всех сторон, пепел лезет в глаза, в нос, в рот. Я пытаюсь закрываться, только бесполезно — в пепельном аду всё равно нечем дышать. Грудь сдавливает.

И я наконец с криком просыпаюсь.

Сев на узкой койке, под бешеный стук сердца я провожу ладонью по лицу:

— Всего лишь кошмар, — произношу я вслух, чтобы голосом отогнать ужас пережитого. Сон был больше, чем просто сон, происходившее вполне реально.

Лежать больше не хочется, я раскрываю ставни. Раннее утро встречает меня розовеющим востоком и россыпью росинок. Я касаюсь пальцами стекла, невольно думаю о стеклянном панорамном окне.

Внезапно уже здесь, в реальности, на тыльную сторону ладони садится невесть откуда взявшийся пепел.

— Колыбель ждёт тебя, — доносится до меня последний вздох принцессы.

Проклятье! Когда я размышляла на тему поисков святилища Рейзан, я имела в виду совсем не это!

— Ваше высочество? — окликают меня. Голос незнакомый, мужской.

Выглянув из окна, я обнаруживаю своего рыцаря, сидящего на лестнице и подпирающего стену домика. Заметив моё появление, он задрал голову и так и смотрит на меня из положения сидя. О том, что леди, тем более принцессу, следует приветствовать стоя, он не вспоминает.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я не особо дружелюбно.

— Ожидаю с докладом, ваше высочество.

Спохватившись, оборвыш вскакивает, но тотчас нагибается и болезненно обхватывает себя за левую ногу чуть ниже колена. Кстати, форму он получил новёхонькую, оружие в ножнах. Подозреваю, не самое лучшее, но уж точно не ржавая рухлядь.

Я ничего ему не отвечаю и задёргиваю штору. Кажется, парень не понял, что я высунулась в одной нижней сорочке, в которой показываться допустимо либо перед личной горничной, либо перед лекарем. То, что он не понял, не повод продолжать сверкать бельём. Хотя... будь на месте парня Феликс, я бы не только не пошла одеваться, но и бретельку бы приспустила.

Дорожный костюм лежит там же, где я его бросила вчера. Багажа я не нахожу ни в спальне, ни в гостиной, зато в шкафу висят храмовые мешкообразные платья, ношение которых раньше я находила весьма мучительной обязанностью. Я быстро умываюсь и, одевшись, спускаюсь к рыцарю.

— Доброе утро, ваше высочество, — он кланяется.

С правилами этикета у него беда. Заговорить первым — грубейшая ошибка.

— Как ваше самочувствие, лорд? Как ваши ноги? — он выпрямился, на первый взгляд стоит твёрдо.

— Простите, ваше высочество. Я не лорд, я простолюдин.

Парень напрягается, словно всерьёз опасается, что я незамедлительно вышвырну его прочь. Между прочим, весьма глупо. То, что он не лорд мне с турнира очевидно. Зато честный, хотя и не сказать, что он открыл мне нечто секретное.

— Вы мой рыцарь, лорд. Став рыцарем, вы получили статус аристократа. Другое дело, что титул ненаследственный, что решается преданной службой. Вы сказали, что ожидаете меня с докладом, лорд.

— Так точно, ваше высочество. На рассвете отряд благополучно встал лагерем перед главными воротами храма.

— Я взгляну.

Мне не терпится выйти в передний двор, чтобы вспомнить, где открывается Дорога королей. По крайней мере теперь понятно, что святилище не было утрачено в прямом смысле этого слова, Хранительница сделала его своей могилой и ждёт от меня того же.

Стилизованное изображение ладони трудно не узнать. Я бы хотела войти и ещё раз осмотреться, теперь с факелом, но нет, я не стану.

— Вы не ответили на мой вопрос, лорд.

— Ваше высочество?

— Целитель действительно разрешил вам прогулки?

— Да, ваше высочество.

Надо бы сказать Бьянке, пусть проверит.

Гвардейцы замечают наше с оборвышем приближение. Пока я предусмотрительно неторопливо иду, они согласно старшинству выстраиваются в линию. Первым, на шаг впереди, встаёт, естественно, командир. Отряд готов, но я медлю, издали знакомлюсь с лагерем. Я отмечаю, что кареты выставлены полукругом и заменяют оборонительные укрепления. Жилые палатки прилепились почти вплотную к храму, в центре — прогоревшее кострище. По идее, случись что, гвардейцы отступят за ворота.

Я обвожу взглядом выстроившийся передо мной отряд:

— Здравствуйте, господа офицеры! — определённо, мне нужна тренировка. Если вместо отряда представить полноценное войско, то моё жалкое мяуканье просто не услышат.

— Да здравствует императорская принцесса Крессида Небесная!

На этом можно закончить, достаточно пары вежливых слов, но я молчу, и командиру ничего не остаётся, кроме как выйти ко мне, отдать

честь и доложить, что отряд к смотру готов. Да-да, всё строго по уставу.

Кивнув, я приближаюсь к выстроившимся гвардейцам. Оборвыш, как и положено личному рыцарю, держится за моим правым плечом. Вернётся Феликс — оборвышу придётся уступить более почётное место. Но сейчас Феликса нет, и за левым плечом за мной следует командир отряда.

Я уделяю внимание каждому гвардейцу — форме, оружию, общему состоянию. Гвардейцы армейская элита, и обеспечивает их непосредственно дворец, проблем, заслуживающих внимания, найти не удаётся, что, впрочем, ожидаемо.

Завершив обход, я возвращаюсь к началу линии. Командир встаёт передо мной.

— Отряд в удовлетворительном состоянии. Благодарю за службу.

— Служу империи!

— Служу империи! — подхватывают гвардейцы.

Смотр завершён. Выдав высокопарную чушь, что вверяю заботу о сохранении моей жизни им, я прощаюсь и поворачиваю в храм, где меня, наверное, уже ждут фрейлины. Оборвыш, не получив приказаний, потерянно следует за мной, видимо, не представляя, куда деваться, а я вспоминаю, что упустила нечто очень важное.

Уже у ворот, обернувшись, я убеждаюсь, что нас не услышит никто лишний:

— Лорд, передайте командиру отряда, чтобы в ближайшее время он доставил сюда гроб, достойный императорской принцессы.

— Ваше высочество?!

— Да, лорд. В скором времени мне понадобится гроб, — улыбаюсь я.

Оборвыш смотрит на меня широко распахнутыми глазами, с ужасом. Уж не знаю, что он там думает, что я не верю в способность гвардейцев меня защитить или что готовлюсь к самоубийству. Я и знать не хочу. Потому что Феликс бы реагировал иначе. И уж точно он бы даже на миг не допустил мысли, что я собираюсь попрощаться с жизнью.

— Ваше высочество!

Лучше объяснить, от греха подальше.

— Лорд. В храме были обнаружены останки императорской принцессы, скончавшейся много веков назад. Её прах должен быть доставлен в столицу и погребён в родовой усыпальнице. Что-то не так?

— Простите, принцесса, — он виновато опускает голову и забавно краснеет.

— Со временем вы привыкнете к моей манере выражать мысли, лорд, — подбадриваю я.

Лорду указание дала, гвардейцам работу придумала — теперь можно и позавтракать. Правда, сперва придётся в компании фрейлин посетить главное святилище и вознести молитву вместе с жрецами.

Девочки, уже переодетые в такие же скучные платья, ждут меня на улице и приветствуют неизменным реверансом.

— Доброе утро, леди.

Сказать им, что оно недоброе, потому что нам предстоит извлекать скелет принцессы или пусть побудут в блаженном неведении?

Не буду портить аппетит, тем более на завтрак нас ждёт овсянка, полезная, но приготовленная как будто нарочно так, чтобы выглядеть чьим-то насморком, девочкам и так не сладко. А я почти не замечаю, что у меня в тарелке, потому что в моей голове зреет злодейский план. Ладно, до истинного злодейства мне далеко, но мне приятно думать о себе, как о плохой девочке.

Хранительница весьма удачно оказалась моей тёзкой, но даже и без совпадения имени, вполне достаточно, что она принцесса. Под предлогом, что её прах находился в храме неупокоенным, я потребую грандиозной заупокойной службы — на месяц. Окружающие логично посчитают, что я лично буду сопровождать прах пращурки в столицу, а из-за совпадения имён и титулов возникнет дополнительная путаница. Я же под шумок накануне слиняю.

Надо только папу предупредить. Не про то, что слиняю, это станет сюрпризом, когда я раньше срока появлюсь в столице, предупредить надо, что почившая императорская принцесса Крессида не я. Отправлю оборвыша — не слишком трудное поручение, как раз чтобы почувствовать себя личным рыцарем. Двери ему распахнёт приказ с моей печатью.

Бьянка и Кэтти что-то предчувствуют, я несколько раз за завтрак ловлю их настороженные переглядывания. Я притворяюсь, что ничего не замечаю, точно также я игнорирую появление младшей жрицы. Семеня, она проходит вдоль стены и останавливается сбоку от меня.

— Принцесса.

— Жрица, — в тон отвечаю я.

Какая... необычная. В Старый храм попадаю жрецы и жрицы, вставшие на путь служения не меньше двадцати пяти лет назад. Редко кто за это время так и остаётся на низшей ступени жреческой иерархии. Вот, одна осталась. Из-за возраста? Жрица сухонькая старушка мне едва по плечо, тощая, лысеющая, а вот зубы идеально белые, словно искусственные, морщины больше похожи на трещины, отчего возникает неприятная ассоциация с трещинами на пепельном лице ночной гостьи. И цвет лица землисто-сероватый, неприглядный.

— Старший жрец просил передать, что ожидает встречи с вами в любое удобное для вас время, ваше высочество.

— Я встречусь незамедлительно.

Пока я буду извлекать останки, кто-то должен подготовить место, где принцесса этот месяц будет лежать. Пусть старший лично занимается. С собой мне нужны простыни, несколько простыней... Как-то само собой получается, что старушка тенью следует за мной. Помощь от неё дельная, так что я не возражаю, только отмечаю ещё одну странность. Старушка выглядит не просто старой, а древней, готовой переломиться от неосторожного движения, но при этом оказывается на диво крепкой, связку факелов поднимает одной рукой с таким видом, как будто эти дрова вообще ничего не весят. Я из любопытства пробую вторую связку — мне, молодой, тяжело.

— Принцесса, вы уж простите слугу, одной мне будет несподручно, — предупреждает старушка, когда становится очевидно, что спускаться мы будем вдвоём.

— Вам не нужно беспокоиться, жрица. Почему бы вам не подождать снаружи? Я хочу осмотреться и прикинуть, что нужно.

— Ох, конечно. Простите, принцесса.

— Жрица, вам не за что извиняться.

— Ох...

От предложения остаться наверху она отказывается, более того, ни простыни, ни факел мне не доверяет, несёт сама. Спорить или тем

более отбирать несолидно, поэтому я смиряюсь.

Сосредоточившись на предстоящем, я неожиданно легко преодолеваю спуск по крутой лестнице. Или при свете пляшущего огонька ступеньки не выглядят такими уж страшными? Старушка и вовсе спускается как по широкой парадной лестнице.

— Ваше высочество, простите, но разве достаточно одной печати, чтобы опознать останки?

— Официально принадлежность к императорскому роду будет установлена через регалии.

Возможно, я излишне поспешно признала скелет принцессой. Против моей версии железный штырь и вообще механизм, превращающий особу императорской крови в дохлую дешёвую пугалку. Но принцесса пришла ко мне...

Жрица ловко закрепляет факел в крепление на стене, тени падают на мостик.

Я заглядываю во мрак провала, а затем беру второй факел из запасных, поджигаю и бросаю вниз. Кувыркаясь, факел летит вниз. Я надеюсь, что огонь хоть на миг подсветит дно, позволит понять, насколько глубок колодец, но нет. Огонь гаснет, безобидно брызнув снопом искр. Как ни прислушиваюсь, удара о камни или всплеска воды не слышу.

— Принцесса?

Сможет ли амулет вырастить на броне шипы, достаточные, чтобы остановить падение?

Буду верить, что мост крепче, чем видится. Не давая себе времени передумать, я ступаю на него. Первый шаг камень выдерживает. Я заставляю себя не смотреть ни на мост, ни во мрак колодца — только вперёд. Кто бы мог подумать, что уроки, которые я получала у преподавательницы изящных манер, пригодятся в такой ситуации — она учила меня двигаться, в том числе и ходить, не глядя под ноги.

Синева становится ярче, осязаемей, если вглядеться в неё, как в толщу воды, можно легко провалиться. Провалиться навсегда. Мне начинает казаться, что у меня закружилась голова, но я упрямо преодолеваю последние метры и ступаю под арочный свод.

У дальней стены рукотворной пещеры лежит небрежно обтёсанная глыба алтаря, испещрённого знаками Рейзан Судьбоносной. В нише прячется статуя богини.

Святилище найдено.

Я останавливаюсь на пороге, не торопясь входить.

— Рейзан, если ты это видишь, наверное, смешно, да?

Я искала святилище в надежде получить благословение богини, стать сильнее. Получилось ровно наоборот. Можно сказать, что это святилище нашло меня. И отнюдь не для того, чтобы дать мне новые возможности. Напротив, оно хочет забрать всё, что у меня есть, включая жизнь и душу.

Алтарь не пуст. Колыбель похожа на хрустальную ладью. У меня в серванте такая стояла, Даша ещё фыркала, что держать дома хрусталь не модно. У меня была столовая, а в этой ладье свободно разместится человек под два метра ростом. Собственно, уже размещается. Я подхожу ближе.

— Вот и встретились лицом к лицу, ваше высочество?

Теперь очевидно, что скелет в коридоре принадлежит обычной жрице, пусть и высшей. Настоящая Крессида спит в ладье. И предполагается, что я должна прямо сейчас её подвинуть и навсегда прикорннуть рядом.

Я ещё не приблизилась вплотную, а на меня уже наваливается сонливость.

— Что же за ритуал вы тут устроили, леди? — вслух спрашиваю я вслух, чтобы взбодриться.

Впору отойти, уж слишком явно ощущается и давление магии, и её эффект. Меня буквально рубит. Не настолько, чтобы я захотела спать больше всего на свете, но достаточно, чтобы идея прилечь на пару минут не вызывала отторжения. Пока я держусь...

Допустим, я следую инструкциям принцессы и укладываюсь к её бранным останкам. Что дальше? Я имею в виду, если я умру и рассыплюсь, ритуал должен завершить некто третий, так? Или... Я хватаюсь за бортик Колыбели, тяну на себя. Сдвинуть получается на толщину волоска, но этого хватает, чтобы давление ослабло.

Достаточно разорвать контакт артефакта и алтаря?

— Ох, что же вы сами, ваше высочество?!

Как посторонняя могла пройти сквозь магическую завесу нашего, императорского, цвета?!

Я ошеломлённо смотрю на жрицу, отвечаю с некоторой оторопью?

— Иногда следует действовать самой.

Старушка словно не слышит. Подставив предплечье, она предлагает:

— Давайте я помогу вам забраться, принцесса?

— Нет необходимости, — отрезаю я.

Откуда она знает про ритуал? Ну... знает. Я изначально поняла, что она с сюрпризом.

— Разве? — не вполне искренне удивляется она. — Разве императорская династия не вырождается?

Слишком смелая фраза для старушки, которая умеет только ахать и извиняться.

— Вырождается, — усмехаюсь я.

Мы замираем друг напротив друга. Сна больше ни в одном глазу. Магия ещё действует, я это отчётливо понимаю, но меня почему-то не цепляет. Магия словно обтекает меня как вода валун. Я не питаю иллюзий, не зря говорят, что вода и камень точит, но у меня однозначно появилось время.

С чего я решила, что сходство возникло из-за морщин и цвета кожи?

Я склоняюсь в глубоком реверансе:

— Богиня Рейзан Судьбоносная.

— Узнала-таки.

Я выпрямляюсь. Когда я поднимаю глаза, вместо старухи передо мной молодая, пышущая здоровьем женщина. Я смотрю на неё, как на отражение лживого зеркала, зеркала, ухитряющегося показывать тебя во сто крат красивее, чем ты есть.

— Сложно не узнать, ведь вы дали мне лицо, хотя, кажется, я до сих пор не верю своим глазам, не верю оказанной чести.

— Ещё чему не веришь? — хмыкает она. Так знакомо...

Это был вопрос?

— Не верю нашему родству.

— О? Это почему же? — богине надоедает стоять, и она присаживается на алтарь, бедром без усилия сдвигая Колыбель, отчего одна сторона на вид весьма хрупкой ладьи оказывается над полом. Она хочет разбить артефакт?

Я пожимаю плечами:

— Даже люди из мира, не знающего магии, додумались до контрацепции. Какой смысл в потомках-однодневках?

— Знаешь, почему в императорской династии сплошь Дарны, Теории, Крессиды? Нередко даже у братьев одинаковые имена.

— Традиция.

Богиня качает головой:

— Традиции не возникают на пустом месте, а кровь не настолько важна, как душа. Тебя не удивило, что ты смогла повлиять на судьбу Даши, будучи простолюдиной? Но ты сделала это, как моя... дочь.

— Не внучка? — почему она интонацией подчёркивает “дочь”. Уж кем-кем, а моей матерью она быть не может. Хотя бы потому что вступать в брак со своим потомком — чистое извращение.

— Дочь. Духовная. Я столько рассказала, а ты до сих пор не поняла, Кресси?

— Вы намекаете, что души ваших потомков раз за разом перерождаются в нашей династии. Грубо говоря, умирает император Дарн Шестой, у его внука Теория рождается ребёнок, являющийся реинкарнацией императора Дарна и, зная это, имя ему дают Дарн.

— Кресси, я не намекаю, я прямо говорю. Помнишь легенду о моём рождении?

— Вы вышли из света звёзд, по движению которых древний мудрец пытался прочесть судьбу мира.

— Ага. Глупость... величайшая. Но, надо признать, часть про звёздный свет мне льстит. Действительность гораздо приземлённее. Я была смертной, но в череде реинкарнаций накопила достаточно сил, чтобы однажды вознестись. Я видела твои прошлые жизни, Кресси, ты не однодневка. Так почему ты не хочешь завершить ритуал? — она кивает на Колыбель.

Какой забавный переход.

— А вы этого хотите? Возможно, жертва принцессы стала для нас спасением, но за прошедшие века многое изменилось. Своему чутью я доверяю больше, чем советам мёртвой. Её душа...?

Богиня вытягивает руку, сжимает и разжимает кулак. Когда она раскрывает пальцы, на её ладони сидит крошечный светлячок, очень тусклый, болезненно мигающий. Привыкнув к мерцанию света, я замечаю, что светлячок не просто язычок пламени. Зрение перестраивается, и я, наконец, обретаю, полную картину. На ладони

богини свернулась миниатюрная феечка. Девушка свернулась клубком, под щеку по-детски подложила кулачок и спит, укрываясь растущими из спины стрекозиными крылышками.

Когда богиня повторно сжимает и разжимает пальцы, фея пропадает.

— Как видишь, я перехватила её в шаге от окончательного распада, восстанавливаться её придётся лет семьсот-восемьсот. Знаешь, решение, которое она приняла, было настолько сложным, что даже я, богиня судьбы, не могу сказать, правильное это решение или неправильное. Ты, мне кажется, тоже сомневаешься?

— Да.

— Ты похожа на меня гораздо больше, чем она. Возможно, через десяток жизней ты присоединишься ко мне.

Богиня спрыгивает с алтаря. В воздух потревоженной пылью взвивается звёздный вихрь, в котором богиня бесследно исчезает. Я провожаю её взглядом.

Надо же...

Было бы наивно ждать прямых подсказок, но даже эта отвлечённая беседа дала мне ответы на многие вопросы. И теперь я уверена, что двигаюсь в верном направлении. А ещё я уверена, что Рейзан больше не откликнется. В этой моей жизни. Впрочем, даже этих нескольких минут с избытком. На меня наваливается усталость, не имеющая никакого отношения к жертве принцессы Крессиды.

На подкашивающихся ногах я добираюсь до арочного входа и сползаю на пол. Спать не тянет, кажется, у меня не осталось сил, чтобы уснуть. Я не знаю, сколько я так сижу в оцепенении.

— Ваше высочество? — в себя меня приводит голос Бьянки.

К тому времени, как она спускается на площадку, я кое-как поднимаюсь на ноги, встречаю её стоя.

— Сможете подойти ко мне, леди? — моё зрение всё ещё работает по-иному, и я вижу, что мост в полном порядке. Да, он узкий, но по-прежнему крепкий. Трещины обманывают.

— Д-да.

Бьянка лишь на миг запинается, колодец по мосту она не переходит, а грациозно перепархивает.

Я кивком указываю на Колыбель:

— Полагаю, без жрецов-мужчин нам не обойтись.

Пора завершить начатое.

Глава 15

Три недели в храме проходят как три дня. Однообразие и скука...

Утренняя молитва, завтрак, условно свободное время, когда можно прогуляться по территории храмового комплекса, почитать религиозные трактаты или остаться в святилище. Затем обед, работы в храме. Заниматься уборкой и прочими неблагодарными занятиями нам с фрейлинами. естественно, не предлагали. Мы либо проверяли книги в библиотеке, либо вышивали знаки отличия на жреческом облачении, один раз нам поручили ревизию благовоний. Ежедневно мы неизменно присутствовали на заупокойной службе и отдавали почести почившей императорской принцессе. Ужин, вечерняя прогулка и сон.

Почти что санаторные условия, разве что кефира на ночь не хватает.

Но по-настоящему удручает отсутствие новостей. Храм живёт своим камерным укладом. Если у главного жреца и есть связь со столицей, мне об этом неизвестно. Приходится раз в неделю гонять оборвыша в столицу. Но это же ни о чём!

— Ваше высочество, — докладывает он вечером на исходе третьей недели, я даже отдохнуть с дороги ему не позволила, — слухи подтвердились. Великий хан за гибель посольства в качестве виры потребовал выдать ему вас младшей женой.

Надо же какой прогресс. В прошлой версии Олис выдал меня наложницей.

— Император...?

— Отказал. Войска спешно стягиваются к южным границам. На послезавтра назначен Совет, на котором будет определено, кто возглавит армию.

Я киваю.

Вопрос по-настоящему болезненный. Заговорщики ещё не арестованы, император покинуть столицу не может. Мог бы отправиться Тери, но он наследник, и лезть в эпицентр бойни, когда в спину могут ударить свои же южане, слишком опасно, папа, уверена, не пойдёт на риск. Лёк? Но в военных вопросах Лёк слаб, при нём должен быть надёжный советник. Олису по понятным причинам доверия нет. Остаётся всё же Лёк...

— Что-то ещё?

Оборвыш отрицательно качает головой.

— Ещё по столице ползут слухи. Нехорошие слухи. Говорят, что война будет бессмысленно-кровопролитной, что нас ждут большие потери, что убивать посольство грязный поступок. Слухи в шаге от того, чтобы открыто объявить императора Дарна Семнадцатого плохим правителем. На кронпринца помоев льётся не меньше.

— Ящерка!

Феликс — наконец-то! — я так ждала!

Ухмыльнувшись, Феликс вспоминает о галантности и отвечает мне поклон.

Я жестом отсылаю оборвыша. Пусть отдыхает, а заодно подумает, почему в его докладе не было столь важных вещей, о которых сообщил Феликс.

— Моя госпожа, ваш приказ выполнен.

— Ты так долго ползал, что я ещё с десятков приказов придумала.

— Ваше высочество, смилуйтесь! Позвольте хоть дыхание перевести, с сестрой парой слов перекинуться.

— Разве что парой. Свободен до утра. Жду тебя вместе с оборвышем сразу после завтрака.

Я, не скрываясь, жадно рассматриваю Феликса. Держится непринуждённо, ни намёка на травмы. Возможно, он скрывает, но откликнувшееся на мысленное усилие зрение подсказывает, что он по-настоящему в порядке. И вымотался — иначе бы не просил о передышке.

— Принцесса, вы не выслушаете, что я узнал?

Мне мерещится, или в голосе нотки неподдельной обиды?

Я улыбаюсь:

— Самое важное я услышала. Остальное терпит. Ящерка, поверь, завтра ты очень пожалеешь, что тратил время на вопросы, а не на сон.

— Принцесса, вы заботитесь обо мне. Я тронут.

— Пфф!

Мне бы тоже не помешало выспаться, но почти до самого рассвета я кручусь с боку на бок. Моя затея пугает меня до чёртиков, мне безумно стыдно, что я в очередной раз заставляю близких поволноваться, но альтернативы просто не вижу.

И остаётся одно — уповать на Судьбу.

А ещё мне не терпится расспросить Феликса, причём не о результатах расследования, а о том, как он провёл эти три недели. Мне не хватало его, и сейчас, когда я знаю, что он рядом, что достаточно кликнуть, и он придёт, сдерживаться очень трудно, я с нетерпением жду завтрашний день, кручусь под одеялом и засыпаю, лишь когда восточный край неба начинает светлеть.

Несмотря на бессонницу, просыпаюсь я вовремя и чувствую себя бодрой.

Молитва и завтрак проходят мимо моего сознания.

— Леди Бьянка, составьте мне компанию, — на совместную прогулку я приглашаю только старшую фрейлину. Несколько раз я уже поступала подобным образом, так что остальные не удивляются и вежливо уходят.

Двор я пересекаю излишне поспешно.

Бьянка не задаёт вопросов, а когда видит на площадке у колодца заранее приготовленную одежду, без слов помогает мне сменить храмовое платье на дорожный костюм. Только после этого она подаёт голос:

— Ваше высочество, мне нужно что-нибудь знать?

— Скрывай моё исчезновение до последнего. Перед отъездом поблаговари храм от моего имени. Вот приказ для командира отряда, — я протягиваю ей бумагу. — Если коротко, кортеж императорской принцессы Крессиды следует из Старого храма покровителей в столицу. Какой именно принцессы, людям знать не обязательно.

— Понимаю...

— Бьянка, император приказал тебе присматривать за мной, верно?

— Вы бесконечно прозорливы, ваше высочество. У меня с собой несколько почтовых голубей.

Она сжимает кулаки. Если я прикажу оставить птиц в клетках, Бьянка окажется между молотом и наковальней.

— Почтовому голубю понадобится чуть больше суток, чтобы добраться до столицы. Почему бы тебе не отправить записку сегодня, но после полудня? Желательно не кормить птицу, если ты ещё не успела, тогда голубю придётся отвлечься на поиск еды, и это ещё немного удлинит полёт. Я отправляюсь в столицу. Я хочу, чтобы моё появление на Совете стало для некоторых крайне неприятным

сюрпризом. И меня будет сопровождать мой рыцарь. Не тот, который проиграл турнир, а тот, который убил хана.

Бьянка расслабляется:

— Конечно, ваше высочество! Не беспокойтесь, я отправлю записку вовремя.

— Я запомню, Бьянка.

Я выпускаю её обратно во двор храма, а сама Дорогой королей спускаюсь к выходу. скалой скрытому от глаз гвардейцев.

Феликс и оборвыш меня уже ждут, встречают поклонами. Я отвечаю небрежным кивком обоим сразу. Начинаю с оборвыша. У меня для него единственный приказ — с этой минуты он защитник леди Кэтти Деор. Я нарочно отдаю приказ в присутствии Феликса, чтобы он был уверен, что о его сестре я позаботилась настолько, насколько смогла.

— Ваше высочество?

— Это всё, что от вас требуется до моего возвращения, лорд.

— Служу принцессе Крессиде Небесной!

Ну-ну.

Оборвыш понятиливо оставляет нас с Феликсом вдвоём.

— Ящерка...

— Принцесса, не знаю, что вы задумали, но мне заранее не нравится, — расплывается он в улыбке, за которой я легко угадываю нервозность.

Я улыбаюсь в ответ:

— О, да, ящерка. Как только узнаешь, тебе не понравится ещё больше. Раздевайся. Полностью.

О том, что окончание фразы — это приказ, который из-за клятвы Феликс не сможет игнорировать, я вспоминаю с опозданием, но вида не подаю. Ему ведь... всё равно раздеваться.

— Ваше высочество...

— Ничего нового я не увижу. Или увижу? Неужели порадуешь меня видом... хвоста?

Феликс молча и по-солдатски быстро избавляется от мундира и сапогов, остаётся босой в форменных штанах и полурасстёгнутой рубашке. Мы встречаемся взглядами, и меня почти физически обжигает. В глазах Феликса читается вызов, смысл которого я не успеваю осознать, потому что Феликс делает круговое движение

плечами, белая рубашка наполовину соскальзывает вниз. Игра ткани и обнажённой кожи завораживает. Феликс оказывается вплотную ко мне. Он исполняет приказ — рубашка медленно-медленно, по миллиметру продолжает скользить вниз.

Одной рукой он обхватывает меня за талию:

— Моя принцесса, вам нравятся провокации?

Он наклоняется ко мне. Губы чуть приоткрыты.

У меня есть бесконечность, чтобы отстраниться, приказать ему отойти, запретить. Да у меня сто тысяч возможностей остановить эту самую провокацию. Как угодно.

Наверное, надо остановить, но, следуя внезапному внутреннему порыву, я встаю на цыпочки.

— Да, ящерка, мне нравятся провокации, — выдыхаю я и целую, ещё и на шею обе руки ему закидываю, чтобы не сбежал.

Феликс сперва отвечает. Осознание приходит секунды спустя. Его глаза широко распахиваются, он замирает. Мне его ошарашенность никак не мешает.

— М-м...

Что он пытается промычать, не знаю. Не интересно. Его первая реакция лучше всего говорит о его истинных чувствах — в его глазах я достаточно привлекательна как женщина, чтобы испытывать ко мне влечение. И как личность я его по крайней мере интригую.

— Ящерка, ты забыл? Раздевайся.

При этом я не выпускаю его из объятий, не прерываю поцелуй. Я увлекаюсь, но не настолько, чтобы забыть про Совет. К сожалению. Ощувив, что Феликс обнимает меня обеими руками, а значит, разделся, я отстраняюсь. И не ошибаюсь. Одежда разбросана по земле, даже исподнее.

Я окидываю Феликса полным восхищения взглядом.

— Моя принцесса, на камнях не удобно.

— Ящерка, я собираюсь прокатиться на тебе таким образом, что камни мне не помешают.

Я не сомневаюсь, что Феликс изначально понял, к чему был мой приказ.

— Моя принцесса, вы жестоки.

Он собирает разбросанную одежду быстро складывает в оставленный тут же, у скалы, дорожный мешок. Выпрямившись,

Феликс смотрит на меня с ожиданием. Лёгкая, хорошо спрятанная нервозность, какую порой испытывают перед кабинетом врача, мешается с любопытством.

— Прими облик, истинный для твоего божественного предка, ящерка.

Надеюсь, я не перегнула палку?

Я не успеваю ничего рассмотреть. Феликс покрывается сплошной бронёй чешуи, а в следующий миг передо мной ящер. Или динозавр? Размер внушает. Не слон, но близко. Чтобы получился ящер нужно сложить трёх коней-тяжеловозов. Вытянутое тело на мощных лапах, ни малейшего сходства с тонкими, не предназначенными для бега на дальние дистанции лапками малой ипостаси. Длинная шея, голова напоминает змеиную. Пасть сверкает белоснежными клыками, между которыми двигается сдвоенный язык. Два шишкообразных рога у висков, за ними начинается гребень, растущий до кончика хвоста, гибкого, как хлыст и мощного. Столетнее дерево с одного удара свалит. А ещё на конце хвоста утолщение с костяными шипами, этакая естественная булава.

— С-с-с...

Ящер переступает с лапы на лапу, скалится.

Я бесстрашно шлёпаю его по носу, благо он наклонил ко мне голову, иначе бы я банально не достала.

— Ящерка, я ведь тебе обещала, что будешь у меня ездовым?

— С-с-с...

Едва ли Феликс доволен, но меня, если честно, прогулка верхом на нём тоже не прельщает. Нет, я бы с удовольствием прокатилась, но именно прокатилась, прогулочным шагом и недалеко. Причём в седле. В романе Олис специально заказал, помнится, мастерам пришлось изобретать целую систему ремней. Мне же предстоит ехать на голой спине, и я не представляю, как не свалиться на скорости.

Свой дорожный мешок я связываю с мешком Феликса.

— Ящерка, ты можешь лечь? А лучше выкопать яму и лечь. У меня, видишь ли, нет навыков скалолазания.

— С-с-с.

Это он смеётся надо мной? Пфф!

Феликс не ложится, поворачивается ко мне головой и разевает пасть. Выглядит так, будто собирается меня сожрать. А я ведь ему на

один укус. С такими челюстями как у него, запросто пополам переломит.

То, что я упомянула божественного предка... Может ли быть так, что клятва верности не действует, пока Феликс в ипостаси? Может, он таки собирается меня сожрать? Один укус, и он свободен.

Да нет, бред. Это просто пасть страшная. Внушающая. Я верю, что даже скинув поводок клятвы, Феликс не навредит мне, не захочет навредить.

Зубы смыкаются вокруг меня.

Феликс бережен. Мне самой приходится цепляться за клыки, чтобы... не оказаться выплюнутой. Убедившись, что я держусь, Феликс поднимет голову. Земля уходит из-под ног, я оказываюсь горизонтально. С трудом удерживаюсь от позорного визга.

Лишусь титула, открою первый в империи парк развлечений, а Феликса сделаю живым аттракционом. Что за чушь лезет в голову...

Избежать участи стать выплюнутой принцессой мне не удаётся. Изогнув шею, Феликс сплёвывает меня к себе на спину и напоследок проходится по шее и лицу шершавым языком.

— Это мечь, да?

Язык не мокрый, чуть влажный. Я даже не могу сказать, что мне неприятно. Но что за наглость!

— С-с-с.

Проще всего с дорожными мешками, их я цепляю между пластинами гребня. Свешиваясь в разные стороны, мешки друг друга уравнивают. А вот как самой угнеститься?

— Я слышала, что каждая девушка должна сесть мужчине на шею и свесить ножки. Терпимо или искать место на спине.

Я постаралась сесть не на самую шею, а в основание. Для ног упора нет, а вот руками, если распластаться по шее, можно дотянуться до рогов.

— С-с-с.

Шипение звучит предупреждающе. Феликс делает несколько пробных шагов.

— Надеюсь, ты не потеряешь меня по пути.

Теоретически я могу приказать меня не ронять, и Феликс удержит меня любой ценой, но я не стану стеснять его движения.

Постепенно Феликс наращивает скорость, позволяя мне привыкнуть. Дороге он предпочитает ломиться напрямую через лес, благо деревья растут достаточно далеко друг от друга, чтобы он мог спокойно пройти между стволами. А от ветра и веток меня прикрывает раскрывшийся кожистый капюшон.

Если в дороге ничего не случится, в столицу мы вернёмся с изрядным запасом времени.

Наивно...

Первая неприятность случается приблизительно через час — я натираю кожу рук до мозолей, и надувшиеся пузыри лопаются. Я жалею, что не вспомнила о перчатках вовремя. Ещё через пару часов жёсткая чешуя истирает ткань моего дорожного костюма и начинают страдать ноги. Тело от неудобной позы затекает, но сменить никак. Вскоре у меня в голове остаётся и крутится, как поставленная на повтор, единственная мысль — седло, мне нужно седло.

Ещё тяжелее становится после полудня. В плане дороге я полностью доверяю Феликсу и не лезу с глупыми командами, а он почему-то не делает привала, как бежал, так и бежит, не сбавляя темпа. Хочется пить, с каждым часом всё сильнее. Во рту мучительная сухость, от обезвоживания начинает болеть голова. А может, от голода. Не слишком питательный завтрак был рано утром, а дальше ни крошки.

Феликс бежит словно не испытывает трудностей.

Солнце уже клонится к закату, а мне с непривычки к подобным переходам откровенно плохо. Ящер замедляет бег. Я усилием воли поднимаю голову, осматриваюсь. С боков лес, впереди лес, ни намёка на что бы то ни было заслуживающего внимания. Ящер проходит несколько шагов. И вдруг падает. Я то ли скатываюсь по чешуйчатому боку, то ли слетаю. Небо и трава меняются местами, удар.

Я осознаю, что лежу на спине и в поясницу впивается нечто, смутно похожее на шишку. Собственно, она и есть, еловая. Я переворачиваюсь на четвереньки и кое-как сажусь на колени. Феликс, в человеческом виде, лежит на животе, придавленный нашими дорожными мешками. Придавленный — громко сказано. Я их легко скидываю, касаюсь его плеча. Феликс не реагирует. Я осторожно переворачиваю его. Реакции по-прежнему нет, глаза закрыты.

Тихо выругавшись, я прижимаю пальцы к его шее. Пульс бьётся, удары чёткие, ровные. Уже хорошо. Как делать непрямой массаж сердца я видела только на картинке и едва ли повторю. Феликс дышит. Мне кажется, что поверхностно, неглубоко, но я не специалист.

— Ящерка?

— М-м-м...

Есть ответ!

Феликс если и терял сознание, то сейчас он не в обмороке, а просто спит.

Так... Я заставила его использовать наследие предков на пределе возможностей. После аналогичного фокуса я умерла. Мда-а...

Будить точно не следует. Но и оставлять валяться просто так тоже нельзя.

Я осматриваюсь чуть внимательнее. Хотя не в муравейник свалились, вот было бы весело. Я открываю мешок Феликса. У меня с собой комплект сменной одежды для столицы, деньги — ничего, что может быть сейчас полезно. Нет, я знаю, что следовало взять флягу с водой, еду. Но где я добуду походный набор в храме? И рассчитывала я, что ночевать мы будем если не на постоялом дворе провинциального городка, то в деревне. А получилось даже не на поляне, просто посреди леса.

В отличие от меня Феликс оказался подготовленным, я нахожу и продовольствие, и бурдюк с водой. Я себе позволяю один небольшой глоток — чтобы убрать сухость, а то кажется, что язык прилип, и оторвётся только я мясом. Я приподнимаю голову Феликса, подношу к его губам горловину бурдюка. Клятва — это удобно. Поить спящего нельзя — человек может захлебнуться. По крайней мере так мне в прошлой жизни объяснял медик, мнению которого я доверяла. Но, приказывая, я могу быть уверена, что ни капли не в то горло не попадёт:

— Пей.

Одеть Феликса? Ограничусь исподним.

Я ещё раз осматриваюсь, достаю припрятанный на самом дне мешка нож и принимаюсь отрезать-отламывать еловые ветки. Опыта походов у меня нет, а вот из умных и не очень книжек я помню, что лапник годится вместо матраса.

Постель у нас будет одна на двоих, под ближайшим деревом.

Не знаю, сколько я нарубила веток — много или мало, на вид получилась целая куча. Колкая куча. Я озадаченно замираю — Феликс весь исколется, да и мне, открытым участкам тела, достанется. К счастью, у Феликса есть решение. Я нахожу в его вещах лёгкий, но достаточно плотный плащ. Устроив лежанку, я с трудом закатываю на неё Феликса.

— М-м-м...

Самостоятельно повернувшись он, не просыпаясь, подгребает меня под себя и ощутимо наваливается сверху.

Паршивец ногу мне через бедро перекидывает, руку кладёт поперёк живота, носом утыкается в шею и продолжает сопеть.

— Ящерица, — выдыхаю я.

Освободиться нет ни сил, ни желания. Даже голод отступает. Свободной рукой я дотягиваюсь до бурдюка, делаю ещё несколько глотков. И сама не замечаю, как отключаюсь, полый плаща и то не накрываюсь, лишь успеваю улыбнуться, что вместо одеяла у меня ящерка.

Проснувшись рано утром, я обнаруживаю, что позы поменялись. Феликс по-прежнему дрыхнет, но теперь он лежит на спине, вольготно раскинув руки-ноги, как морская звезда. А я лежу на нём.

Сползти или ещё поваляться? Феликс решает за меня:

— Ваше высочество, я же говорил, что на земле неудобно. Почему вы меня не слушаете?

Голос бодрый, вид тоже, но это ничего не значит. В том плане, что второй раз обращение Феликс не потянет, мы застряли невесть где посреди леса. Я не представляю, как далеко до столицы, зато представляю, что Совет назначен на сегодняшний день.

Утро раннее, если мы за час-два выберемся к людям, есть шанс остаток пути проделать на лошадях и всё-таки успеть.

Но сколько-то времени придётся потратить на сборы:

— Знаешь, тобой чешуйчатым я бы соблазнилась, а вот тобой лежащим, какдохлое бревно — нет.

— Вы меня недооцениваете, моя принцесса.

Феликс приподнимается и целует до головокружения. Задыхаясь, я отстраняюсь, а он самодовольно ухмыляется. Ладно, у него есть повод для самодовольства.

— Ты представляешь, где мы?

— В лесу, моя принцесса.

— Ящерка...

Феликс, не устыдившись, игнорирует мой вопрос, поднимается, на миг замирает в задумчивости. Вероятно, от идеи одеться он отказывается, сразу принимается за завтрак — достаёт из мешка вяленое мясо, половину отдаёт мне и вгрызается в свой кусок.

Я слеую его примеру.

Его молчание бесит. Я не собиралась лишний раз дёргать за поводок клятвы, но Феликс буквально напрашивается. Он, будто почувствовав, что я закипаю, проглатывает, запивает водой.

— Принцесса, я не представляю, где мы.

— Что ты сейчас сказал?!

— Я приблизительно представляю. Я выдерживал нужное направление. Помните, мы обходили по дуге крупное село, а потом вы визжали, когда я через ручей прыгнул?

— И? — хмурюсь я.

— Я выдерживал ориентиры, но ближе к вечеру мог сбиться. Мог не сбиться. Предполагаю, что столица близко. Но не уверен. Поэтому сейчас я доем, и вы мне, как вчера прикажете обернуться.

Зря он мне тот визг припомнил, мне есть, чем ответить.

— Ящерка, ты забыл, как вчера свалился голым задом кверху? Какой оборот? Хочешь застрять в зверином облике? Угроза потери человеческой личности никуда не делась.

— Принцесса, неужели ради меня вы пропустите Совет, на который так желали попасть? Пешком нам точно не добраться.

Пешком... Феликс прав, я скорее ноги переломаю, чем куда-то доковыляю по лесу, тем более после вчерашней гонки тело ломит, я чувствую себя избитой, вымотанной. Словом, к подвигам не готовой.

Я медлю.

— Ящерка...

— Принцесса, я не смогу обернуться сам, поэтому вам придётся взять на себя ответственность за приказ, — Феликс чеканит каждое слово будто молотком гвоздь забивает.

На что он таким тоном намекает?!

— Ты думаешь, я ответственности боюсь?! Дурак что ли? На Совет мне нужно, но никакого самопожертвования. Пешком пойдём.

Феликс ухмыляется:

— Вы себе противоречите, принцесса, — теперь его голос звучит мягче, обволакивающе. — Утверждаете, что никакого самопожертвования, но тут же объявляете, что разобьёте ради меня свои восхитительные ножки, которыми только по коврам ходить.

— Ящерка.

Что-то он разошёлся лишнего.

— Принцесса, очевидно же! Прикажите мне обернуться при условии, что оборот и, скажем, часовое пребывание в обличье ящера не приведёт к необратимым последствиям. Если это сработает, то мы будем уверены, что время у меня точно есть, и тогда уже прикажите вернуться к человеческому облику за четверть часа до того, как облик ящера станет опасен для человеческой сути.

Ха...

— Ящерка, да ты гений.

— Только подождите секунду, ваше высочество. Я исподнее сниму. И не беспокойтесь больше, чем следует, божественность божественности рознь.

— В смысле?

Феликс позволяет себе взгляд усталого мудреца, выслушивающего лепет пятилетки. Очередная наглость... Я угрожающе прищуриваюсь. Феликс тотчас меняет выражение лица, изображая полнейшую невинность, но продолжает серьёзным тоном, без неуместных шуток:

— Как я понимаю, сейчас я высказываю исключительно свои догадки, потомки всех древних родов так или иначе дорого платят за свой божественное наследие, но не стоит думать, что цена одинаковая. Договариваться с судьбой дороже. Мне проще, чем вам, моя принцесса.

Не убедительно, но здоровое зерно в рассуждениях Феликса есть. Я за несколько минут чтения Книги судьбы свалилась мёртвой, а Феликс больше шести часов пребывал в ипостаси и всего лишь устал и уснул.

Я всё ещё не уверена, что стоит рисковать, однако вплетение в приказ условий действительно послужит хорошей страховкой.

— Ты прав, — вздыхаю я, так и не найдя другого решения.

Отдав приказ, я замираю.

Феликс оборачивается.

— С-с-с..., — успокаивает он меня, а затем, как вчера, прихватывает зубами и закидывает на спину. Я только и успеваю, что подхватить наши мешки. — С-с-с...

Сегодня Феликс идёт заметно тяжелее, медленнее. И у очередного ручейка с удивительно прозрачной водой и чистым галечным дном он останавливается и принимается жадно лакать.

— Ты голодный? — догадываюсь я.

Наверное, еда, которую получил человек, либо не достаётся звериной ипостаси, либо достаётся, но по меркам громадного ящера это такие крохи, что их заметить невозможно.

— С-с-с.

Как истолковать шипение, не известно.

Феликс устремляется вперёд прямо по руслу, вниз по течению. Ручеёк мелкий, вода до брюха не достаёт. И если бы Феликс просто шёл... Но он бежит, из-под лап по все стороны разлетаются брызги. Меня окатывает при каждом его шаге. Никогда не любила холодный душ...

Но я терплю. Во-первых, очевидно, что по галечной дорожке бежать легче, чем ломиться по бездорожью, выискивая проход, между стволов. Лес, увы, стал заметно гуще. Во-вторых, в ручейке серебристыми молниями мелькают непуганные рыбёшки. Самая крупная, пожалуй, длиной с мою ладонь, мелочь и вовсе с указательный палец. Феликс на ходу ухитряется их ловить — пригнул голову и фильтрует воду через клыки, а время от времени голову поднимает, чтобы щёлкнуть челюстями, проглатывая скудную добычу. С его габаритами, как мне кажется, чтобы хоть намёк на сытость ощутить, всех рыб этого ручья не хватит.

Вскоре мы выбираемся к лесному озеру, в которое и впадает ручей. Я напрягаюсь. Окунаться в ледяную воду нет никакого желания. К счастью, Феликс сворачивает. Я замечаю, что он резко меняет направление, мы идём наискось к прежнему курсу, почти что перпендикулярно. Видимо, Феликс узнал местность, и надежда, что мы успеем вовремя, крепнет.

А солнце ползёт к зениту...

Лес расступается, и мы выбираемся к каменным развалам. Лучше всего сохранились упавшие колонны. Некоторые переломились, некоторые развалились на несколько частей, но представить, какими

они были до падения, легко. Перекрытиям и декору повезло меньше — фрагменты настолько мелкие, что не опознать. Подозреваю, что вижу остатки святилища. Около семисот лет назад правил император Теорий Безумный. Вёл, кстати, весьма эффективную как внутреннюю, так и внешнюю политику, а прозвище получил за то, что маниакально строил святилища, в отдалённой деревеньке на пяток домов мог возвести сразу пару храмов. Лишившись государственной поддержки, когда к власти пришёл Леорий Девятый, храмы пришли в запустение, так что я не вижу ничего необычного в том, что под столицей очередные руины.

Феликс зачем-то остановился, словно предлагает рассмотреть развал камней во всех подробностях. Не только остановился. Феликс подгибает лапы, ложится и всячески демонстрирует, что нужно слезть. Лёг он удачно, как раз к пеньку от колонны, я могу легко на него перебраться. Но как с высоты спрыгивать на землю?

— Ящерка?

— С-с-с...

— Я не понимаю.

— С-с-с.

Феликс заваливается на спину, перекатывается, встаёт.

Он перевернулся...

— Оборот? Ты хочешь обернуться?

Феликс кивает.

Зачем?

Приказ я отдаю, и вместо ящера передо мной на земле оказывается Феликс.

— Принцесса, мне одно интересно. Вы так и собирались днём по городским улицам ехать на крокодиле с ногами кузнечика? Бедные горожане... Уверен, они бы разбегались в ужасе. Нет, пусть бегут, иначе мы в толпе увязнем. Но вы подумали о стражах? Они откроют стрельбу до того, как рассмотрят вас у меня на спине, даже если я опущу капюшон.

— Можно выйти на тракт и взять лошадей. Почему ты утром не спросил, если считаешь, что это важно? — как по мне, всё очевидно, печать-то висящую на цепочке под воротом Феликс видел.

— Потому что есть вариант лучше.

Феликс успел одеться, обуться, подхватить оба мешка.

— Хм?

Вместо ответа Феликс вплотную подходит к пеньку, на котором я так и сижу, протягивает руки:

— Прыгайте, принцесса, не бойтесь, поймаю.

Страшно...

Я крепко зажмуриваюсь и не прыгаю, а неуклюже сваливаюсь.

Чтобы свалиться напрямик в надёжные объятья. Ноги мягко касаются земли, над ухом раздаётся нарочито тяжёлый вздох. Феликс прижимает меня к себе. Я открываю один глаз:

— Вообще-то я рассчитывала на крепкое обнажённое плечо.

— Есть своя прелесть в том, чтобы разбивать чужие надежды, верно, принцесса?

— Пфф!

Феликс очень точно сказал.

По-прежнему ничего не объясняя, он ведёт меня к центру руин, а я вместо того, чтобы беспокоиться об опоздании, прислушиваюсь к ощущениям. Его пальцы крепко обхватывают моё запястье — так приятно. Жаль, что отпускает быстро, потому что дальше вдвоём одновременно не протиснуться.

Первый и подземные этажи частично сохранились. Феликс, показывая мне путь, первым пробирается между особенно крупных каменных блоков. Я следую за ним.

Куда он меня ведёт, я начала догадываться.

В полутьме, солнечный свет едва пробивается сквозь трещины, мы преодолеваем ещё одно препятствие и оказываемся в квадратной комнате. На стенах сохранились барельефы с сюжетными сценками. Разбираться, что именно изображено некогда. Феликс нажимает на ничем не примечательный камень, и в полу открывается люк.

— Быстрее, ваше высочество, сейчас захлопнется.

— Лови.

Люк закрывается бесшумно, и мы оказываемся в темноте. Ненадолго. Феликс зажигает невесть откуда взявшийся факел. Второй, подожжённый от первого, протягивает мне. В неяром свете пляшущих огней вопрос отпадает сам собой. У стены громоздятся ящики, всевозможные сундуки, отдельно свалены мешки с чем-то пушистым. И здесь же заготовлены факелы.

— Магические лампы здесь почему-то очень плохо горят, постоянно гаснут.

— Бывает.

— Ага. Нам туда, в столицу. Ваше высочество, вы же помните, что я контрабандист? С грязью и товарами вроде энергетических камней я не связывался, а всякое разное...

— И ты решил сдать мне ход контрабандистов?

— Мы выйдем в среднем городе, оттуда верхом до Дворца доберёмся меньше, чем за полчаса. Лошадей с вашей печатью легко отберём у первого попавшегося патруля стражей. Мы успеваем...

— Не слышу в твоём голосе уверенности.

— По пути всегда можно встретить неприятности, ваше высочество.

Пока что неприятностями не пахнет. Коридор прямой, без ответвлений. Разрушения остались позади, стены, пол и потолок словно вчера сделаны. Даже намёк на декор есть — каждые десять-пятнадцать шагов встречаются стилизованные изображения книг. Сухо. Движений воздуха не чувствуется, но какая-то вентиляция явно есть.

Лучше, чем шагать по лесу.

Однако Феликс довольным не выглядит. Напряжённый, хмурый, время от времени он отдаёт мне свой факел и ныряет в темноту, потом возвращается. Я без слов догадываюсь, что он опасается встречи с бывшими поделельниками.

Тут многокилометровый коридор, укрыться негде, выскочить на поверхность негде, только бежать назад. Если мы влетим в бандитов, им труда не составит перещёлкать нас из арбалета.

Феликс возвращается особенно мрачным:

— Принцесса, нам не стоит сталкиваться с теми, кто здесь обитает. Шушеру всякую вашу печать напугает до мокрых штанов, но можем налететь и на конченных отморожков. Мне кажется, я что-то слышал, но я не уверен. Ваш дар нам может как-нибудь помочь?

В теории — да. На практике — я им не владею.

Яжимаю плечами, прикусываю губу. Обращаться к Книге из-за такой мелочи кощунство. Я бы обратилась, но расплата — затяжной обморок. Вместо ответа Феликс получит тело, которое нужно тащить. Или бросить, потому что клятва на этот счёт ни к чему не обязывает.

Реальный шанс — переключить зрение и попытаться что-нибудь рассмотреть. Звучит просто, и я изо всех сил напрягаю глаза. Со стороны, наверное, на лупоглазую жабу похожа. Бесполезно...

— Отступаем, — командует Феликс, сбивая настрой.

— Куда это вы собрались, голубки? — заговаривает темнота мягким баритоном, и вспыхивают факелы.

В коридоре становится светло как днём. Одного взгляда хватает, чтобы понять — мы влипли, встряли по полной программе. Случились те самые неприятности, о которых предупреждал Феликс. Четыре патлатых, не знающих шампуня, головы и одна лысая. Главному на вид лет сорок, сзади жмётся паренёк лет семнадцати-восемнадцати, но уже без двух зубов. Кинжалы, ножи, кастеты... То, что я не вижу стрелкового оружия, не означает, что его нет.

— Горбыль, — Феликс выступает вперёд и прикрывает меня собой.

Горбыль — это кличка такая?

Бандит поглаживает рукоять клинка:

— Ба! Крысёныш! Баяли, что тебя с концами закрыли, и вдруг такая нежданная встреча.

Приказать Феликсу обернуться? От ипостаси мелкой ящерицы проку нет, разве что бандиты со смеху помрут. Крупный ящер в тесноте коридора превратится в ящера раздавленного. Плохо...

— Все знают, что камнями я не занимаюсь, вот и отпустили.

— Свистишь, крысёныш. И поступаешь нехорошо. Тебе следовало к Старшему на глаза явиться, поздороваться. А ты? Не уважаешь? Но это недолго, Старший быстро тебе напомнит, кто он, а кто ты. Что цыпочку привёл, тебе зачтётся. Горячая девочка, необъезженная, как раз во вкусе Старшего, гы.

— Горбыль, я завязал, а здесь просто мимо проходил, вот и давай миром разойдёмся, — Феликс вынимает меч.

Бандиты расступаются, пропускают рыжего бородача с ловчей сетью в руках.

— Вообще-то мы торопимся, — влезаю я не терпящим возражения тоном. Тем самым моим любимым тоном капризной мерзавочки.

Кто больше удивляется, бандиты или Феликс, не знаю.

— Гы, — почему-то скалится Горбыль.

Я запускаю руку под ворота, выуживаю цепочку с висящей на ней печатью. Выглядит она скромно, оттиск я к бандитам не поворачиваю. Они с некоторым любопытством наблюдают, как я прижимаю печать к изображению книги на стене.

С грохотом обрушиваются решётки, одна за нашими с Феликсом спинами, одна — за спинами бандитов, и одна — между нашими тёплыми компаниями. Мы будто в отдельных клетках оказываемся.

Я могла бы обрушить и каменные стены. Но как тогда вести задушевные беседы?

— Это... Это чё такое?! Я не понял.

Ещё одна решётка выходит из стены, и эта решётка разительно отличается от предыдущих. Во-первых, секция не перегораживает коридор, а делит его на два рукава. Во-вторых, вместо толстых прутьев острейшие лезвия. Если решётка дойдёт до противоположной стены, вместо бандитов получится фарш.

— Думаешь, этот ход проложили для такой падали, как ты?

Теорий Безумный не только храмы строил.

Решётка вынуждает бандитов прижаться к стене. Я останавливаю её движение — увы, я не готова устраивать мясорубку и принимать кровавый душ. Открыв половинки поперечных решёток, я спокойно прохожу мимо бандитов. Крупные ячейки клетки не мешают им достать меня ножом, им мешает моя легендарная броня.

Не напали. Ни на меня, ни на Феликса.

— Эй, погодь! Давай обсудим.

— Я же сказала, что тороплюсь. Вот что непонятного?

Глава 16

Заминка с бандой, как и короткая остановка, чтобы я могла сменить изодранный дорожный костюм на новый охотничий, не мешала нам выбраться из-под земли до полудня и прибыть во дворец вовремя.

Я отпускаю Феликса отдыхать — во дворце он мне не нужен — а сама направляюсь напрямик к залу Совета, на второй этаж. Зал под потолком опоясывает невидимая из зала галерея, зато с неё и видно, и слышно. С неё за работой Совета наблюдают несовершеннолетние принцы, которым в зале присутствовать ещё не по возрасту, а учиться нужно. Этим, конечно, использование галереи не ограничивается.

— Принцесса?!

— Ваше высочество?

Я игнорирую гвардейцев, выхожу на галерею. На неё гвардейцам ходу нет. Без веской причины, разумеется. Если устроить на галерее драку, то ворвутся сразу.

На галерее я не одна.

— Ваше высочество? — Олис первый, кто не особенно удивлён моим возвращением.

— Доброго дня, принц Олис, — я встаю рядом с ним у смотрового окна. — К счастью, я не ошиблась, вы здесь.

Совет в разгаре, и проходит на редкость шумно. Я бы даже сказала базарно.

— Чем обязан, принцесса Крессида?

— Ничего особенного. Я надеялась, что в паре слов вы обрисуете, что я пропустила, — я кивком указываю вниз. — Кого назначают главнокомандующим?

— До главнокомандующего ещё не дошло. Три четверти Совета, особенно настойчивы южане, требуют возложить вину за гибель посольства на вас и вашего рыцаря, — Олис косится на меня, словно опасается реакции.

Внешне я сама беззаботность.

— Какие глупые южане... Дальше?

— Они настаивают на умиротворении Великого хана через династический брак.

— Изначально Совет создавался как совещательный, чтобы император мог выслушать идеи умных людей и принять решение.

Олис ошеломлённо поворачивается ко мне:

— Принцесса, вы хотите... распустить Совет?!

— Не распустить. Разогнать. Но это чуть позже, не сегодня. Сегодня, раз уж они хотят назначить меня виноватой, мне стоит послушать их лично, не так ли? Помнишь, что я обещала, если ты выберешь верность и преданность нашему роду?

— Помню.

— Почему бы тебе не возглавить армию? Думаю, герцогу это понравится?

Олис пожимает плечами:

— Зато императору не понравится. Принцесса, не важно, на чьей я стороне, я внук одного из ключевых заговорщиков. Император не

позволит мне не то что возглавить армию, а даже крохи военного влияния получить.

— С моей-то поддержкой? Ладно, не имеет значения, что вы меня недооцениваете. Главное, что вы согласны. Кстати, сейчас будет весьма занятно, не спешите уходить.

С галереи можно выйти в коридор второго этажа, а можно спуститься по винтовой лестнице на первый и попасть ко входу в зал Совета. Я спускаюсь по лестнице. Пора осушить это болото, ишь, лягушки расквакались.

Конечно, сходу, что лорды в Совете все сплошь либо предатели интересов империи, либо бараны тупоголовые, от которых стране одна польза — на мясо отправить, я заявлять не буду, проявлю чудеса сдержанности и дипломатичности.

Новости о моём возвращении докатиться до зала Совета не успели. Герольд смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Я не сбавляю шага, гвардейцы на карауле вынуждены меня пропустить, они распахивают для меня двустворчатые двери. Опомнившись, герольд зычно объявляет:

— Её высочество императорская принцесса Крессида Небесная.

Я вхожу в зал раньше, чем герольд успевает закончить. Вхожу стремительным шагом.

— Герцог Майрай, почему так скромно?

Когда к тебе обращается императорская особа, ты обязан встать. Герцог вынужденно поднимается. Он не скрывает неприязни.

Я бегло оглядываю зал. Кресла и троны выставляются лакеями перед каждым заседанием по количеству предполагаемых участников. Если бы я захотела присутствовать, для меня бы поставили трон, не такой роскошный, как у императора, и поставили бы его сбоку-сзади от папиного. Словом, сесть мне негде.

Также стремительно я исполняю реверанс, в нарушение всех приличий не дожидаясь ответа и поднимаюсь на возвышение.

— Кресси? — тихо окликает папа.

Я игнорирую, разворачиваюсь лицом к Совету, а рукой удобно опираюсь на спинку папиного трона.

— Герцог Майрай, я спрашиваю. Почему так скромно? Почему вы предлагаете отдать Великому хану только императорскую кровь? Почему уж сразу юг не отдать?

— Ваше высочество, простите, но вы всегда держались вдали от государственных дел и говорите что-то неразумное. Именно империя виновата...

— Это вам Великий хан так сказал, герцог?

— Принцесса, осторожнее со словами. Вы обвиняете меня в сговоре с Великим ханом?

— Не сейчас, но обвиню обязательно.

В зале и до этого с моим появлением тихо стало, а после насмешливого завуалированного обвинения лорды дышать боятся, только моргают. И почему я раньше Советы не посещала? Оказывается, это очень весело.

— Принцесса Крессида, — окликает папа, чуть повысив голос.

Мы будем играть в злую и доброго полицейского? Скорее, папа просто хочет закрыть рот, сошедшей с ума дочке. Ха!

— Герцог, посольство степняков с одобрения Великого хана готовило диверсию. Степняки возвели в нашей столице своё святилище. Доказательства исчерпывающие. Если вы не потрудились до начала Совета с ними ознакомиться, это ваши проблемы, а отнюдь не повод для гордости и козыряния. Если же вы не понимаете, что действия степняков с прямого попустительства Великого хана — это сознательная ломка и без того хрупкого мирного равновесия между нами, у вас серьёзные интеллектуальные нарушения, являющиеся веским противопоказанием для государственной службы.

— Принцесса, вы хотите залить степи кровью наших солдат?

А вот и герцог номер два, помнится, я его супругу “сладкую вишенку” развела на двести золотых во имя благотворительности. Полез, кто бы сомневался.

— Вы настолько низкого мнения о наших солдатах, герцог? Жаль... Я напому вам, что мой чёрный рыцарь, боец не последний, но тем не менее, ничем не выдающийся, можно сказать, обычный, с лёгкостью распотрошил хана, считающегося одним из лучших воинов степняков, настолько выдающимся, что слухи прочили ему возвышение до Великого хана. Но слухи обманулись, хвалёный хан позорно убится об имперский меч. Чтобы доказать это я, клянусь именем Рейзан Судьбоносной, лично возглавлю армию и поведу в бой.

И тишина...

Лорды теперь и правда похожи на лягушек, чьё болото резко стало пустыней. Сидят, глаза пучат. Оба герцога заткнулись, будто дара речи лишились. Едва ли кто осмелится возражать после моего громкого заявления. Я всматриваюсь в лица, отмечаю лордов, которые первыми выходят из ступора — эти, значит, умные, их следует взять на карандаш. Оба герцога вполне осмысленно переглядываются. И скорее они выглядят довольными, чем недовольными. Наверное, Великому хану без разницы, получит он меня как младшую жену или пленницу.

— К-кресси? — а вот папа в себя приходит с трудом.

Пап, прости. Мне очень жаль, что я заставляю тебя волноваться, но иначе никак. В прошлом Хранительницы не лезли на передовую, но в отличие от меня у них были сила и авторитет. Допустим, армию возглавит Теорий. И что, будет он прислушиваться к советам из моих писем? К тем, которые ему покажутся разумными — да. По факту у меня не будет никакого реального влияния, а это никуда не годится. Да и способности свои я толком не контролирую, находясь в эпицентре, я увижу больше.

Запретить мне отец уже не может, потому что клятва именем нашей богини не то, что может переступить император. Точнее, да, он может запретить, может в приказном порядке оставить меня в столице или вернуть в Старый храм, что угодно может. Но тогда я стану клятвopеcтyпницeй — богиня же умеет наказывать страшно.

— Ваше высочество императорская принцесса Крессида Небесная, позвольте выразить вам своё глубокое восхищение вашей решительностью. Восхищение и уважение. Но всё же позвольте заметить, что у вас нет военного опыта.

— Герцог, вы рекомендуете опираться на достойного заместителя? В этом я с вами абсолютно согласна.

Герцог, я понимаю, что вы задумали. Если бы вы знали, что прямо сейчас действуете мне на пользу, вы бы локти себе сгрызли с досады. Можно было упомянуть просто советника, я нарочно говорю о заместителе, подставляюсь.

— Крессида, — папа тоже понял, что происходит, но, наверное, решил, что я оступаюсь и пытается остановить. Или просто поддерживает правдоподобность разворачивающегося спектакля, не знаю.

— Я убеждён, что кронпринц нужен столице, к тому же было бы несколько странно, если бы его высочество оказался в вашем подчинении, при всём к вам уважении, принцесса Крессида.

— Я согласна с вами полностью, герцог Майрай.

— Его высочество принц Лексан тяготеет к финансам и дипломатии, но никак не к военному делу.

— Вы опять же правы, герцог, — поощряю я.

— Я уверен, принц Олис станет для вас надёжной опорой. К тому же его высочество достиг совершеннолетия, пришло время ему проявить себя достойно во славу империи.

Южане подхватывают, прославляют Олиса на все лады. В зале сгущается напряжение. Папа даёт им высказаться. Я знаю, он собирается отказать. Я опережаю. Повысив голос, я перекрикиваю кваканье:

— Да, герцог, как от вас и ожидалось. Не могу представить кандидатуры достойнее его высочества принца Олиса. Ваше величество, — я отступаю от трона и поворачиваюсь полубоком к папе, склоняюсь в низком реверансе, — я умоляю в качестве заместителя отправить со мной его высочество принца Олиса.

— Принц Олис юн.

Я упрямо стою, согнувшись:

— Ваше величество, я умоляю в качестве заместителя отправить со мной его высочество принца Олиса.

— Ваше величество, — подхватывают герцоги наперебой, — поскольку принцесса Крессида возглавит армию разве мы не должны прислушаться к её мнению?

— Ваше величество, от имени лордов юга я прошу дать принцу Олису шанс проявить себя.

А я всё ещё сгибаюсь в реверансе.

Папа не сможет отказать — слишком велико давление с одной стороны, и моё упрямство — с другой.

— Что же, мы нашей императорской волей приказываем принцессе Крессиде Небесной возглавить армию и поручаем назначать заместителя самостоятельно.

Не назначить, а назначать — я вправе менять заместителя по своему усмотрению без согласования с императором. Приятный бонус, но бесполезный в моих планах. Если только Олис не совершит ошибку.

— Благодарю, ваше императорское величество.

Вслед за мной благодарят лорды.

Только вот папа от нашего нестройного хора не в восторге:

— Совет окончен, — объявляет он. — Принцесса, мы прямо сейчас примем вас в нашем рабочем кабинете.

Угу.

Папа величественно поднимается с трона, обводит собравшихся тяжёлым взглядом и молча поворачивает к боковому выходу. Я следую за ним. Лорды провожают нас поклонами.

Я ожидаю, что папа втолкнёт меня в ближайший тайный ход, но он, размашисто шагая, действительно направляется к кабинету. Но вдруг посреди коридора останавливается и, по-прежнему глядя только вперёд, меняет распоряжение:

— Впрочем, нет. Разговора не будет, а в остальном делайте, что хотите, ваше высочество принцесса Крессида.

Ну... я и так делаю, что хочу.

Гвардейцы маячат позади, больше в коридоре никого, а караульные привычны к разным сценам, и их обязанность молчать, забывая сразу, как свидетелями того, что видеть не следует. Я одним слитным шагом догоняю папу, приобнимаю со спины:

— Па, я всё объясню. Я...

— Ха! — он резко сбрасывает мои ладони с плеч.

Довела.

Я не теряю надежды объясниться, тем более аргументы у меня убедительные:

— Па, Тери не может видеть подсказки Книги, а я не для империи стараюсь. Я пытаюсь предотвратить полное истребление нашего рода. Ты думаешь в Старом храме покровителей я была в безопасности? А вот нет. Там для меня с каждым днём становилось всё опаснее и опаснее.

Не те слова, которые он может проигнорировать. И он спрашивает:

— С чего бы, ваше высочество? — скепсис бьёт фонтаном.

— Столичное святилище степняков, ваше величество. Сколько их шаманов скрывается у нас под боком? Под видом жрецов шаманы могли бы попасть в храм, и их степные боги вполне могли бы помочь справиться с магией Старого храма. На время, разумеется, а шаманам

больше и не нужно, они в набегах хороши, а не в войне. Возможно, они даже пытались прорваться, не уверена.

Рейзан ведь не без причины появилась. Не верю, что исключительно ради меня.

— Звучит почти убедительно, ваше высочество. Только... Зачем степнякам вас похищать?

Может, всё-таки в кабинете поговорим? Я кошусь на гвардейцев, и кое-что мне не нравится. Но на вопрос я отвечаю:

— Я не знаю, ваше величество. Не знаю для какого ритуала Великому хану нужна дочь Рейзан Судьбоносной, но знаю, что хан будет раз за разом пытаться меня получить, пока не преуспеет или пока не умрёт. Предпочитаю второе.

— Кресси?

Я выразительно кошусь за спину, намекая, что чужие уши, какими бы привычными они ни были, всё же лишние, кормить их не нужно, потом прищуриваюсь и тихо спрашиваю:

— Среди этих гвардейцев есть Безликие?

— Нет, — также тихо отвечает папа, вмиг подобравшись.

Я отворачиваюсь, чтобы гвардейцы не смогли читать по губам.

— Есть. Я вижу что-то вроде мутной дымки, окружающей фигуру, и у лица подобие полупрозрачной маски. Не пойму, куда тянется связь, но это и так понятно, к регалиям в Малую сокровищницу. Пап, прямо сейчас примешь меры?

— Нет, чуть позже. Ты убедила, Кресси, я хочу послушать, как именно ты собралась заговаривать мне зубы.

Я усмехаюсь.

Не только заговаривать.

Ухватив папу под локоть, я с лёгким вызовом прищуриваюсь — сбросит он мою руку снова или нет? Он вздыхает, удручённо качает головой. Руку не сбрасывает. Так мы и идём вместе, как будто не ссорились только что. Проходим по коридорам. В приёмной Рыжик вскрикивает со своего места при нашем появлении. Возможно, у него был какой-то доклад, но папа собственноручно захлопывает дверь кабинета перед его носом.

Пройдя вперёд, я не падаю в ближайшее кресло, как привыкла, касаюсь скрытого под одеждой легендарного амулета и мысленно выбираю парадный вариант брони. Папа как раз стоит лицом ко мне и

видит во всей красе, как из моей груди вырываются бронзовые ленты и оплетают тело, сливаясь в надёжный доспех.

— Я вернула легенду, папа, — улыбаюсь я, от шлема я отказалась, доспех прикрывает лишь шею. — Книга подсказала.

— Ты намекаешь, что будешь в безопасности?

— Нет, пап. Какая безопасность на войне? Но я буду хорошо защищена, легендарный доспех это козырь, которого от меня никто не ждёт.

Я убираю броню.

Папа качает головой.

— Кресси, — в голосе сквозит неожиданная боль, — Кресси, я не хочу потерять тебя, как потерял твою маму.

— Именно поэтому я еду, пап, — обнимаю я его. — Ты же не думаешь, что я настолько глупая, что хочу приключений под стрелами? Нет, не хочу. И ехать на юг совсем не хочу. Там жарко, солнце шкварит, с каждым вдохом воздух обжигает внутренности. Я там обгорю. Смотри какая у меня белая кожа, — показываю я руку. — Я вернусь черномазая, как головёшка. Как крестьянка... Но, пап, Книга показала гибель нашего рода, всего. Тебя, меня, Тери, Лёка. И Книга показывает, как избежать бед. Но если я проигнорирую подсказку, что будет? М-м-м? Я ведь сама не до конца понимаю, что и как. И читать Книгу свободно не получается. Зато я чётко улавливаю подсказки. Хочешь, я привезу тебе голову Великого хана?

— Ты ворвалась на заседание Совета, Кресси.

— Ага. Когда я вернусь с триумфом, мы его разгоним, договорились? Видишь, я уже научилась предупреждать.

Папа щёлкает меня по носу указательным пальцем:

— Предупреждать. Кресси, я уверен, Большая императорская корона очень пойдёт к твоим волосам. Зачем мелочиться? Я подвинусь. Честно слово, готов тебе уступить.

Вроде шутка, но очень похоже на проверку.

Я закатываю глаза:

— Папа, ты не можешь так говорить.

— Почему? — усмехается он. — Потому что я император?

— Да, папа, потому что конкретно сейчас ты император и обязан заботиться о благе империи. Ты представь только тот кошмар, который начнётся, попади корона в мои руки. Я же не ты, я же этих квакающих

лордов быстро в Тан-Дан затрамбую. Знаешь, я тут краем уха слышала, что лягушачьи лапки весьма вкусны.

— Кресси, а теперь серьезно. Зачем тебе Олис?

— Я вижу вариант, при котором Олис будет полезен. Пап, он, насколько я понимаю, нас не предавал и к власти в целом не рвётся. Книга показала, что он очень любит свою мать, и на его чувства можно положиться. В том плане, что он не будет нарочно ставить жизнь своей матери под угрозу.

— Ни ты, ни Олис не имеете опыта ведения военной кампании.

Я пожимаю плечами:

— Дай мне надёжного генерала для подстраховки. Строго говоря, кровопролитие в мои планы не входит. Я собираюсь нанести один точечный удар, которым обрушу степной картонный домик.

— Хм?

— Угу. Пап, у меня по Книге есть кое-какие намётки, но пока они не особо внятные.

Вру. План у меня в голове расписан по шагам, затруднение только с самыми последними пунктами, надо уточнить некоторые детали и внести коррективы, но озвучивать свой план я не стану, потому что мой план чистое безумие. И не всё будет зависеть от меня...

— Как отца ты меня не убедила, Кресси, запереть бы тебя в Тан-Дане от греха подальше. В камере даже ты приключений не найдёшь. Но как император я убеждён. Когда выступаешь?

— Как можно скорее, пап. Хан ждать не будет, нападёт на наш юг. Расклада, когда герцог Майрай поднимает мятеж и переходит на сторону хана, исключать нельзя. Дальше, думаю, можно не продолжать?

Если Великий хан с войсками беспрепятственно пройдёт по югу, как по своему стойбищу, то он в считанные дни достигнет центральных регионов и ударит в уязвимое “подбрюшье” империи, а там и до столицы недалеко. Когда-то именно этот сценарий вынудил папу привести новую жену...

Папа выглядывает из кабинета:

— Принца Олиса ко мне.

Я падаю в ближайшее кресло, вольготно откидываюсь, одну ногу подгибаю под себя. Папа, глядя на меня, фыркает и проходит за рабочий столик. Олиса мы дожидаемся в молчании, вроде бы

обговорить ещё можно и нужно многое, но не тянет. Не знаю, о чём думает папа, а я вспоминаю маму.

Я действительно на неё похожа? От окружающих я часто слышала, что — да, похожа. Но недавно я убедилась, что внешность унаследовала от Рейзан. Как так? Возможно, от мамы мне достались отдельные черты, а все разговоры о сходстве — лесть? Стоит взглянуть на портрет... Или не стоит?

— Его высочество принц Олис, — докладывает Рыжик.

— Мы будем чай, — решаю я за всех. Постараемся создать хотя бы подобие семейной атмосферы.

Получив разрешение, Олис входит, замирает у двери и склоняется в поклоне. Излишне торжественно, отчуждённо.

— Олис, проходи, располагайся, — приглашает папа. — Должен сказать, когда Тери был в твоём возрасте, я его близко к управлению армией не подпускал. Есть сложности в отношениях с твоим дедом, ты это знаешь, но безотносительно всех этих политических тонкостей, я действительно считаю, что для заместителя главнокомандующего ты слишком юн. Однако Кресси настаивает.

Олис вцепляется в спинку пустого кресла, к которому подошёл, не садится, переводит взгляд с меня на папу и обратно.

Тьфу! Щекотливая ситуация, надо спасать:

— Па-а-ап, кажется, Олис воспринял твой монолог как намёк, что следует отказаться от должности по собственной инициативе, но, извини, ничего не выйдет. Я уже взяла с Олиса обещание и повторяю, кандидата достойнее нет. Правда, Олис? — я расплываюсь в улыбке.

На Олиса я смотрю с вполне искренней симпатией, лишь слегка преувеличенной.

— Ваше высочество, вы предлагаете мне подтвердить вашу последнюю фразу? — Олис уже не такой напряжённый, даже перестал терзать спинку кресла и садится, хоть и на самый краешек, явно, что готов вскочить в любой момент.

— Именно! — радуюсь я. — Видишь, папа? Олис понимает меня с полуслова! Мы отлично поладим.

Папа только вздыхает:

— Вижу. Олис, отправляйся с Кресси, я не возражаю. Но не учись у неё плохому. Двух чудовищ я не выдержу.

Олис склоняет голову в знак послушания, а я тихо фыркаю.

Рыжик вовремя приносит чай, и папа посылает его за картами, а заодно и за генералом, на чьи плечи ляжет реальное управление, потому что от нас с Олисом проку мало. Олис получил полноценное образование, а вот я с военными науками познакомилась лишь поверхностно, причём с упором на парадный протокол. Как оказалось, это было ошибкой, которую исправлять нет времени. На Олиса тоже рассчитывать трудно, и я не про доверие. Папа прав: Олис владеет теорией, ему бы хоть немного реального опыта получить, прежде чем вставать во главе армии.

Вся надежда на генерала и Книгу, подбросившую весьма занятную зацепку.

Ради карты трое лакеев вносят в кабинет дополнительные столы, настолько она большая. Увы, после электронной масштабируемой, да ещё и с функцией геолокации, цветастая, дотошно прорисованная, великолепная бумажная карта не впечатляет. Папа с Олисом встают рядом, а я уделяю внимание чаю, словно совещание меня не касается.

Папа недовольно косится:

— Госпожа главнокомандующая не изволите ли изложить свой план?

У-у-у...

Я поднимаюсь с кресла, не выпуская чашки. С рабочего стола заимствую карандаш.

— Мы в столице, — я небрежно указываю в центр карты, промахнувшись на пяток сантиметров. — В темпе идём на юг, к степям, — я перевожу карандаш левее и указываю на линию границ, — и занимаем оборонительную позицию. Наша армия не готова к полноценному вторжению в степи, поэтому главной задачей станет защита наших рубежей, нельзя позволить степнякам топтаться по нашей территории. А затем мы нанесём один точечный удар. Власть нынешнего Великого хана держится на его личном авторитете, на его способностях. Что случится, если он будет убит?

— Я слышал, у него есть преемник, — осторожно отвечает Олис.

— Толку с того преемника? Великий хан пришёл к власти, выиграв в традиционной поединке, но его правление — сплошное нарушение традиций. Им недовольны, его власть держится на страхе перед его войском. Грубо говоря, нужно победить всего одно племя, и единство степняков развалится. Убрать его, парочку других ханов и,

обезглавленные, степняки отступят. Не только отступят, но и погрязнут во внутренних раборках. Как-то так.

— Звучит мутно, — Олис от изложенного не в восторге.

И надо признать, он прав.

Хах, Олис ещё не слышал мой настоящий план, вот где муть и безумие.

Я допиваю чай, отставляю чашку:

— Выдвигаемся завтра.

— Кресси, нереально, — морщится папа.

— Завтра выдвигаемся мы с Олисом во главе передового отряда. Пап, я тороплюсь. Чем быстрее мы наведём порядок на юге, тем лучше. Разве нет? — я беззаботно падаю обратно в кресло и болтаю ногами, как маленькая девочка. Поведение под стать по-детски несуразным словам.

Я нарочно безобразничаю, всё равно я некомпетентна.

— Генерал прибыл! — докладывает Рыжик.

— Ваше высочество, — обращается ко мне Олис. — торжественный смотр войск назначен на послезавтра.

— Присоединяйтесь, — папа жестом приглашает генерала, не дожидаясь поклонов. — Лорд Риц, только вам я могу доверить детей.

Генерал редко бывает при дворе, но я помню его с детства. Непропорционально крупный, с богатырскими плечами и спичечно тонкими ногами, он вручил мне уличный леденец на палочке, чем раз и навсегда покори́л.

— Есть, ваше величество!

Я встаю. При генерале кривляться совсем не хочется, я его слишком уважаю.

— Лорд Риц, рада видеть вас. Теперь я уверена в успехе кампании.

— Принцесса Крессида.

— Наша задача как можно быстрее достичь южных границ, генерал. В течении семи-восьми дней было бы идеально. Рассчитываю на вас, — самое лучшее, что я могу сделать, это сбросить всю рутину на человека, который способен с ней справиться.

Генерал бросает взгляд на карту:

— Принцесса? Но длительный марш-бросок через пол империи будет очень тяжёлым для солдат и негативно скажется на

боеспособности.

Хм...

— Поскольку вы так говорите, лорд Риц, основные силы отправятся под вашим руководством. Марш-бросок совершит только передовой отряд и присоединится к пограничным войскам.

— Кресси, по твоим сведениям степняки нападут раньше, чем мы ожидаем? — вклинивается папа.

Врать в этом вопросе я не буду:

— Нет. Но у меня есть наводка, где Великий хан окажется в окружении сил, уступающих нашим. Я не собираюсь воевать в полном смысле этого слова, я использую против степняков их же стратегию. Набег. Прийти, взять голову Великого хана и откатиться к нашим границам.

Не ложь, но и правдой назвать трудно.

— Звучит мутно, ваше высочество, — генерал почти слово в слово повторяет фразу Олиса.

Я пожимаю плечами.

Начинается обсуждение конкретики — кто, куда, в каком порядке будет двигаться, снабжение, логистика и прочее, прочее, без сомнения важное. Я слушаю и честно пытаюсь вникнуть. В общем и целом я вполне ориентируюсь, но рот мне лучше не открывать. От Олиса проку больше. Если я лишь вдохновляюще киваю, то Олис высказал пару дельных предложений. Дельных — это не моё мнение, а генерала.

— У вас потрясающая хватка, принц! Сир, вы можете гордиться сыном, — с похвалой генерал, увы, промахивается.

— Уверена, Олис войдёт в историю, — хмыкаю я.

— Разве что героической смертью, — себе под нос вздыхает Олис.

Ни папа, ни генерал его не слышат. Я игнорирую, лишь подмигиваю.

Совещание затягивается.

До своих покоев я добираюсь в районе полуночи. Совершенно не удивляюсь, когда обнаруживаю в будуаре Феликса. Он, развалившись на диване, уплетает мои любимые бисквитные пирожные, причём таскает их с блюда не вилкой, а пальцами. Моя бедная горничная шокирована и возмущена до глубины души. Ещё более шокированной она становится, когда я подхватываю последнее оставшееся на блюде

пирожное точно также пальцами, но не съедаю сама, а протягиваю Феликсу, и ему невольно приходится слизнуть сладость с моей кожи. Ухмыльнувшись, я молча ухожу в спальню.

Надо бы расспросить, что Феликс узнал про главную героиню, но у меня голова от военных премудростей пухнет. Ещё и это я сейчас не выдержу, тем более Олис за героиней присматривает.

Я засыпаю, едва ощущаю под головой подушку. Кто-то меня укрывает. Кажется, Феликс.

Следующий день оказывается не менее утомительным, снова совещания то в узком, то в расширенном составе, слушание докладов, чтение сводок и отчётов, а в редких перерывах подгонка военной формы по фигуре.

— Олис, — я откладываю пачку документов, передо мной ещё три таких необработанных, — скажи, что мне в храме не сиделось, а?

Глава 17

Смотр войск, торжественная передача мне военных полномочий, ликование толпы... Стараниями Феликса простолюдины меня теперь называют не иначе, как Крессида Защитница. Под чужими взглядами я держусь беззаботно, но, чем я отчётливее осознаю, что еду на поле боя, чем ближе отъезд, тем удушливее страх.

Торжества прошли в первой половине дня, потом состоялся обед, на котором присутствовали командиры. Я настояла, что отправлюсь налегке вечером этого же дня, и не важно, что основные силы выйдут только через два.

Закат я встречаю в покачивающейся карете в получасе езды от столицы. Во второй карете Олис, и нас сопровождает отряд кавалерии.

Раньше хоть дела отвлекали, а теперь...

— Моя принцесса? — дверцы распаивается и, не дожидаясь разрешения, прямо на ходу в карету запрыгивает Феликс.

После бисквитных пирожных мы едва ли парой слов перекинулись.

— М-м?

Не обманувшись напускным равнодушием, Феликс всматривается в моё лицо, взгляд становится всё более и более хмурым. Феликс садится рядом со мной, без слов обнимает, притягивает к себе. Я ощущаю, как его ладонь ложится мне между лопаток, Феликс поглаживает меня по спине.

Страх не отступает, но сворачивается колючим шариком и прячется в глубины подсознания.

Феликс, почувствовав перемену моего настроения, целует меня за ухом:

— Всё будет хорошо, моя принцесса, я же с вами. Стану большим зубастым ящером и всех ваших врагов съем.

— Ящерка, ты шутишь или мысли мои читаешь? — хмыкаю я.

Феликс склоняет голову к плечу, несколько секунд обдумывает мой вопрос:

— Моя принцесса, для меня одного врагов многовато.

— Я тоже так думаю, — я устраиваюсь на его плече поудобнее и закрываю глаза. Ничего пояснять не собираюсь, пусть гадает.

Рядом с Феликсом мне легче, так что я назначаю его своим персональным плюшевым зайцем, а то, что ехать, уединившись с рыцарем, верх неприличия, меня не заботит. Пусть только кто-нибудь попробует что-то сказать...

О том, что я так и не расспросила Феликса о главной героине, я вспоминаю после завтрака на следующий день. Отряд выдвигается, и я уже по собственной инициативе зову Феликса в карету.

— Моя принцесса? — Феликс плюхается напротив.

— Ящерка, я готова послушать сказки про некую сиротку.

Феликс выгибает бровь:

— Неужели? Я уж было подумал, что вы поручили мне расследование просто так, чтобы я без дела не прохлаждался.

— Какой догадливый, — восхищаюсь я. — Ты что-нибудь нашёл?

— Моя принцесса, вам коротко или сказку?

Прикинув, что торопиться некуда, сегодняшней день пройдёт в дороге, я выбираю:

— Сказку, Ящерка, расскажи мне сказку.

— Начнём с того, что с наследством особы не всё ясно. Дом стоит запертый, приусадебный участок зарос бурьяном. Не похоже, что дом продан, выглядит, как будто дожидается хозяйку. Но это так, присказка, а сказка у нас про загадочную гибель чиновника.

— Загадочную? — выхватываю я.

— Верно, моя принцесса. Чиновник с супругой редкостные домоседы, соседи рассказывают, что они и за город на пикники не

выбирались, хотя в тех краях это весьма популярное развлечение. И вот однажды супружеская чета и их прелестная дочка исчезли...

— Хм?

Я просила сказку, но зачем нагнетать. Или правда исчезли?

Феликс выдерживает паузу и со смехом поясняет:

— Господин чиновник получил извещение о гибели дальнего родственника и не удовлетворился ответным посланием с соболезнованиями, а зачем-то отправился в дальние дали лично, да ещё и семью прихватил. Как уехали, так больше и не вернулись.

И снова замолкает, паршивец.

Я угрожающе прищуриваюсь:

— Ящерка.

Феликс разводит руками:

— Не вернулись. Один сосед припомнил, что накануне отъезда у чиновника был странный гость. Если смотреть издали, то человек ничем не примечательный, одет по-нашему, как обычный небогатый горожанин. А вот вблизи... Черты лица характерные для степняка, и гость прикрывался низко надвинутой широкополой соломенной шляпой.

— Насколько я помню, родня у сиротки на юге обитает. Возможно, гость родственник? После набегов в приграничье рождается много детей со степной кровью...

— Всё может быть. Найти этого человека я не успевал.

— Правильно. Ты мне здесь нужен, ящерка.

— Угу. Я заметил, моя принцесса. Так вот, до родни чиновник не добрался. На юге, как в центральных или северных районах, не путешествуют. Для южан обычное дело пристраиваться за разумную плату в торговый караван или хотя бы собираться в группу и нанимать отряд, желательно побольше и позубастее.

— Южные земли самые опасные, — киваю я. На юге водится самый сброд.

— Чиновник ехал вместе с караваном, но на одном из постоянных дворов, когда караванщик объявил суточную остановку для отдыха и починки телег, чиновник заявил, что у него нет времени расслаиваться, и семья отправилась дальше в одном экипаже, без слуг, не считая старика-возничего. До следующего постоянного двора они не добрались, зато приблизительно через неполные два месяца

интересующая вас особа появилась на пороге у родственников и рассказала о нападении бандитов.

— Не томи, ящерка.

— Следователь перевёлся в другой город, лично поговорить я с ним не смог, не хватило времени. Моя принцесса, мне пришлось отдать золотой, чтобы получить копию протокола допроса. Бумажка только на розжиг костра годится. Девочка не сказала ничего конкретного. Напали то ли ночью, то ли вечером, то ли под утро. Кто, она не знает, сколько их было, она тоже не знает. Родителей убили, ей повезло сбежать — спрыгнуть в реку. Там и вправду неподалёку течёт Южка, мутная и мелководная, но после редких дождей весьма бурная. Девочка натерпелась ужаса, но якобы пешком кое-как добралась до родни, очень долго была не в себе.

— Самое сладкое ты приберёг на десерт, ящерка?

— Разумеется, моя принцесса. Как вы понимаете, я снова пообщался с соседями, золото прекрасно стимулирует память, и пара сплетниц охотно поделились, что видели, как девочка стучалась в крыльцо. Они обратили на неё внимание, потому что она была лохматой и босой, они ещё удивились наглости бродяжки, которая в дом ломится, а потом, присмотревшись, заметили, что платье, хоть и потрёпанное, но вполне чистое, да и руки у девочки были белые, без ссадин и царапин, что никак не вяжется с её историей про прятки в кустах. Самое главное, в город она не входила, у стражей нет записей. Либо она сама где-то тайком пробралась, либо... её провезли в экипаже.

— Ты думаешь, что нападения бандитов не было?

— Тракт, где пропал чиновник, делает изгиб и на одном участке весьма близко подходит к границам со степью. Ваше высочество, у меня нет доказательств, только подозрения, что чиновник добровольно приехал на встречу со степняками. Возможно, что его шантажировали, но этого я не выяснил. Предполагаю, что семья в полном составе отправилась в степь, они стали то ли гостями, то ли пленниками. Около месяца девочка проходила обучение. А затем её отвезли в город к родственникам, родители остались в степи. Повторюсь, это только догадки на основе странных совпадений.

Я киваю:

— Я пришла к тем же выводам. Хотелось бы больше фактов, но ты проделал отличную работу, ящерка.

— Какая невероятно скупая похвала, моя принцесса, — усмехается Феликс.

— Ящерка, — фыркаю я, — что там насчёт предков особы? Есть в ней божественная кровь?

— Явных следов не нашёл, ваше высочество. Отец особы из мелкого аристократического рода. Пару веков назад его предок дослужился до личного титула, затем последовательно личный титул заработали его сын и старший внук.

— По закону с третьего поколения титул становится наследуемым.

— Мать особы из семьи купца. Формально у него обозы с продовольствием, но на самом деле он балуется контрабандой.

— Звучит не особо перспективно, — вздыхаю я.

Почему из всех девушек империи именно она? В прочитанном в прошлой жизни романе искать подсказки, наверное, бесполезно, ведь не было ни намёка, что бедная сиротка главная героиня окажется шпионкой и диверсанткой. Я уверена, что что-то есть, ведь почему-то степняки её выбрали. А если не божественное происхождение, то что?

Феликс прищуривается:

— Моя принцесса, кое-что я для вас нашёл. Начать с того, что интересующая вас особа в семье не только поздний, но и единственный ребёнок, что несколько... необычно.

Есть зелья, предотвращающие нежелательную беременность. Не сказать, что дешёвые, но и не дорогие. Крестьянам такие не по карману, а вот рядовым горожанам — вполне, чиновнику и дочери купца — тем более. Однако же у аристократов, даже у мелких, затягивать с рождением первенца не принято. Простолюдины, кто может себе позволить, стараются аристократам подражать.

— Мать особы обращалась к целителям?

— Соседи рассказали, что она даже из столицы дважды выписывала, но оба раза ей не помогли, а вот бродячий эксцентрик помог. Сперва она к нему вместе с мужем съездила, когда вернулись, она была уже в положении. Второй раз эксцентрик появился лично, уже после рождения девочки.

— Степной шаман?

Феликс пожимает плечами:

— Не знаю. Полагаю, вы правы, ваше высочество. Следов эксцентрика я не нашёл.

— Молодец, — невпопад отвечаю я.

Я отчётливо осознаю, что за неполные три недели, большую часть из которых “съела” дорога, Феликс проделал огромную работу. Он раскопал значительно больше, чем я ожидала. Но я так и не получила ответа на вопрос, чем главная героиня особенная. Хотя... Предположительно дед главной героини ведёт дела со степняками, он же, возможно, из лучших побуждений, свёл бездетную дочь с шаманом. Если исходить из этой версии, то получается, что ничего особенного в девочке нет, а что шаман нашаманил совсем другой вопрос.

Эх, мне бы посмотреть на героиню по-особенному, вдруг бы что-то рассмотрелось... Но мечтать о несбыточном пустое.

Может, зря я Феликса не выслушала раньше? В теории — зря. На практике... не факт, что зрение бы заработало. В любом случае, принципиально ничего не меняется — посмотрю, когда вернусь. Олис под предлогом заботы девочку изолировал, не думаю, что она опасна. В смысле думаю, но интуитивно угрозы не улавливаю. Аргумент, конечно, сомнительный.

Я отворачиваюсь к окну.

— Моя принцесса, позвольте пригласить вас на верховую прогулку? Уж очень хочется убедить вас кататься на лошадях, а не ломать спины крокодилам.

— Пфф.

Я невольно улыбаюсь, но на предложение не отвечаю, и Феликс отводит взгляд. Кажется, он искренне расстроен отказом. Неужели он хотел проехаться со мной бок о бок? Определённо, между нами что-то возникает.

— Никогда не пойму, что за удовольствие сидеть в качающейся коробке, — фыркает он, приподнимается, явно намеревается выпрыгнуть на ходу.

— Ящерка, я должна оставаться в карете.

— Принцесса, мы ещё в центральной части, здесь можно не бояться стрелы из засады.

— Разве я боюсь стрелы? Ящерка, я должна оставаться в карете, чтобы никто не сомневался, что я в ней.

Феликс вопросительно выгибает бровь. Намёк он понял — оставаться в карете я не собираюсь, в планах отлучка, причём тайная. Я ухмыляюсь и загадочно молчу. Нет причин раскрывать детали заранее, зато можно подействовать на нервы неведением. Но не только это. Мне интересно, как быстро Феликс поймёт мою задумку. Одни подсказка у него есть.

Нарочито печально вздохнув, Феликс, выпрыгивает из кареты. Я остаюсь в одиночестве, но оно больше не тягостное. Того, что Феликс просто поблизости, мне хватает, чтобы чувствовать себя увереннее.

Я мысленно пункт за пунктом прохожусь по своему плану. Не слишком ли я полагаю на Книгу и интуицию? Но именно благодаря Книге и интуиции папа жив, а его несостоявшийся убийца мёртв.

Чем больше я думаю, тем больше я уверяюсь в своей правоте, но одновременно задумка кажется всё более и более безумной.

И пришло время частично раскрыть карты.

Вечером, в сгущающихся над лагерем сумерках, держа в руках чашку чая, я подсаживаюсь к Олису. Ужинали мы не вместе, Олис как раз допил, вытряхивает капли с чайниками в траву. Я откровенно мешаю встать, но меня чужие трудности не заботят, я поднимаю к чернеющему небу мечтательный взгляд.

— Звёзд ещё нет.

— И не будет из-за облачности, принцесса, — отвечает Олис.

— Император приказал тебе в точности выполнять мои распоряжения и не увлекаться инициативой? — резко меняю я тему.

— Именно.

— Знаешь, почему я настояла, что ты должен быть заместителем, а не советником?

— Чтобы усложнить мне жизнь? — хмыкает Олис. — С советника какой спрос?

— В том числе, но не только. Для меня важно, чтобы без меня армия не осталась обезглавленной. Задачу ты знаешь — добраться до южных границ в кратчайшие сроки.

— Принцесса?!

— Хм?

Олис, не отрывая от меня взгляда, опускает чашку в траву, разворачивается ко мне корпусом. С минуту Олис обдумывает мои слова. Я с показной беззаботностью пью чай.

— Принцесса Крессида, вы же не собираетесь бросить армию?!
— Олис говорит предельно тихо, чтобы расслышать, мне приходится напрягать слух.

— Нет, конечно, нет. Олис, я отлучусь ненадолго. Приблизительно через день догоню. В крайнем случае, через два. И мне нужно, чтобы ты мою отлучку прикрыл.

— Не зная подробностей? — Олис не столько спрашивает, сколько констатирует. Моя просьба ему явно не по душе.

— Я хочу нанести неформальный визит вежливости кое-кому весьма и весьма полезному. Визит, скажу откровенно, важный. Успех моего плана зависит от успеха этого визита. Поэтому, Олис, как твой командир я приказываю тебе взять управление на себя, — с улыбкой завершаю я.

Олис мрачнеет, но ответ даёт ожидаемый:

— Есть, госпожа главнокомандующая.

— Хей, не дуйся. Если у меня ничего не получится, я не хочу, чтобы ты надо мной потом смеялся, — я говорю почти правду. Да, основная причина в доверии. И не только Олису. Зрение работает как хочет, попытки перенастроиться ни к чему не привели, я не представляю, нет ли среди солдат шпиона. Но личная причина именно такая, и пусть Олис не будет смеяться вслух, в мыслях — запросто.

— Вы же знаете, что я бы не стал, Крессида.

— Ха! В лицо бы не стал. А вечером давился бы смехом в подушку.

Олис улыбается краешком губ, и такая его улыбка выглядит гораздо искреннее, чем широкая, во все тридцать два зуба.

Некоторое время мы молчим, сидя бок о бок.

— Крессида, а что мне делать, если ты не успеешь догнать?

Ого!

Кажется, это первый раз, когда Олис обратился ко мне на “ты”. В нежном детском возрасте было, но каждый раз я задирала нос и отвечала, что как императорской принцессе он должен говорить мне “вы” и сама выкала, при этом с остальными братьями общалась нормально. Олис недоумевал и расстраивался, пару раз даже до слёз.

— Я успею. Жди основные силы. Генерал с руководством справится лучше нас обоих вместе взятых. И пусть делает всё, что считает правильным. Если я опоздаю, это будет значить, что мой план бездарно провалился.

— Я буду верить в тебя, Кресси.

— В нас, Олис. Ведь я обещала тебе карьерный взлёт. Заместитель госпожи главнокомандующей звучит солидно, но я обещала больше. Будешь ещё с высоты своей вершины проклинять меня за подставу и вспоминать беззаботное безделье.

— Ага. Я мог бы сейчас приятно проводить время на благотворительном ужине, а не давиться армейским пайком.

— Вот-вот.

— Удачи, Кресси.

Олис уходит первым. Я оглядываюсь, ловлю взгляд сидящего в одиночестве Феликса. Почему-то в сумерках он выглядит позабыто-позаброшенным. Я прищуриваюсь и похлопываю ладонью рядом с собой. Феликс обрадовался? Издали, в полутьме мелькнувшее и пропавшее выражение не понять.

Подходит ко мне вразвалочку, походкой победителя по жизни, и вообще как будто не я приглашаю, а он, господин, присмотрел скучающую девочку в баре и решил угостить коктейлем и вообще согреть своим вниманием. Он останавливается, возвышается надо мной, смотрит сверху вниз. Выделяется, не заботясь, что я могу приземлить его одной фразой. Пожалуй, если бы не клятва, не контраст между его манерой держаться и реальной расстановкой сил, я бы осадила. Ни малейшего желания. Наоборот, меня заводит, в крови начинает играть охотничий азарт.

— Ящерка, ты меня на совместную прогулку соблазнял. Я соблазнилась. Нам надо уйти так, чтобы никто не заметил. Олис прикрывает.

— И куда же мы в ночи пойдём, моя принцесса?

— Туда, куда я покажу, разумеется, — хмыкаю я.

— Я так понимаю, прогулка будет отнюдь не конной? Верховой для вас и пешей для меня?

— Именно, ящерка. Схватываешь идеи, как геккон — мух.

— Ёпрст, таких комплиментов я ещё не получал.

— Всё для тебя, ящерка.

Сумерки плавно переходят в ночь, западный край неба, подсвеченный лучами закатившегося светила, гаснет.

Оставив лагерь позади, мы уходим.

— Я подарю тебе седло, — обещаю я, ёрзая по чешуйчатой шкуре.

— С-с-с...

— Так и знала, что тебе понравится, — ухмыляюсь я.

Увы, седла мне долго не видать, я ведь так и не заказала, из головы вылетело. Хорошо хоть про тех бандитов, на которых мы с Феликсом напоролись, не забыла — послала отряд стражи достать их из клеток. А заодно показать миру криминала, кто в империи настоящий хозяин.

Не знаю, как в темноте видит Феликс, для меня тьма крошечная, но маршрут он выбирает уверенно, лишь иногда слышится хруст сминаемых лапами веток. Равномерный бег убаюкивает. В какой-то момент я понимаю, что начинаю соскальзывать. Встрепенувшись, крепче схватываюсь за основания рогов.

— С-с-с?

— Ты хочешь сказать, что нужно не просто седло? Я читала, что в далеко-далеко на краю света в стране золота и благовоний водятся звери, размером с гору, темнокожие жители страны путешествуют на их спинах в домиках из шёлка.

— С-с-с..., — в шипении слышится обречённость.

Я щекой прижимаюсь к шероховатой чешуе и снова борюсь с дремотой.

Привал устраиваем утром. Феликсу нужен отдых, так что дальше часть пути пойдём пешком, тем более лес остался позади, как и заросли корявого кустарника, полусухого, облысевшего. Впереди, куда хватает глаз, простирается снежная пустыня, ровная, как дно сковородки, покрытая белой коркой. И мы на её границе. Впереди, конечно, никакой не снег — соль, чистая соль, лучшая в империи. Добывают её севернее, точнее, от нас на северо-западе, если я правильно понимаю, где мы оказались, а нам — на юго-восток.

— Вам бы поспать, — хмуро замечает Феликс, — свалитесь. Уже чуть не свалились. Я за ночь раз шесть насчитал.

— Успеется. Спать я буду, когда к месту придём, и ты будешь... работать.

— Я догадался, что про чёрного рыцаря враньё, самое натуральное рабство.

— Ага... Ладно, потопали, — я затягиваю завязки дорожного мешка.

— Принцесса, вы собираетесь идти пешком?

— Ящерка, даже если оборот стал даваться тебе легче, это не значит, что ты можешь бегать нагишом в одной чешуйчатой шкуре сколько угодно, не теряя разум. Сейчас важнее беречь твои силы, чем мои ноги.

Феликс явно не согласен, но возразить ему нечего, поэтому он закидывает мешок за спину и мы ступаем на хрустящую соляную кору.

Надеюсь, не провалимся. Не с краю, а там, дальше, под слоем кристаллизованной соли скрывается солёное озеро. Я не представляю, насколько глубоким оно может оказаться, ведь никто не замерял. Проверять глубину на себе точно не хотелось бы.

Белизна, потрясающей чистоты белизна раздражает глаза слепящим сиянием, и, над ней в размытой дымке у самого горизонта кривыми зубьями поднимаются чёрные горы Ящерова хребта. Отлогие скалы словно на совесть измазаны сажей. Ни намёка на растительность, пусть самую чахлую. Горы и солёное предгорье смотрятся мёртвым.

Жизнь скрывается внутри. Уже после того, как род Шесс ослаб и сгинул, в Ящеровы горы ходили экспедиции. В отчётах говорится, что не нашли ничего. Несколько тупиковых пещер, и есть глубокие, похожие на норы ходы, либо оканчивающиеся бездонными провалами, либо уходящие настолько глубоко, что экспедиции разворачивались назад. Внутри гор скрывается жизнь: влажные своды сплошь покрыты водорослевой слизью, которую подчищают многочисленные улитки, кое-где проходят подземные реки, причём не связанные с солончаком, пресные и рыбные. Исследования Ящеровых гор свернули. Для меня же в этих записях много любопытных зацепок. Многообещающих.

Утром шагать легко — соляная корка, что паркет, ровная. Солнце только-только поднялось, косые лучи дают мягкий золотистый свет, нет ни жара, ни духоты. Я про себя радуюсь, что в храме много гуляла по территории, причём выбирала дорожки с перепадами высот. Изнеженное во дворце тело хоть немного привыкло к нагрузкам. Сказывается бессонная ночь, постепенно я устаю. А солнце,

поднимаясь всё выше начинает уже не согревать, а ощутимо припекать.

Неудачно оступившись, пробиваю корку, и мне на сапог выплёскивается вода. Будут некрасивые белые разводы...

В конце я уже не иду, а откровенно ковыляю.

— Хватит, — резко останавливает меня Феликс.

— По карте расстояние не выглядело таким уж большим, — жалуясь я.

— На спину ко мне.

А почему принцессой больше не называет?

— Ящерка, я ногу натёрла, а не голову, и прекрасно помню, что оборачиваться тебе нельзя, иначе потом не сможешь. Забыл, да?

— Вы, моя радость, ушки натёрли. Я разве что-то сказал про оборот?

Ох...

Вообще-то Феликс особо уставшим не выглядит. То ли держится хорошо, то ли привык к куда более серьёзным нагрузкам. Я колеблюсь. Сесть на шею и свесить ножки звучит заманчиво, но мы ведь не по дворцовому саду бродим, здесь иначе.

Отрицательно качнув головой, я делаю ещё шаг.

Феликс тяжело вздыхает. А в следующий миг я вижу перед собой его затылок, и я осознать не успеваю, как оказываюсь в роли второго дорожного мешка.

— Ящерка.

— Судьба у меня такая, ездовым быть, хоть крокодилом, хоть человеком, — Феликс крепко поддерживает меня под колени.

Я улыбаюсь, упираюсь лбом в его плечо. Кажется, он зашагал быстрее, чем, когда приноравливался к моему шагу.

По ощущениям я отключаюсь всего на миг.

— Не знаю, что вы воображаете, но нам обоим нужен отдых, моя радость.

Встрепенувшись, я оглядываюсь. Солнце поднялось высоко. Сейчас часов десять, наверное? И я умудрилась проспять больше часа? За время, пока я висела бесполезной ношей, Феликс не только добрался до подножия Ящеровых гор, но и нашёл неглубокую расселину, в которой можно найти тень.

Феликс помогает мне спуститься на землю.

— Да, отдых тебе нужен, — соглашаюсь я. — Только что за радость, ящерка?

— Я подумал, что называть вас правильно, моя грусть, несколько... непочтительно.

Феликс подаёт мне фляжку с водой. Я беру. Спор отменяется. Я делаю хороший глоток. Не думаю, что с поиском подземных пресных протоков возникнут трудности, поэтому можно не считать каждую каплю. Другое дело продовольствие... На одной рыбе можно жабры отрастить. А как её готовить? Топлива у нас нет, веток набрать негде. Сырой — страшновато.

Я завинчиваю пробку и возвращаю фляжку Феликсу. С удовольствием вытянув ноги, я на миг зажимаюсь. Кто-то касается колена. Я распахиваю глаза. Феликс, присев на корточки, меня разувает.

— Моя грусть, не пора ли сказать, зачем мы пришли в горы моего божественного предка?

— В гости.

— Леди?

— Разве твой божественный предок не обитает здесь, в самой глубокой пещере?

Возможно, предок Феликса обитает так глубоко, что может купаться прямо в магме.

— Моя принцесса, — мрачнеет Феликс.

— Можешь не отвечать, — поспешно заверяю я. Божественное наследство — это не то, о чём свободно распространяются. Возможно, Феликс связан семейными традициями. Я совершенно не собираюсь устраивать ему конфликт клятв. — Можешь даже не подтверждать мои догадки. Просто послушай.

— Слушаю, — Феликс слегка расслабился. Сев рядом, он укладывает мои стопы к себе на колени и принимается мягко массировать.

Настолько хорошо, что я готова выпасть из реальности. Но я заставляю себя сосредоточиться.

— Видишь ли, мои предки присматривали за твоими предками. Мне известны особенности инициации Шесс. Возможно, не все. Но я, ты в курсе, точно знаю, что для пробуждения наследия вы спускаетесь в подземную тьму, и должны успеть выйти вовремя.

— Да.

— Также я знаю, что опоздавшие становятся ящерами. Не людьми, запертыми в звериной шкуре, а просто животными, пусть и умными, но при этом я не нашла в архиве записей о таких ящерах. Сомневаюсь, что твои предки убивали детей и сестёр-братьев, тем более такие переродившиеся ящеры сохраняют семейные привязанности и помнят о родстве. И потом, подземная тьма, можно сказать, выманивает звериную суть. Возможно, ящеры больше не выходили на поверхность, так?

— Логично, — кивает Феликс.

— Во-от. Твои предки старались проходить инициацию не абы где, а здесь, в Ящеровых горах. Какой вывод напрашивается?

— Какой, моя грусть?

— Где-то глубоко под нами ящеры весело щёлкая зубами, весело ловят рыбу, слизывают со стен мясистых улиток и заедают водорослевым салатом. Не исключено, что со временем они становятся отдельным видом, откладывают яйца, из которых вылупляются новые ящерки, уже не настолько умные, но всё же особенные.

— Логично.

Это его способ подтвердить мою догадку? Если прямо говорить не может...

— Ящерка, почему бы тебе не навестить свою семью? Ты мог бы рассказать им грустную историю о том, как злая принцесса заставляет тебя перегрызть всех врагов империи, а у тебя зубки ещё детские, на особо твёрдых доспехах могут поломаться. Неужели старшая родня оставит тебя в беде?

— Имперским солдатам глубоко в степь не забраться, потерь от такого похода будет больше, чем пользы. А ящерицам в степи самое место. Так получается?

— Можешь начинать восторгаться моей гениальностью.

— Серьёзно? Допустим, ящеры действительно существуют и достаточно разумны, чтобы понять задачу. Они отдельный вид и старшая родня. С чего вы решили, что я смогу уговорить их вылезти из норы и ползти невесть куда по прихоти вздорной девчонки?!

— Это я-то вздорная девчонка?!

— Ну не я же.

— Ящерка, — я закатываю глаза, — я же не прошу тебя притащить на поле боя твоего предка. Меньше здравомыслия, больше энтузиазма, и всё получится. Иначе бы мне не пришла такая идея в голову.

— Что? Вы это серьёзно? Да это безумие!

— Конечно. Иначе почему, по-твоему, я ни с кем своим планом не делилась?

— Боги...

— Ящерка, о чём ты переживаешь? Спуститься и позвать — что проще? Я даже не прошу ловить хвостатых арканом и тащить силком.

— Вот спасибо, благодетельница!

— Ящерка, ты такой ворчун. Я всё ещё жду восхваления моей гениальности, между прочим.

Нас самым беспардонным образом прерывают. Над ухом раздаётся свистящее:

— С-с-с...

Глава 18

— Это они тут везде ползают?! — изумляюсь я.

Экспедиции ни одной самой тощей ящерицы не встретили. Ни сброшенных во время линьки шкур, ни скелетов, ни отпечатков лап в песке, ни следов когтей в камне. Ни-че-го. Только намёк, что скудная кормовая база есть и чисто теоретически ящерам есть, кем питаться.

Видимо, от экспедиций ящеры прятались, а к родне приползли навстречу. Впрочем, нельзя исключать, что они почувствовали меня, восприняли, как конкурентку и пришли сожрать, чтобы было неповадно на их дом покушаться.

— С-с-с, — повторяет рептилия, обращаясь к Феликсу.

— Тебе рады, а мне нет? — хмыкаю я, задавливая страх. К Феликсу я привыкла, а вот челюстной аппарат хозяина расселины напрягает. Я ему на один укус. Щёлк зубами, и нет принцессы.

Феликс успел развернуться к опасности лицом, встать, прикрыть меня собой.

Ящер высовывает раздвоенный язык чуть ли не на метр. Того гляди лизнёт. Но нет, ящер всего лишь пробует воздух рядом со мной и издаёт очередное шипение. Раздувается и опадает кожистый капюшон.

— Приветствую, — Феликс чуть склоняет голову, обозначая вежливый кивок.

— С-с-с...

В шипении Феликса читалось больше эмоций. У ящера я улавливаю изменения тональности, но как понять не представляю. Возможно, потому что в нём изначально меньше человеческого, а возможно потому что Феликс прикладывал усилия, чтобы имитировать человеческие интонации.

Как бы то ни было, мне предстоит быть сторонним наблюдателем, а уж Феликс с ящером до чего-нибудь дошипятся. Агрессии ящер на проявляет. Но ящер и не собака, чтобы предупреждающе рычать. Он пополам перекусит тихо и доброжелательно, ага.

— С-с-с-с, — а вот это уже Феликс зашипел.

Я чуть отступаю, в глубь расселины и одновременно смещаюсь немного вбок, чтобы видеть обоих. Феликс частично покрылся чешуёй, особенно нижняя половина лица и шея, язык тоже стал раздвоенным.

С полчаса я слушаю шипение.

Я осмелела настолько, что снова примостилась в углу, всё равно ведь ничего зрелищного не происходит, не считая того, что к расселине сползаются всё новые и новые ящеры, некоторые настолько огромные, что крупная ипостась Феликса на их фоне смотрится крайне скромно, и теперь Феликс шипит с гигантами, а более мелкие разлеглись вокруг и слушают.

А ещё они нехорошо поглядывают на меня. Феликс что, действительно нажаловался, что я злобная тиранша? Пфф!

Хорошенько отхлебнув из фляги — уж пресную воду ящеры своему родственнику покажут — я прикрываю глаза...

— Радость моя, просыпайтесь.

Дыхание Феликса щекочет шею, я ощущаю тепло его ладоней. Так хорошо, несмотря на острые грани камней, впивающиеся и в ноги, и в спину. Я пригрелась в углу расселины, и открывать глаза никакого желания. Веки кажутся свинцовыми.

Невнятно промычав, я пытаюсь устроить голову на его плечо, как на подушку.

— Моя принцесса, я ведь пытался по-хорошему, правда?

— М-м-м...

— Вот, вы тоже согласны.

В следующий миг меня лизнули. И не просто лизнули. По щеке от подбородка к внешнему уголку глаза прошёлся сухой и шершавый язык, раздвоенный.

Глаза распахиваются. Я потрясённо смотрю на Феликса.

— Ты!

— С-с-с, — демонстрирует он мне змеиный язык и легко переключается на человеческую речь. — Я полагаю, мы торопимся нагнать принца Олиса?

— Можно и перегнать, — вздыхаю я.

Феликс в ипостаси не уступает мощным скакунам, а вот мелкие ящерки, ни мощью, ни скоростью похвастаться не могут. Одна — я почему-то не сомневаюсь, что вижу девочку — блестя любопытным глазом, подглядывает в расселину.

— Идёмте, моя радость, — Феликс подаёт мне руку.

— Они согласились?! — доходит до меня. Я чуть ли не подпрыгиваю с места.

— Откуда столько удивления, моя принцесса? Вы же говорили, что во мне не сомневаетесь. Врали? Ай, как бессовестно.

— Хвост откручу, ящерка.

— С-с-с-с, — раздаётся возмущённо-испуганное от зрительницы.

Феликс поворачивает голову, понимает, что мы не одни и что гнать родню бесполезно, вздыхает:

— Идёмте, моя принцесса.

Полдень давно миновал, солнце перевалило, через отлогие вершины, и теперь заливают жаром противоположный склон, мы же оказались в густой тени, даже слегка прохладно. Феликс протягивает мне армейский паёк, второй забирает себе. Правильно, экономить смысла нет.

— Я думала, что придётся лезть куда-нибудь глубоко.

— Насколько я понимаю, глубину выбирают более крупные ящеры, мелочь с удовольствием выходит на поверхность. Нам не пришлось ждать, потому что старшие ящеры, как и полагается хозяевам, вышли навстречу. Наверное, почувствовали моё приближение.

Я вспоминаю забравшегося в расселину ящера. Или моё приближение. Простые люди, полагаю, ящерам не интересны, они от людей прячутся, причём мастерски. А вот наследница другой

божественной династии могла быть воспринята как враг. Но вслух я об этом не говорю. Какая теперь разница? Важно, что благодаря Феликсу меня не сожрали, хотя он мог подставить.

— Сколько с нами готовы пойти? — уточняю я.

Хочу крупных.

Любопытная мелочь оказалась полутораметровой особой. Трудно назвать её крошкой, но выставять её против конных степняков я бы не стала — легко затопчут и забьют копытами. Мне нужны такие как Феликс.

— Сколько нужно? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Ящерка, что такое степь ты знаешь лучше меня.

— Племян много, — Феликс мрачнеет.

Наверное, представил кровавую расправу и тотальное уничтожение степняков. Силами ящеров устроить такое вполне реально, но я не хочу и не буду, тем более я уверена, что кочевники из мелких племён, живущие впроголодь, ухватятся за любую возможность получить продовольствие, стоит лишь дать им шанс. Мелким племенам война не нужна, слишком дорого она им обходится.

— Нет, ящерка, племена нам не нужны. Мы идём воевать не со степью, а с нынешним Великим ханом. Мне нужен он и те, на кого он опирается. Кстати, сколько мелких племён перестали существовать при его ханстве?

— Больше десяти.

— Вот, коренным степнякам он тоже не нужен. По сути наш противник его личное войско. И про шаманов забывать нельзя.

— Он собрал шаманов в боевой отряд.

— Ха?! На военном совете об этом не было сказано ни слова. Но не может быть, чтобы разведка ничего не знала. Значит, кто-то важный отчёт сбросил в архив. Ладно, пусть пока живёт, прихлопну, когда вернусь. Помимо степи, у нас есть вторая задача, ящерка.

— Радость моя, ящеры не всеядны. Кем ещё вы собираетесь нас травить?

— Наш юг. Некоторым лордам то ли невыносимо скучно, то ли вовсе жить надоело. Оба южных герцога и прихвостни почему-то думают, что независимость им по зубам. Великий хан, конечно, охотно подпитывает их заблуждения.

— Их цель не независимость, моя принцесса.

— А что тогда?

— Вседозволенность. И работоторговля по примеру Приморского Содружества. Нелегальный ручеёк живого товара идёт через герцогство Майрай, и южане хорошо представляют, сколько денег они получают. Быть герцогом не намного лучше, чем быть ханом, тем более всегда можно обозваться Большим ханом или как-нибудь ещё более кучеряво.

— Я заставлю его ответить перед судом, но мне нужны доказательства.

— Простите, принцесса. Я бы с радостью сдал вам их, но... Я никогда не лез в подобную грязь.

— Разберёмся. Начинаем всё равно со степи.

— Есть, госпожа главнокомандующая!

Феликс ненадолго оставляет меня в одиночестве, шипит с ящерами, а я, кажется, постепенно привыкаю, начинаю различать интонации, но до настоящего понимания мне далеко.

Гора, ещё недавно голая, оживает, будто на отлоги набросили подвижное покрывало из змеиной кожи. Ящеры, куда ни глянь, всюду ящеры. И при столь впечатляющей поддержке род Шесс почти перестал существовать... Уму непостижимо. Впрочем, про нас то же самое можно сказать. Малая сокровищница забита древними артефактами, благословлёнными, а то и созданными самой Рейзан Судьбоносной, а мы тихо угасали. Собственно, мы и продолжим угасать, если я не переломлю ситуацию.

Ко мне подходит ящер с зеленовато-бронзовым отливом чешуи. Шкура смотрится не просто толстой, а дубовой. Чешуйки кое-где отвалились, и взгляд цепляется за проплешины. Ящер из крупных, но далеко не первый гигант горы. Однако у меня не возникает сомнения, что он главный.

Я сама не замечаю, как оказываюсь на ногах. Миг помедлив, я склоняю голову, хотя обязана я кланяться лишь императору и кронпринцу. Но ящер смотрится внушительно и вызывает подсознательное уважение.

— Доброго дня, лорд Шесс.

— С-с-с...

Феликс от роли переводчика самоустраняется, но я и не настаиваю, потому что ящер отползает в сторону и раздувает

капюшон. Его шипение очевидно было приветствием.

Ящер поворачивает голову, и Феликс, ответив шипением, с неожиданным проворством взбирается родственнику на хребет. Меня Феликсу пришлось зубами на спину закидывать. В этот раз обходится без зубов. Феликс легко свешивается вниз, сначала забирает наши дорожные мешки, а потом играючи втягивает меня и сажает перед собой.

Я уютно окунаюсь в надёжные объятия.

— С-с-с...

— Мы пойдём впереди, а остальные в сумерках по нашим следам.

— Хорошо. Знаешь, нам бы ускориться. Пока ещё не самый юг, я бы купила какое-нибудь стадо.

— Стадо?

— Коров, овец, коз. Твоим же родственникам нужно кем-то питаться? Рыбы в степи нет и завезти в достаточных объёмах нереально, а травоядные пусть идут на своих копытах, жуют по пути траву, а ящеры будут и за пастухов, и за волков.

Минут пять я слушаю шипение, и вскоре за старшим ящером увязывается десяток мелких. Вроде бы любопытная хвостатая тоже. Да, точно она, лукаво-кокетливый взгляд только у неё я видела. Как пить дать — возвращаться в Ящеровы горы она не пожелает, а совет себе гнездо во дворце. Хм, а может сделать её фрейлиной, если согласится? Розовый бантик на шею подарю. Мне кажется, ей понравится. Она будто догадывается, о чём я думаю и, красуясь, загибает хвост спиралькой.

— С-с-с, — сообщает она мне и отворачивается.

Ящер сходу берёт хорошую скорость.

Ход у него... Если бы не Феликс, крепко удерживающий меня, я бы позорно свалилась на первом же шаге. Меня бы даже седло не спасло. Старый ящер передвигается непредсказуемыми рывками, мощно отталкивается задними лапами, отчего заднюю часть тела постоянно подкидывает. Трясёт-трясёт-трясёт.

Белый простор солончака сменяется чахлой травой. Сочные кочки встречаются редкими зелёными пятнами, но вскоре их становится больше, и уже чахлые проплешины редкость. Ящер уверенно выходит

к руслу. Я пытаюсь вспомнить карту — ручей Мутный или речка Пескарина? Я не настолько хорошо ориентируюсь на местности.

— О нет, — тихо выдыхаю я, поняв, что сейчас будет.

Ящер мой шёпотом слышит:

— С-с-с-с!

— Лорд Шесс изволит смеяться?

— Вы очень проникательны, моя леди.

Ящер с разгона отталкивается, вытягивается в коротком прыжке и с шумом, плеском, фонтаном брызг плюхается в воду. Меня окатывает с ног до головы. Феликса, естественно, тоже. Только Феликс лишь весело скалится, а я превращаюсь в мокрую курицу. Волосы липнут к голове, одежда — к телу.

— С-с, — оборачивается ящер.

Самое скверное, что вода холодновата, а русло глубокое. Как ноги не поджимаю, всё равно по щиколотку в реке. И судя по тому, что я вижу, дальше будет только хуже.

— В город мы попадём по воде, — поясняет Феликс.

Идея сомнительная, но, по крайней мере издали будет выглядеть, как будто мы идём на лодке-развалюхе, начерпали бортами и вообще не ясно, почему до сих пор не затонули. Что под нами брёвнышко живое и зубастое разглядят лишь в упор, когда я смогу показать императорскую печать. Заявиться посуху не вариант. Не пешком же идти. Поэтому приходится мириться с неудобствами. Когда привыкаешь, вода уже не настолько холодная...

— Рыбки захотелось, да?

— С-с, — соглашается ящер.

Приближаются крепостные стены. На юге у самых мелких городов защита серьёзная: глубокие рвы, высокие толстые стены, оборонять которые относительно легко даже скромными силами народного ополчения. На расстоянии от города устроены наблюдательные вышки — враг не подойдёт незамеченным, крестьяне успеют укрыться и укрыть самое ценное.

Сберечь людей удаётся, имущество, увы, нет. Степняки врываются в покинутые жителями деревни и опустошают. Ничего, скоро это изменится.

Не только мы используем речку в качестве водной дороги. Впереди судёнышко. Большая лодка под парусом, загружена мешками

настолько, что борта почти сравнялись с уровнем воды. Чуть качни — перевернётся, и товар пойдёт ко дну.

На мешках разлёгся мужичок в расхристанной латанной-перелатанной рубашке, голову от солнца прикрывает рваная соломенная шляпа, ноги босые. Мужичок дымит неприятно-едким куревом.

Наше приближение он замечает. Он приподнимается на мешках, всматривается в воду. Именно в этот момент ящер резко мотает головой, подкидывает пойманную за хвост рыбу и ловит пастью.

Мужичок в ступоре таращится круглыми глазами. Наверное, это его и спасает, иначе бы точно навернулся. Резко успокоившись, мужичок откидывается на мешки, утирает пот тыльной стороной ладони:

— А вот и белочка, — бормочет он.

В смысле белая горячка?

Мы проплываем мимо.

Русло проходит под крепостной стеной. Над ним устроена выступающая от стен башня, хищно поблёскивающая тяжёлой решёткой, которая перекроет водную дорогу при первой необходимости.

Перед башней устроено что-то вроде пристани, лодки досматривают.

Ящер, притихнув, зарывает морду в воду, на поверхности остаются одни глаза и ноздри. Не зря я их с крокодилами сравнивала, сходство оказалось даже больше, чем мне думалось. Стражи при нашем приближении всё равно напрягаются, видят, что плывёт нечто странное. Да и вид у нас с Феликсом хоть и подмоченный, всё равно выдаёт, что мы кто угодно, но не крестьяне. На Феликсе и вовсе рыцарский мундир.

— Господа на бревне...

Дёрнув лапой, ящер корректирует направление и мы пристаём.

Феликс выбирается на дощатый настил первым, демонстрирует стражу знак принадлежности к столичному гарнизону.

— Полагаю, вопросов нет?

— Эм...

— Если всё же есть, направьте их в столицу.

— Добро пожаловать, лорд, леди.

Феликс отворачивается, но страж его останавливает:

— Лорд, простите, но волей императора я обязан записывать всех прибывающих, а также их транспорт и ввозимое имущество.

Светить наши имена мне точно не хочется. Феликс думает в том же ключе. Увы, знака рыцаря для защиты анонимности не достаточно, и полностью скрыть, кто мы не получится. Феликс показывает мою печать, в смысле дубликат, который я для него сделала. Дубликат может быть у любого доверенного рыцаря, то есть вычислить нас будет чуть сложнее.

— Господин страж, этого достаточно?

— Да, лорд. Добро пожаловать!

Феликс прячет печать, знак и легко соскальзывает ящеру на спину. Тот, убедившись, что пассажиры на месте, мощно отталкивается хвостом, и мы заплываем под башню. Ящер придерживается середины русла, не безобразничает, да и праздных зевак в маленьком городке немного, горожане заняты своими делами, на нас едва ли обращают внимание.

Мы беспрепятственно добираемся до центральной части. Ящер уверенно выгрибает к старым полуразвалившимся мосткам неподалёку от рынка. Он словно знал, куда грёб... Начинаю подозревать, что в городе ящер частый гость. Не только же рыбой и улитками ему питаться. Почему бы и не наведаться в мясные ряды?

— С-с-с...

— Лорд Шесс будет ожидать нас здесь, — переводит Феликс. — Полагаю, трёх-четырёх часов нам хватит.

— С-с.

С тихим всплеском ящер уходит в глубину.

— Хватит? — по идее нам нужно купить живой скот и...

— Моя принцесса, умение отличать мясные породы от молочных, бесспорно, полезное, но давайте вы приобретёте его как-нибудь в другой раз? — Феликс уверенно направляется к двухэтажному бревенчатому зданию с яркой черепичной крышей.

Мне вывеска ни о чём не говорит, а название “Колченогая разиня” вовсе не вдохновляет, какая-то антиреклама получается, но Феликс выбирает именно это заведение. Возможно, как первое попавшееся.

Мы попадаем в обеденный зал. Трактирщик, щуплый и меланхоличный, вяло протирает барную стойку. За столами

посетители, но их немного. Одиночка уплетает огромный ломоть мяса с таким видом, как будто месяц еды не видел, двое мужчин в похожих тёмных куртках о чём-то говорят, склонившись друг к другу чуть ли не носами и неожиданно в дальнем углу столоваются две немолодые дамы. Глухая одежда, платки на головах и общий вид явно показывают, что они не за мужским вниманием пришли, а поесть и поговорить.

Не сбавляя хода, Феликс тянет меня к стойке, звонко хлопает ладонью по столешнице. Трактирщик отрывается от разглядывания трещины и переводит взгляд на нас. Феликс поднимает ладонь.

Сверкнувшую монету трактирщик смахивает молниеносно:

— Чем могу помочь distinguished господам?

— Горячую ванну и горячий обед для леди, лучшую комнату. И в темпе.

— А ты? — удивляюсь я.

Феликс держится героем и вообще притворяется, будто ему всё нипочём, готов хоть в летней рубашке вечную мерзлоту пересечь, хоть знойную пустыню, хоть в извергающейся вулканом лаве искупаться. Но здравый смысл должен быть.

— Моя леди, — усмехнувшись, Феликс отгибает манжет и демонстрирует, что под одеждой у него чешуя, надёжно защищающая от влаги и холода.

— Так нечестно!

Моё возмущение вызывает у него лишь очередную ухмылку.

— Ванна, леди, и обед, а я пока позабочусь о козлах и свиньях.

— Пфф!

Трактирщик провожает меня на второй этаж, приглашает в комнату со словами, что предоставляет мне самую лучшую. Если бы не опыт земной жизни, я бы не поверила. Где холл, где гостиная, будуар, кабинет? Из коридора я попадаю напрямик в спальню. У моей горничной комната шикарнее. Стены покрыты облупившейся краской, отверстие норы то ли мыши, то ли крысы на самом видном месте и никто не торопится его заделать, койка узкая, покрывало на ней кормило моль.

Шкаф, стол, стул и тумбочка в комплекте. Прикрытое шторкой окно выходит на рынок, видно русло реки. В боковой стене дверца, и я догадываюсь, что найду за ней удобства.

— Оу-у-у..., — вырывается у меня, когда трактирщик с гордостью показывает мне корыто.

— Один торговец вёз ванну для себя из самой столицы, — объясняет трактирщик, — но что-то у него не заладилось и он продал.

— Не хочу вас разочаровывать, любезный, но в столице из такого лошадей кормят.

— Кран горячей воды немного заедает, поворачивать нужно с усилием. Леди, полотенца и сухую одежду сейчас же принесу.

— Оставьте на стуле, — распоряжаюсь я.

Оказавшись в шаге от горячей воды, ждать я не готова ни секунды.

— Как прикажете, леди.

Поклонившись, трактирщик уходит.

Я пальцем провожу по корыту, проверяя чистоту. Неизвестно, кто плескался в нём до меня, но сесть придётся, я стелю сдёрнутую с койки простынь.

Трактирщик не обманул, вода из крана идёт горячая. Приплясывая от нетерпения, я поспешно раздеваюсь. Костюм приходится развесить, он мне ещё пригодится, так что пусть сохнет. Я забираюсь в корыто. Да-а-а... Какое блаженство, как же мне хорошо, настолько хорошо, что корыто уже не кажется таким уж неудобным, можно и облокотиться, и голову запрокинуть.

Горячая вода расслабляет...

Я слышу шаги в комнате, трактирщик громко сообщает, что полотенца принёс, и что обед будет подан, куда мне удобно, по первому требованию. Войти трактирщик не пытается и послушно уходит.

Наверное, я засыпаю, потому что будит меня ощущение прохлады, по-настоящему горячая вода успела остыть, и скрип открывшейся дверцы. В ванную кто-то вошёл.

Сверху через корыто наброшена вторая простыня, так что от взглядов я прикрыта, лишь голова и плечи видны, но вид при этом, пожалуй, даже откровеннее, чем без простыни. А поступь тяжёлая, отнюдь не женская. Слишком уж уверенная — не трактирщик, да и на визит криминала не похоже.

Я не оборачиваюсь, запрокинув голову, продолжаю спокойно лежать в чуть тёплой воде.

— Разбудил. И вообще, тебе не кажется, что ты ошибся дверью?!

— Нет, не ошибся, моя принцесса, — хмыкает Феликс, моим недовольством не проникнувшись.

Всё же повернув голову, я обнаруживаю, что на нём кроме рубашки, ничего нет, да и та расстёгнута. Что на ногах, я не вижу.

Феликс смотрит на меня потемневшим взглядом. Желание настолько откровенное, что у меня дыхание перехватывает, а вспоминается, как мы целовались.

— Ящерка...

Вместо того, чтобы выйти, Феликс беспардонно подходит вплотную, касается затылка, невесомо щекает подушечками пальцев шею, постепенно скользя вниз вдоль позвоночника, цепляет воду. Ладони ложатся на плечи, мягко массируют. У меня вырывается стон удовольствия.

Феликс наклоняется, замирает в миллиметре от моего лица, словно до сих пор не знает, поцеловать или подразнить. Напряжение острое, сердце отбивает бешеный ритм. Феликс подаётся ко мне, и мы сливаемся в головокружительном поцелуе.

В прохладной воде становится жарко, а Феликс, зараза, отстраняется:

— Моя принцесса, я сказал принять горячую ванну, а не ледяную.

— Ты..., — обессиленно выдыхаю я.

Самодовольно ухмыльнувшись, он наклоняется, подхватывает меня на руки, с громким плеском разливая воду, поднимает из ванной. Я обхватываю его за шею, понимаю, что прикрывавшая меня как раз на такой случай простынка в процессе потерялась, и я даже подозреваю, кто ей помог. Феликс прижимает меня к себе, теперь он тоже мокрый.

— В ванной неудобно, — с улыбкой поясняет он.

— Ты... Я...

Феликс опускает меня на заранее разобранный кровать, ложится рядом, укрывает нас обоих одеялом.

— А вот двуспальная кровать...

— В норах кроватей не бывает, да? Это не кровать, ящерка, и тем более не двуспальная. Это узкая койка.

— Не врите, моя принцесса, узкие койки были в храме, а здесь кровать. Двуспальная...

Феликс вовлекает меня в новый поцелуй.

А когда я прихожу в себя, понимаю, что лежу, замотанная в кокон одеяла, Феликс, в лёгких, не форменных, штанах и по-прежнему в мокрой, облепляющей его тело рубашке, накрывает обед на столе.

— Не поняла...

— Леди, вы же сами сказали, что узкая койка никуда не годится.

— Ящерка.

Разочарование мешается с негодованием. Да он издевается! До сих пор я была уверена, что принцип “возбудим и не дадим” на вооружении исключительно у нехороших стервочек, и уж точно не думала, что стану его жертвой.

Феликс как-то не так понимает выражение моего лица. Он вдруг напрягается, исчезает любой намёк на весёлость:

— Прикажете, моя принцесса? — и обращение звучит не с тёплой снисходительной насмешкой, совсем незнакомо, колко и как-то... по-настоящему, что ли. Раньше, “моя принцесса” звучало почти как “моя рыбка” или “моя девочка”, а сейчас он упирает именно на титул и иерархию.

Похоже, узы клятвы тяготят Феликса гораздо сильнее, чем мне наивно представлялось, чем он показывал.

Но полная клятва верности на крови — это не то, от чего можно освободить по щелчку пальцев. Честно говоря, я вообще не представляю, можно ли разорвать возникшую привязку, скорее всего, невозможно. Чтобы освободиться от пут, придётся полностью переродиться. Не как я, сохранив багаж обеих жизней, а полностью. Да и зачем? Именно клятва и статус моего рыцаря защищают Феликса от тюремного заключения. Едва ли папа помилует того, кто отказался служить любимой дочке.

Я сажусь, кокон из одеяла придерживаю, чтобы не раскрылся, склоняю голову к плечу:

— Ящерка, я не путаю личное и государственное. Что у нас на обед?

Не зря считается, что личные отношения должны быть равными. Слишком трудно сохранить дружбу, когда один уборщик подсобных помещений и отхожих мест, а второй в этой же конторе начальник. Конечно, между мной и лордом Шесс разрыв не столь чудовищный, но он есть и будет разделять нас.

— Телятина.

— М-м-м, как прекрасно. Приятного аппетита, ящерка, — я перебираюсь за стол, беру нож и вилку.

Теперь на лице Феликса разочарование. Получается... он не хотел, чтобы я приказала, но когда я не приказала, он обиделся? Так что он хотел, чтобы я сделала?!

С телятиной проще. Сочное мясо с кисловатым ягодным соусом легко режется и жуётся. Обед — сплошное удовольствие.

Феликс молча расправляется со своим куском. Едим мы молча, и если меня молчание не тяготит, то Феликсу, как мне кажется, действует на нервы.

— Я приобрёл десять овец, моя леди. Это несерьёзно, всего один обед и не особо сытный. Так сказать, перекус в дороге. Я закупил у купца стадо, он доставит его к границам.

— Но этого мало, так?

— Я прикинул маршрут. Если мы не будем торопиться присоединиться к его высочеству принцу Олису, а пройдемся по ближайшим городам, то проблему с продовольствием должны решить. Большой отряд всегда двигается медленнее небольшой группы, лошади не так выносливы как ящеры.

— Отряд двигается по дорогам, а мы можем идти напрямую. Да, из этого и исходила, даже потеряв неделю, мы легко нагоним Олиса, а то и перегоним. Лучше скажи, ночуем здесь или выдвигаемся?

— Выдвигаемся. Взгляните, моя принцесса.

Феликс знакомо усмехается, хорошее настроение к нему вернулось. Или он блестяще притворяется.

На тумбочке лежит крупный холщовый свёрток. С подозрением покосившись на забавляющегося Феликса, я разворачиваю сюрприз.

— Что это за ужас?!

Феликс заливается беззаботным хохотом.

Приобретение, бесспорно, полезное. Мне даже приятно, что Феликс обо мне позаботился. Но как он это проделал! В свёртке сапоги на великана. Сказала бы, что сапоги резиновые, но резины в империи нет. Вероятно, кожа, пропитанная специальным зельем. Голенища сапогов мне до ушей достанут. В комплекте к ним комбинезон из того же материала.

— Больше не промокните и не замёрзнете, моя леди.

Хм...

Отбросив сапог на кровать, я подхожу к Феликсу вплотную:

— Спасибо, мой рыцарь.

Его взгляд темнеет. Теперь я первой подаюсь навстречу.

— С-с-с.

— С-с.

Из-под кровати выглядывают сразу две чешуйчатые зрительницы, и не поймёшь, то ли между собой вслух обсуждают, то ли Феликсу советы шипят.

— Да чтоб вас!

Хвосты поотрываю.

Мы с Феликсом печально переглядываемся, и он с сожалением отходит к дорожным мешкам, а я подбираю с кровати комбинезон и прошу:

— Ящерка, отверни зеркало к стене, а? Не хочу себя в этой жути видеть.

— Ну что вы, моя принцесса, я специально подбирал, чтобы вы в костюме стали похожи... на жабу.

— С-с-с.

— Ш-с-с.

ТЬфу!

Глава 19

Перебираясь из города в город, за неполные два дня мы посетили их несколько, в том числе и относительно крупных. Я почти не вникала в то, что делает Феликс. Какая мне разница, как зовут очередного купца, за щедрую плату взявшего на себя обязательства пригнать стадо овец в южное приграничье? Важно, чтобы в нужное время овцы были и ящеры не остались голодными.

Отлучка получилась более долгой, чем я надеялась, но расчёт оправдался: старый ящер, взявший нас с Феликсом на спину, двигался стремительно, легко проходя по любому бездорожью, тем более, чем дальше мы продвигались на юг, тем открытее становилась местность, исчезли леса, холмы, перепады высот.

Олиса мы нагоняем на последнем перегоне. На ночь отряд расположился в излучине сухого русла, устроил временный лагерь.

— Стоять! Именем императора, назовитесь!

Естественно, мы не стали ломиться в лагерь на ящере. Подобрались под прикрытием темноты, а остаток пути прошли пешком. На рассвете дозорный рассмотрел нас с Феликсом, отдыхающих чуть в стороне, и выслал разведку.

— Её высочество императорская принцесса Крессида Небесная,
— лениво протягивает Феликс.

— Ваше высочество? Прошу прощения, но предъявите печать.

Требование абсолютно верное, я без возражений предъявляю:

— Ещё вопросы? — хмыкаю я.

— Никак нет, госпожа главнокомандующая!

Угу, если бы вопросов и вправду не было, не стали бы по тревоге поднимать Олиса. В сопровождении разведчиков мы с Феликсом входим в лагерь. Я краем глаза отмечаю, что один из них тёмной тенью метнулся вперёд и, как оказывается, не только для доклада главе лагеря. Мы дойти не успеваем, как навстречу нам из кареты выбирается заспанный и позёвывающий Олис. Совершенно детским жестом он трёт кулаком уголок глаза.

— Принцесса Крессида? Хорошо... Всё в порядке, принцесса?

Полагаю, “хорошо” относилось к тому, что я вернулась вовремя?

— Да, принц. Я лишь немного подышала свежим воздухом в сопровождении личного рыцаря.

— Предрассветная прохлада бодрит, — кивает Олис и распоряжается подать нам чай, на троих. Он прав, до восхода солнца недалеко, нет смысла ложиться.

Мы устраиваемся у прогоревшего кострища. Угли давно остыли, даже намёка на тепло не дают. Я жду от Олиса вопросов, но разговор не завязывается, Олис почти моментально начинает клевать носом. Глядя на него, я тоже ощущаю усталость. После забега по городам и сна урывками по несколько часов мне бы хоть день полноценного отдыха. Возможно, завтра, в форт-посте?

Феликс, поднявшись, раздевается до пояса и и словно напоказ принимается за упражнения с мечом. А может и не словно, а действительно напоказ. Если поначалу за игрой мышц я наблюдаю с ленцой, то постепенно хищная грация меня завораживает. Выпады, отскоки, резкие развороты... Воображаемый противник Феликса гибнет раз за разом.

Встаёт солнце, золотые лучи падают на обнажённую кожу, и в их свете она кажется медовой. Свет играет на клинке...

Феликс выполняет особенно сложную, почти акробатическую связку приёмов. Краем сознания я отмечаю, что едва ли такая связка полезна в бою, слишком легко подловить в неустойчивом положении. Феликс поворачивается ко мне и отвешивает поклон, но не как придворный лорд, а как артист.

— Вы смотрели, моя принцесса.

— Ты выпендривался, ящерка, — хмыкаю я.

— С-с-с, — тотчас раздаётся недовольное шипение. Из-под кареты высовывается плоская треугольная мордочка с раздвоенным языком.

Прищурившись, я спрашиваю у хвостатой:

— Кажется, ты его ревнуешь?

— Ш-с-с.

Ящерка прячется. Неужели я угадала и она застеснялась?

— Моя принцесса, — Феликс склоняется к самому моему уху, чтобы слышать могла только я и, возможно, ящерка, я не знаю, насколько тонкий у них слух, — я только ваш.

— Только мой? Мне нравится...

— С-с-с, — ящерка демонстративно недовольна.

Позавтракав, я ныряю в карету. Кто сказал, что она тряская тесная коробка на колёсах? Вот правда, что всё познаётся в сравнении. После спины ящера, карета видится роскошным авто, и пусть скорость её невысока, в карете можно сидеть с комфортом и даже лежать. Покачивание убаюкивает, и дорогу я почти не замечаю.

Феликс докладывает, что на горизонте появилась башня форт-поста, прибываем.

Я выглядываю из окна. Меня, привыкшую к городам, простор пленяет, но я отчётливо осознаю, что пейзаж берёт новизной. Почвы здесь неплодородные, засухи частые, обрабатывать землю трудно, зато некоторым породам скота раздолье.

Пейзажи подождут. Я откидываю сиденье, расположенное против хода движения. Под ним хранится часть багажа. В том числе есть кувшин с водой для умывания. Я наскоро привожу себя в порядок, переодеваюсь в военную форму.

— Хвостатая, ты здесь?

Нет ответа.

— Жаль. Я хотела солёной рыбкой угостить, — когда я поняла, что от шипящей свиты не отделаться, я специально заказала лакомства в предпоследнем трактире.

— С-с-с?

— Очень рада, что ты здесь. У меня для тебя есть рыбка и небольшое поручение.

— С-с?!

— Да, я поняла, что ты удивительно сообразительная, внимательная и чуткая.

Ящерку поток лести сбивает с толку. Неискушённая особа, что с неё взять. Слушать, какая она исключительная, восхитительная и неповторимая, ей явно нравится, а вот исполнять поручение ей категорически не нравится.

— С-с...

Я даю ей рыбку:

— Только ты сможешь быстро и незаметно найти Великого хана и рассказать, где и с какими силами он расположился. Приближаться опасно, достаточно взглянуть издалека.

— С-с-с...

Надеюсь, я не послала в разведку ребёнка? Кроме меня её ещё старший ящер запретит приближаться к степнякам, я через Феликса предупредила, чтобы проконтролировал свою младшую родственниц.

Жаль, ящеры не летают. Можно было бы осмотреться сверху... Подняться на воздушном шаре? Сейчас, конечно, не реально, но на будущее надо запомнить. Если найдутся мастера, способные воплотить идею, империя получит шар Крессиды Небесной.

Ящерка выскальзывает через приоткрытую дверцу кареты.

— Моя принцесса, вы ужасающе коварны, — хмыкает Феликс, заскакивая в салон. — Не думал, что скажу это, но форма вам очень идёт.

— Спасибо.

— Лорд Шесс передал, что что-то чует. Что-то нехорошее.

Я прислушиваюсь к себе и пожимаю плечами:

— Я — нет, я угрозы не ощущаю.

— Уверены, что шаманы не смогут подавить ваши способности, моя принцесса?

— Ящерка, ты прав. Но что ты предлагаешь? Я не могу прятаться в карете вечно. Более того, меня встречает глава гарнизона. Я обязана выйти. Хотя... какое-то смутное беспокойство вроде бы появилось. Интуиция это или твои слова не пойму. Ладно, выходим.

Какой бы опасность ни была, шуточной она точно быть не может, а значит даже толстые, усиленные металлическими пластинами стены кареты от неё не спасут.

Феликс выходит первым, осматривается. Но тщетно.

Руку он мне не подаёт — я прибыла не как принцесса, а как главнокомандующая, соответственно, отношение ко мне как к леди неуместно.

Глава гарнизона и выстроившиеся в две шеренги офицеры отдают честь. Я не спешу подходить, оглядываю форт-пост. Ожидаемо внушительное зрелище, но одновременно весьма печальное. Цепочка форт-постов служит обозначением границы империи. Деревни и города остались значительно севернее, а здесь во все стороны тянется унылая степь, продовольствие в форт завозят. Иными словами, без снабжения величественный форт-пост превратится в памятник самому себе.

— Приветствуем, госпожа главнокомандующая! — раздаётся хоровой выкрик.

Короткая речь у меня заготовлена.

Я почти забываю про опасность.

— Кресси!

Первым реагирует Олис, бросается ко мне но не успевает, слишком он далеко. Будто сам воздух рвётся, и из марева со свистом вырываются стрелы, окружённые едва различимым сиянием, вероятно, магическим. Стрела не пуля, я успеваю рассмотреть и гранёный наконечник, и пышное оперение, явно непростое. И окончательно уверяюсь, что против меня использовали магическое оружие. Возможно, лучшее в степи.

Феликс сбивает меня с ног. Больно ударившись локтем и коленом, я перекувыркиваюсь вместе с ним по земле, и мы одновременно смотрим в направлении выстрела. Стрелы должны ударить туда, где я стояла, но ничего подобного. Все три стрелы меняют направление.

Ругнувшись, Феликс в считанное мгновение оборачивается в крупного ящера с такой лёгкостью, словно перевоплощается несколько

раз в день. До сих пор ему требовался мой приказ... Феликс закрывает меня собой, своим телом.

За ним я перестаю видеть, что происходит вокруг, лишь слышу крики:

— Защитите её высочество!

— Отряд, в атаку!

Неведение надолго не затягивается. С криком Феликс отлетает в сторону.

Нечто...

Одна из стрел пробила чешую у кончика хвоста, там, где защита, наверное, тоньше и податливей, но не прошла насквозь, древко не только осталось в хвосте, оно будто крутанулось и сдёрнуло Феликса с места как котёнка.

Потеряв импульс, первая стрела так и застряла в хвосте.

Но две другие всё ещё нацелены на меня.

Олиса окружили его телохранители, мои же слишком далеко, они ничего не успевают.

Я сама не понимаю, как оказалась на ногах. Стрелы я встречаю спокойным равнодушием. Я до последнего не верю, что стрелы способны меня убить. Одна ударяет в грудь, метя в сердце. Вторая — в шею.

Древний амулет откликается раньше, чем я о нём вспоминаю. Вместо ударов я ощущаю один за другим два безобидных толчка. Стрелы падают к моим ногам.

Легендарная броня закрыла корпус, плечи, ноги выше колен, шею и частично прикрыла голову — появилось что-то вроде широкого обруча с выступами у висков.

Я оглядываюсь. Отряд кавалерии уже выдвинулся к месту, откуда был выстрел, но солдатам там уже ловить нечего. Я вижу три распростёртых тела и двух хвостатых сплетниц, показавших, что они не только шипеть умеют, но и справляться с врагами.

Думаю, не ошибусь, если предположу, что стреляли в меня шаманы, освоившие невидимость. Жаль, допросить не получится. Впрочем, бестолку. Наверняка Великий хан догадался связать их клятвой, которая просто не позволит пленникам заговорить.

— Ящерка?

Стрелы искали точки для смертельного удара, но вдруг они были отравлены?

Феликс тяжело поднимается, оборачивается, находит взглядом меня, убеждается, что я невредима. Я почти физически ощущаю его облегчение.

— С-с...

— Ящерка?

Как минимум, стрелу нужно выдернуть...

— Ваше высочество?!

— Да здравствует её высочество!

Меня отвлекают офицеры, и гарнизонные, и прибывшие со мной.

— С-с-с.

Феликс не в порядке, от головы вдоль позвоночника проходит волна крупной дрожи.

Офицеры зачем-то пытаются оттеснить меня от Феликса. Испугались его звериной ипостаси? Я бы тоже напряглась, если бы в мгновение ока из ниоткуда рядом со мной возник крокодил. Но беспокоятся они напрасно. Рывкнув, чтобы перекрычать гомон, приказываю построиться, а сама не отвожу взгляд от Феликса. Два раза дрожь повторяется, причём паузы между волнами всё меньше.

Наверное, больно...

— Целителя ко мне!

Вместе с лекарем подходит Олис. Думаю, он понял, что к чему. Про род Шесс он не может не знать.

— Моё глубочайшее восхищение, Кресси.

Приятно, конечно, но сейчас не до комплиментов. Я наблюдаю, как целитель с отвратительной неуверенностью примеряется к стреле. Солдат он также лечит? Я уже собираюсь вмешаться, но Феликс встряхивается по-собачьи, раздаётся хруст и... покалеченный хвост отваливается.

Целитель отпрыгивает как ужаленный.

Феликс ещё раз встряхивается, оборачивается ко мне и издаёт тихое шипение. Уловить смысл по интонации, увы, не получается. Я протягиваю руку и легонько глажу по носу.

— С-с, — отвечает на моё прикосновение Феликс.

Не похоже, что у него что-то болит.

— Обратно обратиться сам не сможешь?

Феликс беспокоенно переступает с лапы на лапу. Я собираюсь помочь приказом.

— Кресси, — останавливает меня Олис.

— Хм?

— Взгляни налево. Мундир разодран в клочья. Возвращение человеческого облика поставит лорда Шесса в крайне затруднительно положение.

— Что я там не видела? — фыркаю я. Фыркаю тихо, чтобы посторонние не услышали, хватит того, что Олис смотрит на меня круглыми глазами и, кажется, надеется, что я шучу.

— С-с-с, — разозлённо выдыхает Феликс.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь.

— Олис, — обращаюсь я, — тебя не затруднит распорядиться по поводу одежды для лорда Шесса?

— Без проблем.

Отлично.

Оставив Феликса и Олиса разбираться с проблемой гардероба, я подхожу к выстроившимся военным. С одной стороны, я не собиралась так рано раскрывать наличие у меня легендарной брони. С другой стороны, я хранила амулет в секрете именно на такой случай — из расчёта на покушение. И расчёт полностью оправдался, амулет меня спас.

— Да здравствует её высочество принцесса Крессида Небесная!

— Да здравствует её высочество принцесса Крессида Защитница!

У-у-у...

Я прохожу вдоль строя, всматриваюсь в лица. Офицеры в первом ряду отводят взгляды — явно ощущают за собой вину. Степняки чётко показали, кто на юге хозяин. Прозевать трёх лучников — позор. И то, что это лучники-шаманы, служит оправданием, но ситуацию не меняет.

Главе гарнизона и вовсе грозит трибунал.

— Здравствуйте, господа офицеры, солдаты!

— Здравствуйте, госпожа главнокомандующая!

Раз уж я принцесса Защитница...

— Я пришла защитить благополучие нашего юга, пришла раз и навсегда избавить наши земли от разорительных кровопролитных набегов. Я желаю, чтобы мир воцарился по обе стороны границы.

Пафос, пафос и ещё раз пафос. Аж зубы сводит. Но в приторном сиропе плавают вполне конкретные обещания, я добровольно связываю себя по рукам и ногам. Зато сочетание получилось — перец чили в сахаре. Военным нравится...

Продолжая говорить, я обхожу строй и каждому из встречающих уделяю внимание — обмен взглядами, намёк на улыбку. В ответ я получаю уважение. Спокойное выступление сразу после покушения на мою жизнь, едва не увенчавшееся успехом, в глазах военных стоит дорого. И я закрепляю успех, а про себя удивляюсь. Откуда это спокойствие взялось? Да, я была готова и верила в свою защиту, верила Книге, верила, что подсказки Судьбы ведут меня правильным путём. Только верила-то я не до конца, здравый смысл ещё со мной. Я могла неправильно понять подсказку, а шаман-лучник мог пробить легендарную броню, амулет ведь почти наверняка долгое время оставался в степи, и не просто в степи, а в руках Великого хана. И чтобы хан расстался с побрякушкой, не найдя способа справиться с древней магией? Ха!

— Да здравствует принцесса Защитница!

— Сегодня на защиту империи встали не только вы, щит и меч, нашей страны, но и древние ящеры, — я, наконец, перехожу к главному.

Изначально я не собиралась тесно знакомить двуногую и хвостатую армии, но обстоятельства вынуждают переиграть мелкие детали плана.

— С-с-с...

— С-шс, — раздаётся со всех сторон.

По одному, по двое ящеры начинают стекаться во двор форт-поста. Степь по-прежнему кажется безжизненной. Как этим немалым тушам удаётся прятаться в соломенных стебельках, настоящее чудо. Я сколько ни вглядываюсь, замечаю ящеров в самый последний момент, когда они сами готовы показаться.

— Да сколько же их! — эмоционально восклицает кто-то несдержанный.

Я поворачиваюсь на голос. Жаль, не понять, кто там такой говорун.

— Чем больше надёжных союзников, тем легче победа. Простая мысль ведь. Я, императорская принцесса, главнокомандующая южной

кампанией, приветствую наших союзников.

— С-с.

Наверное, не всем легко принять соседство с ящерами, способными взрослого крокодила пополам перекусить.

Но это их проблемы, пусть терпят и ведут себя вежливо. Иначе — в пасть.

С формальностями покончено.

Глава форт-поста, косясь на увязавшуюся за нами двухметровую мелочь, причём ящерка незнакомая, я уверена, что настолько близко вижу её впервые, провожает меня в жилую комнату, якобы лучшую. На ходу вояка неуклюже извиняется, что пост простой, на высочайшие визиты не рассчитан. Я отмахиваюсь. Казарменный стиль мне в новинку, но привычный комфорт последнее, что меня заботит.

Качнув головой, я отказываюсь от отдыха, пара часов меня не спасут, а время дорого. Глава форта приглашает меня в кабинет, на кабинет не слишком похожий. Скорее комната совещаний, потому что большую часть пространства занимает стоящий по центру помещения стол, и на нём расстелена подробная карта. Ящерка проворно по стене взбирается на потолок, висит точно над квадратиком, обозначающим наш форт-пост. С высоты она смотрит на нас с нескрываемым превосходством.

К нам присоединяются ещё двое офицеров и Олис. Феликс почему-то не пришёл. Олис, правильно поняв причину моего беспокойства, шёпотом поясняет, что Феликс ушёл о чём-то общаться с ящерами. Ладно...

— Госпожа главнокомандующая, наш форт-пост слишком ничтожен, чтобы выдержать серьёзную осаду.

— Понимаю. Что вам известно о расположении противника?

Глава форта мнётся.

Ну да, шаманов проворонил.

— С-с-с, — уничижительно высказывается ящерка с потолка.

Доклад я выслушиваю и уступаю инициативу Олису. От парня проку больше, а мне по-прежнему лучше от протокольных фраз далеко не отходить, тем более военных в моём плане нет. Точнее, они есть, прикрывают тыл.

Феликс появляется без предупреждения — распахивает дверь, уверенно входит, не дожидаясь разрешения. Найдя меня взглядом,

обозначает поклон, приправленной далёкой от уважения ухмылкой. Он вновь щеголяет человеческим обликом и мундиром, и мысли у меня уходят совсем не туда, куда следует, приходится сделать над собой усилие, чтобы вернуть деловой настрой.

— Госпожа главнокомандующая, прошу прощения за вторжение. Великий хан найден, — сообщает Феликс.

— Позвольте, я угадаю, лорд. Великий хан поблизости?

— Вы прозорливы, госпожа главнокомандующая, — Феликс вновь слегка склоняется передо мной. — Великий хан близко, расположился временным лагерем со своими лучшими ударными силами. Он готовится захватить форт, захватить вас, ваше высочество.

— Принцесса, вам следует уходить! Немедленно!

На главу форта я просто не реагирую. Что за чушь он несёт? Для чего я, по его мнению, пришла?

— Кстати, весьма любопытно, что хан жёстко допрашивал одного из шаманов.

— Вот как? — Феликс не стал бы говорить об этом просто так.

— К сожалению, наши разведчики не всё поняли. Сегодняшнее покушение шло вразрез с приказом Великого хана. Он намерен получить вас живой.

Я прищуриваюсь.

Покушение выбивалось из общей канвы.

— Разведчики смогли понять, кто именно пошёл против приказа хана? Ему противостоят поборники старых традиций или чисто власть не поделили?

— Нет, к сожалению.

— Специально выяснять не нужно, — пресекаю я.

Кого бы хан жёстко не допрашивал, едва ли я успею спасти. Да и враг моего врага далеко не всегда потенциальный союзник, со сторонниками старых традиций я точно не договорюсь.

— Лорд, — обращаюсь я к Феликсу, — ящеры готовы выступить прямо сейчас?

Подземная жизнь, уверена, научила их ориентироваться в темноте или вовсе обходиться без зрения. Значит, к утру всё решится.

— Потребуется час-полтора, госпожа главнокомандующая.

Феликс говорит вполне уверенно.

Я прикидываю, что сегодня купец уже должен был доставить стадо. Если за ночь его перегнать, то утром у хвостатого войска будет сытный завтрак. Нормально...

— Приступайте. Частности оставляю на вас, лорд.

— Благодарю за оказанное доверие, госпожа главнокомандующая, — Феликс отвешивает очередной поклон, на сей раз для разнообразия глубокий. Шут.

Отослав его небрежным взмахом кисти, я сворачиваю совещание. Присмотр за фортом ляжет на Олиса, а я, наконец-то, доберусь до выделенной мне комнаты и на несколько часов забуду обо всех проблемах.

Завтра предстоит трудный день...

Завтра я узнаю, чего стоили все мои планы, я узнаю горечь позора или сладость триумфа. Завтра... Я засыпаю.

Утром меня будит леди-офицер, прибывшая в составе сопровождавшего меня кавалеристского отряда:

— Госпожа главнокомандующая, срочное сообщение из столицы.

Я рывком сажусь. Что это за новости?! Из столицы я сообщений точно не ждала.

Лучи восходящего солнца заливают постель золотом. Леди подаёт мне сложенный пополам лист бумаги. Я разворачиваю. Послание действительно из столицы.

Глава 20

Пробежав короткое, всего на четыре строки сообщение, я комкаю лист:

— Да что они о себе вообразили?!

Взглядом я невольно упираюсь в затянутую в форму и подтянутую леди. Она принимает заданный в воздух вопрос на свой счёт.

— Не могу знать, госпожа главнокомандующая!

— Можете идти, госпожа капитан.

— Есть!

Потянувшись, я поднимаю бумагу и ещё раз перечитываю. Теперь спокойнее. Итак, Королевство Мергон, наш северо-восточный сосед, предлагает военную помощь в решение степной проблемы. Додуматься надо... Во-первых, мы победим раньше, чем они раскачаются и реально что-то сделают. Во-вторых, про какую такую

помощь они говорят? Пока они со своих льдин доползут до южных степей, растают. Ладно-ладно, на льдинах они не живут, у них в основном дремучие леса, Мергон поставляет лучшие меха, но это сути не меняет. В-третьих, я не верю в бескорыстие. Да, у нас, не считая мелких разногласий, крепкие добрососедские отношения вот уже больше тысячи лет. Но дружественные отношения — это абстракция, а услуга за услугу — конкретика. Впрочем, что им от нас понадобилось, пусть папа с Тери разбираются, это по их части.

Интересно, как там хвостатое войско?

Мне настолько не терпится окунуться в дела, что аппетит пропадает. Меня потряхивает от смеси нетерпения и беспокойства. Страшно... Страшно ошибиться, подставить доверившихся мне, обмануть ожидания. Тряхнув головой, я отгоняю сомнения прочь, встаю, наскоро умываюсь, ополаскиваюсь из тазика холодной водой. Водопровода в форт-посту нет, воду таскают вёдрами из колодца, и я обхожусь тем, что у меня с вечера осталось.

Одевшись, я заставляю себя позавтракать и выхожу.

Уж не знаю, глава форта ранняя пташка или ему доложили, что начальство подскочило ни свет ни заря, он приветствует меня в коридоре.

— Доброе утро, — киваю я. — Есть новости?

— Пока нет, ваше высочество.

Почему?

Ящеры ушли ещё до заката. Ночь — их преимущество. По идее, всё уже должно было быть закончено.

Ожидание мучительно...

Вздохнув, я ненадолго занимаю себя ответом столице, сообщаю, что пока помощь не нужна и едва ли она потребуется.

— Доброе утро, Кресси, — Олис, соблюдая этикет, кланяется, причём по-придворному.

— Олис! Доброе утро. Тоже не спится?

— Мне не терпится услышать новости, — хмыкает он. — Полагаю, как и вам?

— Да, — соглашаюсь я, хотя Олис не угадал, меня разбудили, не сама проснулась.

Впору отправиться в степь, но...

Только через два с лишним часа дозорные докладывают, что к посту приближается группа ящеров.

Я устремляюсь во двор навстречу. Не в кабинете же хвостатых ждать. Олис не отстаёт, и за нами тянутся офицеры. В результате встреча получается неожиданно торжественной, и, главное, только остановившись в центре двора, я понимаю, что неоправданно поспешила и сама себя поставила в неловкое положение — генералы не ждут солдат, пусть и столь необычных.

На выручку приходит Олис.

— Госпожа главнокомандующая, — обращается он по всей форме, — разрешите доложить!

Олис вчера занимался фортом вместо меня, ему есть, что сказать, причём по делу. С его подачи получается, что мы все вышли во двор не ради ящеров, а ради обстоятельного отчёта.

— Благодарю, ваше высочество. Вы проявили образцовую дотошность. Теперь мы можем быть уверены в крепости наших тылов, — в отличии от Олиса я могу только пафосом блеснуть.

В целом же выступление на пару получилось неплохим.

— С-с-с.

— Шс, — обращают на себя внимание ящерки. Они уже минут пять как приползли.

Я отмечаю, что самых крупных среди них нет, средние, помельче и одна двухметровая кроха. Она-то ко мне и подбирается.

— С-с.

— Доброе утро, леди Шесс.

— С-с.

Мотнув головой, ящерка демонстрирует зажатую в зубах кожаную папку. Олис делает шаг вперёд, опускается на корточки. Ящерка, покосившись на меня и убедившись, что я не возражаю, отдаёт папку.

— Спасибо, леди Шесс, — благодарю я её.

Олис поднимается, протягивает мне папку, не пытаясь заглянуть внутрь.

Записка от Феликса, кроме его личной подписи, стоит оттиск печати.

“Госпожа главнокомандующая, рад сообщить, что ваш приказ исполнен. Лагерь взят. С нашей стороны потерь нет. Со стороны степняков потери незначительные. Великий шаман жив, но серьёзно

ранен, вряд ли доживёт до полудня. Также при смерти старший шаман круга. Остальные шаманы круга мертвы. Погибли два хана наиболее преданных Великому хану”.

Вывод очевидный — следует поторопиться.

— Госпожа главнокомандующая? — окликает меня Олис.

— Союзное войско под командованием моего личного рыцаря взяло лагерь Великого хана, — громко объявляю я.

Объявляю и сама себе не верю. Так легко получилось?! Будто сама судьба мне подыгрывала. Хотя почему “будто”? Как раз-таки подыгрывала.

— Ура!

— Да здравствует принцесса Защитница! Да здравствует принцесса Победительница!

— Ура! Ура! Слава империи!

Ящерок незаслуженно обошли вниманием. Главным образом это их победа. Впрочем, в том, что слава достаётся командирам, нет ничего нового.

— Да здравствует род Шесс, — вклиниваюсь я.

— С-с-с.

Солдаты и офицеры подхватывают.

Я же поворачиваюсь к ящерам средних размеров. Если размещаться по двое на спину, я смогу взять...

— Госпожа главнокомандующая, может ли быть, что вы лично собираетесь отправиться в лагерь?! — один из телохранителей сообразил, о чём я задумалась.

— Хм?

— Ваше высочество, прошу прощения, но во имя вашей безопасности я должен настаивать. Нет никаких причин, чтобы вы лично посещали лагерь или приближались к пленникам на нашей территории.

— Достаточно лорд. Причины есть, и настолько веские, что в лагерь отправлюсь не только я, но и его высочество принц Олис.

— Ваше высочество! — кажется, кто-то не вовремя вспомнил, что я взбалмошная эгоистичная капризуля.

Особам императорской крови не пристало лезть в самое пекло, да-да.

— В лагере уже безопасно, — отмахиваюсь я.

Сама же морщусь от того, насколько глупо прозвучало. Неизвестно, на что способен старый шаман, связанные руки едва ли помешают ему бросить прощальное проклятье, не говоря уже о том, что Великого хана сопровождают лучшие воины. Освободиться и ударить, разменять свою жизнь на мою они способны.

Олис склоняет голову к плечу, жестом показывает, чтобы нам дали пространство.

— Знаете, Кресси, на что это похоже?

— Хм?

— На грубую ловушку. В лагере опасно, и аристократы... Кроме южан-мятежников, разумеется, но они, как заведомо проигравшие, не заслуживают упоминания. Так вот, аристократы равнодушно примут новость о трагической гибели лишнего, никому не нужного младшего принца.

— Похоже, — вынужденно соглашаюсь я. О подобном я не задумывалась, но Олис абсолютно прав. К тому же я вынудила его идти за мной вслепую. Прямо сейчас детали я не раскрою, не при лишних ушах, но... — Именем Рейзан Судьбоносной...

— Не стоит, Кресси, — перебивает Олис. — Я верю. Просто странно... Ты больше не отвергаешь меня, но так ни разу не назвала братом.

У-умный. Оброненное вскользь замечание я игнорирую и легкомысленно предлагаю:

— Тогда идём?

— Да, — в ответной улыбке сквозит горечь.

Не тратя время на сборы, я выбираю свиту. Мне, конечно, пытаются навязать лучших бойцов, но я отдаю предпочтение не боевым качествам, а уму и организаторским талантам. Остальные же пусть добираются сами, как хотят, благо лагерь Великий хан разбил относительно недалеко от форт-поста, далеко углубляться в степи не придётся, лошади справятся.

Нам с Олисом подставляет шею самый крупный ящер из группы.

— С-с-с, — выдыхает он и распахивает кожаный капюшон, за которым так удобно укрываться от встречного потока воздуха, к которому в степи обязательно примешается пыль, песок.

Ящеры сразу набирают хорошую скорость, и я вжимаюсь в тёплую шершавую шкуру.

Олису держаться труднее — для него это первая поездка столь необычным способом. Но справляется он достойно. Привыкнув, он даже чуть приподнимает голову и с интересом всматривается в пейзаж.

Пожалуй, степь по-своему прекрасна. Здесь не найти тенистых лесов и фруктовых садов, зато простор поистине бескрайний, здесь можно мчаться с ветром наперегонки до самого горизонта, вдыхать пряный аромат трав. А как восхитительно будет выглядеть степь весной, укрытая ковром цветов?

До лагеря оказывается намного ближе, чем я ожидала, рассматривая карту.

Олис спрыгивает на землю первым, помогает спуститься мне.

— Так близко? — вторит он.

— С башни лагерь не рассмотреть, — пожимаю я плечами. — Но разве патрули в степь не ходят?

— Должны ходить, мы ведь проезжали вышку, и она отсюда видна, вон, — указывает он рукой на колченогую поделку из жердин.

— С этим тоже придётся разбираться, — соглашаюсь я.

Но сейчас важнее всего старый шаман и Великий хан. Ящеры подсказывают дорогу. Прикинув, что сейчас предстоит, я отправляю свиту оценить состояние лагеря, пересчитать пленных, оружие. Словом, заняться делом, причём подальше от нас.

С первого взгляда ясно, что лагерь временный. Начать с того, что нет ни намёка на присутствие кого бы то ни было, кроме воинов: ни женщин, ни детей, ни стариков. Старк-шаман есть, но его я отношу в категорию воинов, так что не в счёт. Больших шатров всего несколько, и они заметно уступают шатрам, описанным нашими дипломатами. Вместо дворца из пёстрых ковров, всего лишь не особо просторные войлочные домики.

— Сдохни! — воин, до сих пор смирно лежавший, придавленный хвостом одного из ящеров, резко приподнимается, замахивается.

Отражённый лезвием солнечный луч на миг слепит.

Воин, сбитый ударом хвоста, с криком заваливается, а кинжал безобидно отлетает куда-то в сторону. Я прохожу мимо.

Оглядевшись, забираюсь на спину ближайшего ящера:

— Воины степи, — громко обращаюсь я к пленникам. Увы, не все слышат, но меня прежде всего интересуют бойцы личного войска

Великого хана, а они как раз здесь, — вы проиграли. Я, главнокомандующая армией империи, императорская принцесса Крессида Небесная, даю слово, что сохраню жизни тем, кто примет своё поражение с достоинством. Больше того, я знаю, что вы грабите наши деревни, чтобы прокормить своих детей. Я готова продавать народу степи продовольствие за оплату, посильную народу степи. Те же ковры, редкие степные лекарственные травы... Я готова сохранить ваши жизни и жизни ваших детей.

Едва ли мне верят, но больше не покушаются — ящеры бдят.

Олис вновь помогает спуститься, и мы идём вслед за мелкой ящеркой к навесу, устроенному неподалёку от самого большого шатра. Если честно, ни малейших предположений, зачем этот навес устраивали степняки. Сейчас он служит крышей смертного одра Великого хана. Сообщив, что хозяева степи плохи, Феликс не преувеличил. Скорее, преуменьшил.

Даже в столь жалком состоянии, с рваной раной в боку, Старший шаман смотрится величественно, а его борода словно зачарованная — ни капли крови не попало при том, что одежда пропитана насквозь.

Почувствовав мой взгляд, шаман приподнимает веки, но тотчас опускает.

Великий хан... стоит удивиться, что он ещё дышит. Видимо, мы застали последние вдохи. Одежда пропитана кровью, нога вывернута под неестественным углом, но в ворохе драных лохмотьев, в которые превратился его наряд, без сомнения вычурный и дорогой, не понять, сломана или лишь странно поджата. Великий хан без сознания. Мне так показалось.

Феликс прижимает ладонь к сердцу, склоняется в поклоне:

— Моя принцесса, принц Олис.

Вздрогнув, хан не только глаза распахивает, но и голову приподнимает. Взгляд ясный, осмысленный. Лицо перечёркивает кривая усмешка.

Наверное, можно было бы позлорадствовать. Когда, как не сейчас, растоптать гордость этого выдающегося вожака? Речь над поверженным, умирающим противником — амплуа злодеев. А хан, без сомнения, человек исключительный. Никто до него не смог собрать племена в кулак и крепко держать. Если бы его план удался, его восхождение стало бы новой вехой в истории степного народа.

Хах, правильное сказать, уже стало, ведь я собираюсь продолжить его дело, просто иначе, медленнее и без кровопролития.

— Скоро, через сотню лет, крепостные стены империи станут выше, толще, неприступнее. Совсем скоро, придя за урожаем, дети степи уйдут ни с чем. Ты знаешь, что твой народ обречён.

Хан слушает. Его рот кривится в совсем уж уродливой улыбке.

— Сытая имперская девочка, — выдыхает он. — Давай, убей Олиса.

Сытая? Нет.

Я прожила жизнь простолюдинки, и пусть я никогда не голодала, не испытывала настоящей нужды, не знала, что такое захватившая твой дом война, я по-настоящему переродилась.

— Я не позволю убить мою семью во благо твоего народа, Великий хан. Но я готова предложить тебе мир.

— Мир?! — он заходится нехорошим булькающим кашлем. — Это я должен бредить, не ты, моя драгоценная неслучившаяся наложница.

— Ты знаешь, что по ту сторону степи? Я видела редкие дикивинки, попадающие в империю с юга. Уверена, ты знаешь больше. Я хочу торговать с югом и готова платить продовольствием за безопасную дорогу, за строительство гостевых домов. Я клянусь Рейзан Судьбоносной, что я говорю абсолютно серьёзно. Тебе интересно?

Хан запрокидывает голову, хрипло, с присвистом дышит, с трудом глотая воздух.

Ему бы целителя... Но при мне в свите целителей нет. Да и при всём моём уважении к этому человеку, он враг, которого я боюсь оставлять в живых. Опять же, его методы... Императрица влюбилась в этого уже отнюдь не молодого властного мужчину или он взял её силой? А другие жертвы, среди которых должна была быть и я?

— Она светится, — с трудом, теряя окончания, произносит шаман.

Не совсем понимаю, что он имеет в виду. Он видит, что моё упоминание богини не пустое?

— Доверить судьбу степи дочери богини судьбы? Да... Занятная штука. Теперь я понимаю, почему ваш род непобедим.

— Мне нужен артефакт. Корона Степи. Ты ведь создал корону?

— С-с-с.

Ящерка опережает хана, вытаскивает из шатра сундучок или скорее крупный ларец, бросает, переворачивает, и на землю выпадает простенький ободок с тремя грубо сделанными зубьями.

— Да, она, — кивает хан. Ему на глазах плохеет и он, чувствуя, что это его последние минуты, торопится. — Дайте мне, поднимите меня, — хан переводит взгляд на Олиса. — Сын, подойди.

— Сын?! — поражённо охает Олис.

— Сын, — усмехается хан.

Я смотрю на парня с искренним сочувствием. Его мир только что перевернулся вверх тормашками, и перевернулся с моей подачи. Вины я за собой не чувствую — тайна не моя, и не мне её раскрывать.

— Кресси? — Олис оборачивается в поисках поддержки, но по моим глазам понимает, что хан не лжёт. — Ты знала!

Он снова поворачивается к хану.

Времени нет.

Ящерка уже выплюнула корону хану в руки, и тот с неожиданной ловкостью её поймал, вцепился в ободок до побелевших костяшек. Кажется, металл рассёк кожу на ладони, потому что закапала свежая кровь. Хан не обращает внимания. Феликс, подхватив его подмышки, резко поднимает. Сам хан стоять не способен и повисает в руках Феликса. На долю мига он отключается, но корону не теряет.

— Давай же, сын.

Олис взял эмоции под контроль, он опускается на одно колено, прижимает ладонь к груди, чуть опускает голову. Как вассал перед сюзереном. Но нет, он не вассал. Преемник, наследник.

Великий хан с невероятным трудом удерживает простенькую корону. Как всегда внезапно моё зрение перестраивается, и я начинаю видеть больше. Корона артефакт, и неказистая лишь внешне. Скорее всего её сделал кузнец, привычный к грубой работе, но никак не ювелир. В сплав добавили растёртые в порошок энергетические камни, и добавили щедро. Я не разбираюсь в артефакторике настолько, чтобы определить второй компонент, но мне это и не нужно, я вижу, что порошок и вторая добавка образуют почти монолитную структуру — идеальная основа для по-настоящему мощного артефакта.

Легенды гласят, что регалии были переданы нашему роду самой Рейзан Судьбоносной. Отчасти я верю. Ни современные, ни древние

мастера не могли бы создать артефакт, даже отдалённо похожий на Книгу судьбы. Но в Малой сокровищнице хранятся и другие артефакты. Та же маска Безликих мощнейшая, древняя, но явно рукотворная.

Однажды столь же мощной может стать корона хана. От неё уже тянутся многочисленные поводки магических клятв.

— Кровь от крови моей...

Великий хан одновременно и признаёт Олиса своим не просто сыном, а своим наследником, и передаёт ему корону. Фактически, коронует. Просто, в отношении степи, не признающей наследственной передачи власти так говорить некорректно. Но это пока.

Одна из самых толстых нитей тянется к Старшему шаману, а от него разбегаются ниточки потоньше. Небольшое усилие, и я вижу на их концах шаманов круга, учеников. Одна из связок нехорошо пульсирует. Словно через резиновый шланг протаскивают шарики большего диаметра, и в месте, где они поднимаются, резина растягивается. Только к старику бегут отнюдь не шарики. И выглядит старик заметно лучше. Да он прямо сейчас тянет чьи-то жизненные силы, убивает, чтобы залатать свои раны, поправиться и встать полным энергии.

Старший шаман встречает мой взгляд, растягивает губы в улыбке:

— Это наши дела, — его шёпот едва различим. — Ученик знал, на что шёл, и был готов отдать свою жизнь мне.

Шаман опаснее, чем я предполагала.

— С-с? — спрашивает ящерка. Шаман ей на один зуб.

— Не спеши, принцесса. Я тебе нужен.

— Зачем бы?

— Я понял, что ты задумала. Не скрою, план Великого хана нравился мне больше, но я научен довольствоваться малым. Я хочу того же, что ты собираешься дать детям степей — будущее. Расспроси обо мне, принцесса. Я был волком-одиночкой, свободолюбивым гордецом, но ради будущего я добровольно стал сторожевым псом на поводке. Великому хану Олису потребуются степняки, на которых он сможет опереться. Я один из них. Я полезный.

Не лжёт...

Или лжёт настолько ловко, что обманывает мои способности.

— Ты можешь исцелить...

— Корона передана, принцесса. Отныне у старого пса новый хозяин. Хозяина, отдавшего поводок, я исцелить не могу. Раньше мог. Но зачем? Хан, проигравший битву, должен умереть.

Я бросаю взгляд в сторону. Хан возложил корону на голову Олиса, кровью то ли испачкал, то ли нанёс на лоб не знакомый мне знак. Феликс положил хана обратно на землю, а Олис поднялся и теперь возвышается над отцом. А бывший Великий хан хрипит. Лицо сереет.

Получается, его жизнь поддерживал Старый шаман? Больше поддержки не будет...

Ухитрившись расслышать наш разговор, хан, глядя на Олиса, произносит вполне внятно:

— Сын, он надёжный пёс.

Олис сжимает кулаки и бессильно выдыхает:

— Ненавижу.

— Отныне судьба детей степи в твоих руках. Сын.

Хан растягивает губы в усмешке. Несколько секунд он смотрит на Олиса. Его глаза закатываются, воздух со свистом выходит из груди. Владыка степи скончался...

Я молчу, отдаю дань выдающемуся человеку. Мы все молчим. Даже ящеры не шипят. Первым заговаривает Олис:

— Ненавижу..., — но при этом склоняется и закрывает хану глаза.

Олис отступает на шаг.

— Шаман, тебе знакомо бальзамирование? В степи слишком жарко, — тихо спрашиваю я, но Олис слышит, вскидывается:

— Разве недостаточно просто похоронить?

Им опять владеют эмоции.

Я пожимаю плечами. Уверена, Олис понимает не хуже меня, что торжественные похороны, как бы цинично это ни звучало, нужны прежде всего для него самого, нужны, чтобы собрать вместе ханов мелких и крупных племён, утвердить над ними свою власть, показать себя как преемника, укрепиться в статусе нового Великого хана. Но все эти разумные мысли будут позже.

Олис отходит в сторону.

Я догоняю, молча останавливаюсь рядом, беру его за руку и крепко сжимаю пальцы.

— Даже не знаю, что хуже, — усмехается он, — узнать правду о своём происхождении или узнать, что ваше отношение ко мне поменялось, когда вы узнали правду, ваше высочество. Родным я был не нужен, а как оказался чужаком, так можно и принять будущего вассала.

— Это не так, Олис. Правду знали только папа и её величество. Меня же всегда влекли легенды о нашем былом могуществе, и я тайком спустилась в Малую сокровищницу, коснулась Книги судьбы. Именно так я узнала о готовящемся покушении на папу. И заплатила за чтение своей жизнью. Я умерла, умерла по-настоящему, Олис. Около минуты моё сердце не билось. Мне повезло, я вернулась из-за грани, и после этого моё восприятие действительности изменилось, и я, наконец, осознала то, что папа должен был объяснить мне маленькой. Я не спешила к тебе приближаться, я не была уверена, на чью сторону ты встанешь. О твоём происхождении я догадалась позднее, когда сопоставила некоторые странности с подсказками из Книги.

Он всматривается в моё лицо, словно хочет проникнуть в мысли. Лоб перечёркивает вертикальная морщинка, отчего знак, нанесённый ханом искривляется, но это уже не имеет значения. Олис едва заметно расслабляется, напряжение уходит из его позы.

— Действительно? — переспрашивает он.

Я киваю:

— Знаешь, мне показалось, что неправильно называть тебя братом, пока я знаю правду, а ты нет. Для меня твоё происхождение ничего не значит. Кроме политической выгоды, но это про здравый расчёт, а не про чувства. В семьях бывают приёмные дети, и между ними и родными не делают различий. Правда... Сказать, что ты для меня значишь то же, что Тери или Лёк, будет ложью, но... для меня ты не безразличен, брат. Мне жаль, что в семье тебя не приняли.

Внезапно Олис рассмеялся, на лице заиграла добрая, но немного покровительственная улыбка. Я даже опешила от резкой и не понятной мне смены настроения:

— Кресси, сестрёнка, ты в своём слепом эгоизме неподражаема.

— А? — хлопаю я глазами. Олис о чём? Конечно, в альтруисты я не перекрасилась, но я ведь к нему искренне...

Олис выжидательно смотрит, но понимания так и не дожидается, качает головой:

— Кресси, в дома меня не принимала только ты. О том, что у папы, у Тери, у Лёка может быть другое мнение, ты до сих пор мысли не допускаешь. У тебя, сестрёнка, сейчас на лице такое удивление, как будто ты узнала, что тараканы подняли против тебя мятеж и захватили дворец. Тебе хотелось, чтобы меня не принимали, и ты думала, что всё происходит по-твоему. Я поражаюсь тебе, Кресси.

— А-а...

— Скажи уже “бе”, Кресси. Папа к нам, сыновьям, был одинаково строг. Он мало проводил с нами времени, но всё равно раз в несколько дней находил хотя бы час, чтобы побыть с каждым из нас наедине, расспросить, что нас беспокоит, похвалить, подурачиться. Тери тоже относился к нам с Лёком одинаково, а уж с Лёком мы в детстве как только не безобразничали. Вместе, Кресси.

Как?!

— А-а...

— А при тебе Лёк всегда надувался от важности и молчал, мне потом говорил: “Будем, как положено умным мужчинам, снисходительны к принцессе”.

— О?!

— Новый звук, — притворно восхищается Олис.

— Не могу поверить.

Это же как надо было погрузиться в фантазии, чтобы таких вещей не замечать?! Я действительно чувствую себя полной дурой.

— Тогда у Лёка спроси. Например, как мы забрались в папин рабочий кабинет. Мы же видели, что папа много работает, хотели помочь и усердно перепортили печатью две кипы важных документов.

— Сурово наказал?

Мне в детстве в голову не приходило предложить помощь...

Олис фыркает:

— Растрогался и поблагодарил. И объяснил, конечно, что так помогать не нужно.

— У-у-у...

— Вот тебе и “у-у-у”, — передразнивает Олис и притягивает меня в объятия.

Будто не я тут старшая, а он.

Я украдкой вздыхаю. Слов нет. Открытие потрясло меня до глубины души. Я начинаю задумываться, что, возможно, и с

императрицей всё не так плохо, как мне виделось. На официальных мероприятиях я не позволяла себе лишнего, а неофициально с императрицей я почти не пересекалась.

Олис отстраняется, по-доброму щёлкает меня по носу.

— Я-то себя умной считала, — признаюсь я и корчу обиженную рожицу.

— Правильно считала, — Олис снова серьёзен. — Идея со степью и вовсе гениальна.

— Ты мне льстишь, братик, — хмыкаю я. — Идея не совсем моя, я просто собрала воедино намёки, подсказки, крупицы информации. Считай, что судьба меня носом ткнула.

— Озвучишь планы?

Я киваю:

— Ты получаешь власть над степью и укрепляешься на карьерной вершине, которую я тебе обещала, Южный владетель Великий хан. Империя выделит продовольствие, чтобы тебя поддержать.

— Я принесу вассальную клятву.

Естественно. Доверие доверием, но личные отношения не должны мешать государственным интересам.

— Через степь, — продолжаю я, — можно проложить короткие удобные маршруты к нашим соседям, а не как раньше, в обход по широкой дуге. Это просто, быстро, денежно, уже через месяц можно получить плату за проход с первых смельчаков. Постепенно займёмся югом. Если найдёшь в степи полезные ископаемые, наладим добычу. А если говорить о самых ближайших планах, то дальше, с поддержкой ящеров, ты и без меня прекрасно справишься. Наслаждайся работой, Олис, а я посвящу себя эгоистичному безделью.

— Ещё язык покажи, как в детстве, — хмыкает Олис.

Мне не жалко. Я высовываю самый кончик:

— Бе-е.

— Пфф! — прищуривается Олис, я чувствую, как шутливый настрой меняется на серьёзный, и Олис спрашивает. — Мама?

Одно единственное слово, а чувств вложено — океан. Хотя в этом не ошиблась, в том, что Олис маму любит.

Что касается самого вопроса, то он не ко мне.

Я пожимаю плечами:

— Чего не знаю, того не знаю. С папой обсуждай, а для начала, кстати, у её величества спроси, хочет она быть императрицей и жить во дворце или матерью Великого хана и тесниться в шатре. В столице она занимается благотворительностью. А что будет делать в степи?

— Хм...

— Про горничную не спросишь? — в романе они стали парой. В реальности складывается иначе, но нельзя отрицать, что Олису девушка по какой-то причине не безразлична.

— Ей нельзя доверять, — в голосе Олиса прорезается искренняя боль.

Голова у парня работает, то есть не приворот и не иное подчинение, но что-то всё-таки есть.

Я жестом показываю Старшему шаману подойти.

Старик восстановился, о рваных ранах, полученных в зубах и когтях ящеров, напоминают только пропитанные кровью лохмотья, в которые превратилась одежда. Зрение на несколько мгновений перестраивается, и я вижу, что от шамана к подчинённым идёт на три ниточки меньше, чем раньше. Получается, чтобы встать, он забрал жизни троих своих учеников.

Опасный...

— Великий хан, — шаман демонстративно уважительно склоняет голову перед Олисом, мне же достаётся второй поклон, тоже уважительный, не придраться, просто шаман чётко обозначил, кому именно он служит. — Императорская принцесса.

— Почивший Великий хан отправлял к принцу Олису девушку? — я в двух словах описываю внешность главной героини, кратко перечисляю, что о ней знаю.

Шаман понимающе улыбается:

— Понравилась?

Олис меняется в лице.

— Что. Ты. С ней. Сделал, — спрашивает тихо и почти доброжелательно, но спокойная интонация не скрывает желания убивать.

Шаман отступает на шаг, мотает головой:

— Ничего. Я — ничего, — и принимается объяснять. — Харта, старая карга, умерла больше года назад. Это она искупала девушку сперва во тьме ночи, а затем в свете полной луны, до этого Харта

благословила рождение этой девушки. Как именно, не знаю, но предполагаю, что тоже светом луны.

Я беру Олиса за руку, чтобы глупостей не натворил, а шаману приказываю:

— Конкретнее.

— Принцесса, не гневайтесь, купание в лунном свете сродни благословению. Вы упоминали о южных странах по ту сторону степи. Я там бывал, Харта бывала. Их обычаи совсем не такие, как в империи или у нас, в степях. Южане впервые видят лицо жены после свадьбы, когда при сиянии сотен свечей снимают с новобрачной покрывало. Накануне свадьбы девушку купают в лунном свете с именем её будущего мужа, чтобы она в его глазах стала привлекательной. Это как пресное тесто посыпать сахаром. Тот, кто ест, не меняется, но сдоба для него становится восхитительно сладкой.

Вот почему я не рассмотрела принуждения, его нет.

А шаман хитрый, как ловко он ввернул, что будет полезен при установлении контактов с югом. Тьфу! Может, он тоже сахаром в ночи посыпался, а?

— Чем он её держал? Почему она не обратилась к стражам, а продолжала работать на хана? — хмурится Олис.

Шаман отвечает безмятежной улыбкой:

— Её родители стали... нашими гостями. Они сейчас в вашем главном лагере, Великий хан Олис. Какая дочь подведёт своих папу и маму?

Звучит мерзко.

Нет, я не питаю иллюзий. Грязные методы бывают поразительно эффективны, и ради победы от них не отказываются. Разве не скрытым шантажом я вынудила Феликса принести мне полную клятву верности? Я действовала во благо, и не только своей семьи. Феликс в результате выиграл. Но шантаж есть шантаж.

Я предпочитаю сменить направление разговора и, возможно, тоже поступаю не очень красиво в отношении родителей девушки.

— Имперский чиновник, с хорошим образованием и опытом градоуправления, крутившийся среди степняков, если он не совсем дурак, будет тебе полезен. К нему уже привыкли, и то, что ты его приблизишь к себе не будет раздражать так сильно, как появление новых лиц. Что касается девочки, то... Олис, сам понимаешь, что ей

грозит обвинение в государственной измене. Уверена, папа не откажется подписать указ об императорской милости, но во дворце она остаться не сможет. И раз уж тебе небезразлична её судьба, я отправлю её к тебе сюда. Как минимум она встретится с родителями, а там уж разбирайся. Не маленький мальчик, с понравившейся девочкой сам справишься.

Забавно получается: я меняюсь с главной героиней судьбой. В романе её ждало блестящее будущее в империи, а меня — роль наложницы. Теперь же наложницей предстоит стать ей.

Глава 21

Шутка судьбы крутится в голове всю обратную дорогу до столицы.

В степи парных союзов... не понимают. Чем статуснее воин, тем больше его гарем. Вожди племён привезут дочерей и, не удивлюсь, если подарят их Олису прямо во время торжественных похорон.

Точнее, сперва попытаются оспорить его власть, но за это я не волнуюсь. Во-первых, Олис далеко не слабак, старый шаман, наблюдавший за тренировочным поединком с Феликсом, льстил, но льстил искренне. Во-вторых, ящеры остались с Олисом, покусать несогласных им труда не составит. В-третьих, я передала Олису легендарную броню и, как ни странно, поработала над Южной короной, как мы решили красиво назвать артефакт. Сама удивилась, когда зрение переключилось, и я увидела, как можно улучшить корону: укрепить решётку основных энергетических линий, ликвидировать зазоры, добавить дополнительные свойства. Я ни разу не артефактор, поэтому побыть исполнителем пришлось шаману, я же корректировала, шлифовала.

За Олиса я спокойна.

Что касается степняков... Бесплодная земля и палящее солнце определили их образ жизни. Единственный способ обеспечить дочери сытую жизнь — отдать её хану или кому-то из его ближнего круга. Отказаться от гарема Олис не сможет. Впрочем, совсем не обязательно, что главная героиня станет его наложницей. Не исключено, что Олис выделит девочке приданое, и она выйдет замуж за простолюдина из провинции.

— Моя принцесса, вы снова грустите?

— Не знаю..., — я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Феликсом.

Пока я размышляла о превратностях судьбы, мы успели проехать вытянутое, похожее на подкову, озеро и углубиться в ельник.

— Принц Олис справится.

— Скоро правильно будет называть его Великим ханом. Хотя... Наверное, от титула принца Олис отказываться не будет, сохранит его для визитов в империю. Нет, ящерка, я не волнуюсь за него. Мне жаль, что зародившиеся братско-сестринские отношения, так и не успели окрепнуть.

— Вы всегда можете по-сестрински навестить Великого хана Олиса, моя принцесса.

— Угу... Меня что-то беспокоит, ящерка. Что-то смутное, неприятное. И это нечто ждёт нас в столице.

Феликс мои слова воспринимает даже излишне серьёзно. Хмурится и закидывает вариантами:

— Плохие новости? Опасность покушения? Новые враги? — то, что я отдала амулет Олису, Феликсу не нравится.

— Нет, беды я не чувствую.

— Тогда как насчёт того, чтобы побегать? Увидете, моя принцесса, хандра мигом выветрится.

Не дожидаясь моего согласия, Феликс спрыгивает с лошади, ненадолго скрывается в карете, а я, глядя ему вслед, улыбаюсь. Хандра испарилась. Я предвкушаю не только забег, но и зрелище. Когда дверца кареты открывается, мелькает полностью обнажённое тело. Не рассмотреть ничего, кроме рельефного силуэта — Феликс в мгновение ока оборачивается крупным ящером.

Я тоже спешиваюсь, поводья отдаю ближайшему телохранителю.

— Хорош, — хмыкаю я.

Феликс подходит ко мне вразвалочку, всем своим видом демонстрируя хвостато-чешуйчатое превосходство, красуется, подставляет под ладони чувствительный, покрытый мелкими чешуйками нос.

— Шс-с, — выдыхает он.

Я наловчилась забираться на ящеров, но Феликс для меня слишком крупный, и я спокойно позволяю прихватить себя зубами

поперёк туловища, закинуть на спину. Устроившись на шее, я привычно хватаюсь за основания рогов, и Феликс срывается в забег.

— Слева, если не ошибаюсь, река, — напоминаю я. — Поохотимся?

Строго говоря, охотиться будет Феликс — ловить рыбу зубами. Я же буду ловить брызги, смеяться. Нам остался день беззаботного путешествия. Завтра вечером мы доберёмся до столицы. Впрочем, войдём мы послезавтра — торжественно пройдем по запруженным ликующими горожанами улицам, нам будут махать, кричать, бросать цветы. От своей горничной я слышала историю, как дочка булочника во время подобного парада бросилась едва ли не под копыта боевому коню и призналась ехавшему на нём герою в любви. Мужчина настолько впечатлился её безрассудством, что не менее безрассудно сделал предложение.

Почему мысли опять в брак упираются?

— С-с, — отвлекает меня Феликс.

И мы бултыхаемся в реку.

Телохранители далеко, не услышат, и я визжу, а Феликс уже подкидывает и хватает пастью первую рыбину. Как жонглёр.

То вырываясь вперёд, то дожидаясь медлительную свиту, мы дурачимся почти до самого вечера, но постепенно веселье становится каким-то невесёлым. Близость довра с его жёсткими правилами этикета давит? Или Феликсу передалось моё беспокойство? Как бы то ни было, ночь перед возвращением в столицу я провожу в тревоге, плохо сплю, часто просыпаюсь от бредовых кошмаров: то мне видится, что степь покрылась льдом и все шаманы стали моими наложниками, то я выхожу замуж за ковыль, да-да, трава такая, то ящерки назначают меня свахой, шипят и требуют меню вкусных холостяков-аристократов. Крепкий сон приходит под утро, но нормально выспаться не удаётся.

— Доброе утро, моя принцесса, — приветствует меня Феликс за завтраком и протягивает горсть свежесобранных лесных ягод.

Его взгляд обжигает, и мне хочется коснуться манящей кожи, провести от скулы к подбородку и вниз по шее, оттянуть ворот, забраться под рубашку, но вокруг слишком много лишних глаз. Феликс насмешливо щурится. Я фыркаю и отворачиваюсь, но угощение забираю с удовольствием, а после мига колебаний тихо признаюсь:

— Такие сладкие ягоды потому что только что сорваны или потому что сорваны тобой, ящерка?

— С-с, — будучи человеком, Феликс демонстрирует мне раздвоенный язык.

Я фыркаю. Настроение стремительно улучшается, будто и не было вчера мутных предчувствий и сомнений.

После завтрака Феликс оборачивается полностью. Я же облачаюсь в парадную военную форму. Увы, похвастаться легендарной бронёй больше не получится, зато получится въехать в столицу так, как, подозреваю, до меня никто никогда не въезжал — верхом на ящере.

— Да здравствует принцесса Крессида!

— Слава принцессе Победительнице!

Человеческое море разлилось на подступах к столице. Процессия увязнет даже не добравшись до города. Я выпрямляю спину, приветственно машу, растягиваю губы в улыбке и задаюсь вопросом, лопнут у меня щёки от натуги или нет.

— С-с.

— Ползти будем до вечера, — соглашаюсь я с Феликсом, хотя, честно говоря, не представляю, что он хотел сказать своим шипением.

— Шс-с-с.

Не угадала?

Под лапы Феликса падает первый букет — крестьянский мальчишка нарвал для меня полевых цветов.

— Да здравствует принцесса!

Прогноз сбывается. Улитки быстрее ползают, чем мы пробираемся через столицу. Стражи как-то пытаются сдержать напирющую толпу, но получается у них не сказать, что успешно. Солнце почти касается черепичных крыш окраинной малоэтажной застройки, когда впереди гостеприимно распахиваются створки дворцовых ворот.

Я наконец-то дома!

Император лично выходит на вершину парадной лестницы. Я, позабыв обо всём на свете, приподнимаюсь, почти подпрыгиваю. Я так соскучилась, папа! Мне хватает выдержки не бежать наверх с визгом, как маленькая, не напрыгивать, изображая обезьянку, обнявшую любимую пальму всеми конечностями, включая гибкий хвост.

— С-с-с, — остужает мой пыл Феликс.

Или он о том, что не с его габаритами ломиться во дворец? Обернуться человеком при толпе зрителей Феликс тоже не может — лорды и леди стрептиз не оценят. А оборачиваться в малую форму ещё хуже — сдавать столь мощный козырь категорически нельзя.

Я мимолётно касаюсь чешуйчатого бока и окончательно вспоминаю о своих обязанностях.

Если честно, я устала. Сколько часов я сидела на загровке Феликса и олицетворяла собой победу империи? Пять? Шесть? Я должна была улыбаться, махать, притворяться бодрой и свежей. И с полудня до заката ни глотка воды, ни минуты отдыха. Щёки от улыбок болят. Но я собираю волю в кулак и величественно даже не поднимаюсь, а восхожу под сотней сотен взглядов..

Останавливаюсь, не дойдя до вершины пару ступеней:

— Ваше императорское величество, разрешите доложить! — кричать нельзя, но говорить нужно как можно громче, чтобы услышать меня могли пусть не все, но многие. — Мир со степью установлен. Отныне и вовек Великий хан принимает над собой вашу руку, сир. Главнокомандующая южной военной кампанией императорская принцесса Крессида Небесная.

Папа не менее пафосен:

— Благодарю за службу, госпожа главнокомандующая! Вы принесли долгожданный мир в наши земли. С возвращением, принцесса Крессида. Мне не терпится услышать подробности.

Ох, можно мне сперва посетить отхожее место, а? Ну, пожалуйста-а-а...

К счастью, по-настоящему подробностей папа не требует. На втором этаже папа жестом отсылает всю свиту. Лордам тоже не терпится услышать, что именно изменилось в степи, но им придётся терпеливо дожидаться моего выступления на Совете завтра, а сегодня отдых.

Едва мы остаёмся наедине, папа утягивает меня в скрытый за ближайшим гобеленом альков, мы ныряем в тайный ход.

— Кресси!

Прыгнуть обезьянкой я не успеваю — папа стискивает меня в костоломных объятиях.

— И-ик, — только придушенный писк издать у меня и получается.

Папа чуть ослабляет хватку и выговаривает, уткнувшись мне в волосы:

— Кресси, бессовестная, я же волновался за тебя!

Я прижимаюсь к нему крепче:

— Па-ап, я тоже за тебя беспокоилась, и тоже соскучилась. Ты ведь знаешь, что я тебя люблю? Я тебя очень люблю-у-у. Но ведь сам понимаешь, что так надо было. Зато больше я от тебя никуда, честно слово!

Папа чуть отстраняется, щёлкает меня по носу:

— Совсем никуда? А замуж?

Шутливый вопрос подозрительно совпадает с образами из сна. Вывод напрашивается сам собой, хотя логики в моей догадке нет ни грамма.

— Кто-то посватался, да? Думаю не ошибусь, если скажу, что это Мергон.

Именно Мергон засуетился, когда я отправилась в степь, помощь якобы предлагали...

Предложили и предложили, боги с ними. У папы взгляд чуть туманится, словно он принял решение в пользу северного соседа и теперь думает о нашем скором расставании.

Я всегда знала, что меня ждёт политический брак, но не соотносила это знание с собой, ведь папа меня так любит, он спросит моё мнение, а я скажу, что ещё рано, и он согласно кивнёт. Увы, по-детски наивно.

Первая реакция — сходу закатить скандал.

Но я ведь принцесса поумневшая, поэтому отвечаю улыбкой, вопросов не задаю. Мы поговорим завтра, спокойно, обстоятельно. И к разговору я буду готова, выясню, что такого предложил Мергон, что папа всерьёз заинтересовался.

— Кресси, обсудим за завтраком? Мы давно не завтракали всей семьёй. Кстати, спасти тебя от Тери и Лёка?

Уверена, братики уже караулят меня в засаде, набросятся, затискают.

— Обсудим, пап. И нет, спасать не надо, справлюсь.

Папа вновь притягивает меня к себе.

— Кресси...

— Ты что-то хочешь спросить, пап? — откуда такая нерешительность? Может, про мергонского жениха?

— Кресси... Как там Олис?

Оу-у... Олис прав, я так и осталась эгоисткой.

— Он не признавался, но думаю, что мысленно меня проклиняет. Жил, не тужил, наслаждался праздным образом жизни, и тут я его одарила Южной короной в комплекте с нескончаемой головной болью. Олис слишком умный, чтобы желать власти. Он справляется. Обещал в течение недели выслать компромат на обоих герцогов и остальных бунтарей. Думаю, их пора пригласить в Тан-Дан.

— Уже, Кресси. В Тан-Дан отправились все титулованные мятежники ещё вчера.

— Рада слышать.

— Кресси, Олис...?

— Великий хан лично раскрыл Олису правду о его корнях и возложил корону. Пап, ты ведь знаешь, что в понимании чужой боли я слепенда? Мне показалось, что Олис относительно легко справился. По крайней мере, когда мы разговаривали, он продолжал называть нас семьёй. Он за маму беспокоиться.

— Пожалуй, мне следует написать Олису письмо.

— Угу.

О телесных потребностях я вспоминаю, когда мы расходимся по разным коридорам. И, пользуясь тем, что в тайном ходе меня никто не видит, припускаю со всех ног. Не хватало только не добежать и опозориться.

Мне везёт — Тери и Лёк караулят меня не в спальне, и я благополучно решаю свои проблемы, а заодно без помощи служанки наскоро ополаскиваюсь. Посвежевшая, переодевшаяся в дневное платье и зверски голодная, я выхожу в будуар.

— Кресси!

— Э-э..., — братья налетели, мешая друг другу, и чудом не роняют.

Я попадаю в тиски. Папины объятия мне показались костоломными? Ха, до братиков папе далеко. Я с трудом выворачиваюсь, но куда там!

— Слава принцессе Победительнице! — выкрикивают они и без предупреждения подбрасывают к потолку.

— Слава Крессиде Небесной!

К голосам Тери и Лёка примешиваются голоса фрейлин, и до меня доходит, что на то, как я кувыркаюсь в воздухе и сверкаю панталонами, смотрят аристократки империи.

— Да здравствует принцесса!

— Уши откручу, — шёпотом угрожаю я великовозрастным балбесам.

Тери проникается и ставит меня на ноги. Я всерьёз прикидываю, как половчее добраться до его ушей и уже собираюсь отдать распоряжения по поводу плотного ужина. Может, папа сможет к нам присоединиться? Но нас прерывают — входит Фрейлина Дьена и сообщает, что прибыл посланник мергонского кронпринца, в настоящее время находящегося в империи в составе посольской делегации своей страны..

Как некрасиво... Я про чужого кронпринца. Он не может не понимать, что сразу после возвращения мне есть, чем заняться, кроме как принимать его посланника, но говорить официальному представителю другой страны, что ты о нём на самом деле думаешь, не дипломатично.

— Пригласите, леди Дьена.

Естественно, я не приму посланника в будуаре. Ещё не хватало! И в кабинете, примыкающем к будуару, тоже не приму. Когда я только переродилась, и не помнила себя принцессой, я недоумевала, что за блажь каждый раз проходить анфиладу залов, которые, практически не используются.

Я ошибалась. Используются, но редко. Близость комнаты к личным покоям, показывает отношение к визитёру. Поскольку Мергон королевство не только дружественное, но и весьма мощное, встретить посланника кронпринца “на пороге” нельзя. Я выхожу в четвёртый зал, считая от спальни. Дальше — кронпринц может обидеться, а так я продемонстрирую своё недовольство, но за рамки не выйду.

Фрейлины выстраиваются за моей спиной, а я сажусь на диван в окружении братьев. Одного их присутствия достаточно, чтобы посланник понял, что прервал нас. Сам посланник человек подневольный, я рассчитываю, что мои намёки будут доведены до мергонского кронпринца.

Леди Дьена приглашает лысеющего, обильно потеющего мужчину. Платок, которым посланник то промакивает лоб, то обмахивается, давно промок. Я бы тоже взмокла, если бы в меха обрядилась. В столице жарко, не как в степи, конечно, но жарко. Насколько я помню, обычно северяне выбирали лёгкую одежду под наш климат. В мехах я видела их один раз, но тогда была особая ситуация, настолько особая, что папа вышел в Большой императорской короне, которую за правление надевают пару-тройку раз.

— Приветствую, ваше высочество императорская принцесса Крессида Небесная, ваше высочество кронпринц Теорий Грозовой, ваше высочество принц Лексан, — мужчина склоняется в низком поклоне.

— Доброго вечера, лорд, — “вечер” я слегка выделяю голосом.

— Ваше высочество, я приношу глубочайшие извинения за то, что потревожил вас. Его высочество кронпринц Артур Мергонский с нетерпением ждёт с вами встречи. Понимая, что вы не сможете принять его сегодня, он прислал для вас подарок.

Мне умилиться заботе? Ах, он не стал требовать внимания немедленно! Мог и бы и с подарком подождать.

— Его высочество весьма чуток. Я буду рада встретиться с ним позднее. Сразу после возвращения. Его величество рекомендовал мне посетить минеральные источники.

Папа ничего мне не рекомендовал, но главное сказано — увидимся через неделю, а то и позже.

Мужчина никак не реагирует, изменить планы не просит и лишь даёт команду. Следуя его приказу лакеи, одетые не по-нашему, то есть такие же северяне, как и посланник, вносят сундук.

— Благодарю. Передайте его высочеству кронпринцу Артур Мергонскому мою признательность.

То, что я не стала открывать подарок, тоже показатель, но мужчина ничуть не опечалился, попрощался и, поклонившись, вышел.

— Тебе не любопытно? — хмыкает Тери.

— Пфф! А тебе?

— Самую малость, — улыбается Тери.

Я кивком показываю Дьене, чтобы откинула крышку. Сундук внесли незапертым.

— Принцесса Крессида, здесь карточка.

В подарки иногда вкладывают записки или письма. Кронпринц выбрал формат записки, оставил несколько вежливых слов на белоснежном квадратике плотной бумаги. Дьена подаёт мне записку, но я кивком указываю отложить карточку на тумбочку. Правда, записку перехватывает Лёк:

— Можно, Кресси?

— Сколько угодно.

Лёк пробегает текст глазами, фыркает.

— Что там? — я протягиваю руку и Лёк послушно отдаёт квадратик.

“Ваше высочество принцесса Крессида, прекраснейшая из принцесс, королев и императриц, надеюсь, работа северных мастеров придётся вам по душе. А.М.” Фраза простая и уместная, разве что вычурный комплимент мне не по вкусу, однако построена так, что за ней чудится второй смысл: “Крессида, надеюсь, я придусь вам по душе”.

К счастью, на записки вложенные в подарок специально отвечать не требуется, достаточно благодарности, которую я уже передала на словах.

Дьена извлекает подарок. В её руках повисает нечто поистине восхитительное: пушистое облако идеальной белизны. мех в лучах солнца переливается, и возникает иллюзия, будто льдом припорошено. Подарок, надо честно признать, роскошный.

— Мергонский кронпринц дарит мне шубу? — без эмоций спрашиваю я.

— Полагаю, это мех голубого снежника, — также без эмоций отвечает Тери.

Без сомнения, это он и есть.

Очень дорогой мех, в империи лишь самые богатые аристократы позволяют себе приобретать его. Тонкие полоски меха используют как декор. Шубы из голубого снежника нет ни у кого, даже у меня. Но не потому что я бы не могла себе позволить. Даже самой суровой по столичным меркам зимой в такой шубе слишком жарко.

Зачем дарить шубу, которую я не смогу носить? Смогу — став женой и оказавшись в Мергоне. Ещё один неприятный намёк.

— Уберите, — команду я. — Тери, Лёк, поужинаем?

— Прости, сестрёнка, у меня работа. Ты же слышала, что папа разрешил запереть южных лордов в Тан-Дан? Причём весомых доказательств у нас пока как не было, так и нет. Аристократы волнуются.

— Я бы на их месте тоже волновалась, что моя очередь наступит.

— Вот-вот.

— Олис обещал прислать доказательства.

— Ты с братом...?

— Нашла взаимопонимание. Лёк, оказывается ты с Олисом папины документы печатью испортил?

Лёк корчит рожицу:

— Из всего он вспомнил именно это?

Я смеюсь.

— Ужинаем вместе завтра вечером, — обещает Тери.

Они с Лёком уходят. Я, не считая фрейлин, остаюсь в одиночестве и понимаю, что-то не так. Феликса не хватает. Почему он до сих пор не пришёл? Скорее всего, отчитывается перед папой вместо меня. Мда.

Позвать Кэтти? Нет, не надо быть настолько эгоисткой, девочка наверняка соскучилась по брату. И Феликс по ней.

Я отсылаю фрейлин и приказываю горничной подать ужин, а после еды перебираюсь в кабинет — надо прикинуть, что я скажу на Совете. Понятно, что речь по пунктам подготовит папин помощник, но надо и своей головой думать, тем более не факт, что подготовленная Рыжиком речь меня устроит. Да и вообще я не собираюсь выступать по бумажке, тем более чужой.

Помимо выступления, у меня есть и ещё тема для размышлений, куда более интересная — чем заняться. Прежний праздный образ жизни теперь мне кажется невыносимо скучным. Помимо исторических исследований, которые я обязательно продолжу, нужно заняться чем-то ещё. Благотворительность оставлю императрице, посещение приютов и больниц не моё, а у неё наоборот прекрасно получается.

Взять под контроль развитие торговых маршрутов в степи? Заняться проблемами армии? К моему новому прозвищу принцесса Защитница военная деятельность идёт... Пожалуй, лучшее, что я могу сделать — это открыть собственную академию, сделать что-то вроде научного городка, собрать таланты и попытаться воспроизвести те

потрясающе-полезные вещи, которые я знаю из прошлой жизни. Взять хотя бы физику. Как что работает я не объясню, хоть убейте и отправьте на новое перерождение, но общей концепцией я владею. Например, ветряки каким-то образом переводят энергию движения воздуха в энергию электрическую. Вот пусть лучшие умы империи думают, как получить таким же образом энергию магическую. Или пусть электричество изобретают, меня оба варианта устроят.

— Ваше высочество, — отвлекает меня моя горничная.

— Да, Кейта?

— Леди Дьена интересуется, сможете ли вы уделить ей несколько минут.

— Пусть войдёт.

Дьена выглядит непривычно смущённой. Ни разу не замечала на её щеках стыдливого румянца.

Исполнив реверанс, леди дожидается моего кивка.

— Принцесса, я... прошу прощения, что докучаю, но ситуация весьма щекотливая. Я боялась, что она не получит благополучного разрешения, если я стану откладывать, ведь все говорят, что скоро нас ожидает ваша... помолвка с Артуром Мергонским.

Хорошая возможность спросить:

— Леди, почему вы думаете, что свадьба состоится?

— Мергон предлагает очень выгодный торговый договор, союзный договор, а также открывает империи выход и Бухту пяти ветров и десять своих судов.

— Действительно... Леди Дьена, вы правильно сделали, что навестили меня. Чем я могу вам помочь?

— Ваше высочество, я... Я бы не хотела отставать от вас, ваше высочество.

Почему не сказать прямо — хочу замуж, жених требуется знатный и богатый, желательно ещё и молодой, симпатичный.

— Не беспокойтесь, Дьена, я подберу для вас достойного супруга.

— Ваше высочество, я неправильно выразилась. Простите, что невольно ввела вас в заблуждение. Я... Моё сердце бьётся для рыцаря. Верите ли, мы едва знакомы, но мы влюбились друг в друга с первого взгляда! Как жарко мы смотрели друг на друга, ваше высочество.

— Рыцарь?

Совсем не в её стиле, да и умопомрачающая страсть, как мне казалось, не про Дьену.

— Ваше высочество, я боюсь, он будет благородно отрицать.

Ещё интереснее.

— С кем же у вас любовь, Дьена?

— Так вы поможете, ваше высочество?! — смотрит на меня с надеждой.

— Насколько это возможно, Дьена. Итак, кто же он?

— Рыцарь Феликс Шесс.

Глава 22

Улыбка застывает у меня на лице.

Дьена проверяет мою реакцию, всерьёз рассчитывает получить столь перспективного супруга или говорит правду?! У меня нет ответа, а предположение, что она не лжёт и вовсе вводит меня в ступор. В Феликса нельзя не влюбиться. Он и Дьена могли встретиться и, если верить сказкам, полюбить друг друга.

А как же я?

То есть...

Собравшись, я отвечаю со всей доброжелательностью, на которую сейчас способна:

— Любовь прекрасное чувство. Я всегда поддержу взаимное желание быть вместе.

Вероятно, Дьена была готова к подобному ответу, она вновь начинает нести околесицу про то, что Феликс будет благородно молчать. Я даже выслушиваю и притворяюсь, что верю. Глупая девочка не знает, что клятва не позволит Феликсу солгать. Я всё больше убеждаюсь, что Феликс ей интересен, как перспективный лорд, но до конца я не уверена, увы.

— Ваше высочество, Феликс мужчина приказа. Он будет счастлив, когда вы сообщите ему своё решение.

— Не сомневаюсь. Я поняла вас, леди Дьена. Можете идти.

— Благодарю, ваше высочество принцесса Крессид! Только в ваших силах спасти наши вспыхнувшие отношения!

Противно слушать...

Дьена уходит, а я отодвигаю записи. Думать про научный городок я больше не способна. Спрятав бумаги в сейф, я выхожу из кабинета.

Кейта замечает моё состояние и предлагает прогуляться по саду. Обычно прогулки действуют на меня благотворно, и я соглашаюсь.

После захода солнца на улице прохладно, и Кейта выносит мне тёплую накидку, кладёт на плече.

— Ваше высочество, пригласить фрейлин или сопроводить вас?
— предлагает она.

— Ни то, ни другое. Я просто немного подышу свежим воздухом.

Во взгляде Кейты мелькает хорошо скрываемое неодобрение, но высказаться она, естественно, не осмеливается. Я про себя хмыкаю, скрываюсь в спальне и возвращаюсь с парой серёжек. Уже не вспомню, откуда они у меня. Золотые капельки с изумрудами по моим меркам дешёвка, но для служанки недоступная роскошь.

— Это тебе, — поясняю я. — В честь триумфа над степью.

— П-принце...

Я не слушаю благодарственный лепет, ухожу, оставив Кейту примерять подарок, пусть развлекается.

Спустившись на первый этаж, я выхожу в сад через боковое крыльцо. У меня нет настроения любоваться клумбами и идеально ровными газонами, в розарий с его густым удушающим ароматом тоже не тянет. Я выбираю Дикий сад. В реальности он, конечно, никакой. Садовники создали тщательно выверенную иллюзию запущенности. В саду нашлось место рукотворному прудику с живыми карпами и уголку для тайных встреч. Я опускаюсь на сиденье качелей, чуть отталкиваюсь.

Я хочу увидеть Феликса, спросить прямо... Я даже постараюсь сдержаться и не требовать правду под давлением клятвы.

Феликс...

Проблема в том, что наши отношения обречены стать коротким романом. Феликс слишком горд, чтобы согласиться вечно быть вторым, быть фаворитом, выражаясь куртуазно, и любовником, говоря прямо. А брак нам не светит.

И дело отнюдь не в том, что я принцесса, а он рыцарь, хотя разница в статусах само по себе препятствие высотой с гору. Но есть ещё одно, менее очевидное, но куда более весомое препятствие. Оно размером не просто с гору, а с самый высокий горный пик мира.

Качели приходят в движение.

Рефлекторно схватившись крепче, я оборачиваюсь. Передо мной стоит незнакомец. Блондин, кончики волос подкрашены небесно-голубой краской. От макушки к виску свисает цепочка с бриллиантами. Глаза стыло-серые. И мундир белый с голубыми вставками и серебряным шитьём, имитирующим ледяные узоры. Лицо холёное, черты — фамильные. Всё-таки молодой мужчина, столь грубо нарушивший моё уединение, мне знаком, заочно. Я видела его портрет и портреты его предков.

Я начинаю злиться. Дожила — в собственном доме больше не в безопасности!

Неужели Кейта меня нарочно подставила? Или Дьена видела, что я иду в сад. Скорее, Дьена, но надо проверить.

— Ваше высочество принцесса Крессида, увидев вас издали, я не устоял, каюсь.

Если бы нахалом оказался Феликс, я бы предложила искупить вину, раскачивая качели. Но это не Феликс, и мне неприятно. Пожалуй, я могу ответить на грубость грубостью:

— Странно. Я всегда считала, что наследник престола обязан уметь не поддаваться соблазнам, какими бы они ни были.

Стылые глаза, словно замороженные вечным льдом, становятся ещё холоднее.

— Крессида, почему же вы так жестоки ко мне?

Это уже слишком!

— Ваше высочество кронпринц Артур Мергонский, я не знаю, почему вы забыли простейшие правила вежливости, — он не имел никакого права обращаться ко мне по имени, — остановите качели.

Раскачиваются качели слабо, я легко могла бы затормозить пятками или просто спрыгнуть, но я хочу заставить принца уйти.

Он останавливает качели, но цепочку не отпускает и не уходит.

— Крессида, я слышал, что вы вернулись с триумфом. Очень странно видеть вас расстроенной и раздражённой.

— Вы продолжаете обращаться ко мне по имени, кронпринц. Сперва я подумала, что вы пренебрегаете правилами, но второй раз... Это оскорбление меня лично и империи.

Артур отступает на шаг.

— Вы слишком суровы ко мне, ваше высочество императорская принцесса Крессида Небесная. Вам известно, что я просил вашей

руки?

— Да.

Артур растягивает губы в улыбке:

— Мергон предложил империи настолько выгодные условия, что устоять перед соблазном невозможно. Я уверен, принцесса Крессида, его величество вашим желаниям предпочтёт государственные интересы, а Мергон не империя, в Мергоне вам предстоит стать моей супругой, а не балованной любимой дочуркой. Вам будет комфортнее, принцесса, если мы найдём общий язык.

Слишком. Много. О себе. Возомнил.

Встать, чтобы оказаться с ним вровень? Сейчас Артур смотрит на меня сверху вниз. И в переносном, и в прямом смыслах. Но встать — показать, что меня напрягает его мнимое господство. Я опираюсь спиной на цепочку, откидываю голову и взглядом показываю, что он не возвышается, он всего лишь стоит передо мной, как обычный вассал или даже слуга.

— Кронпринц. Чтобы понять, что для меня лучше, я не нуждаюсь в подсказках, уверяю вас.

— Что же, принцесса, я вижу, вы не понимаете, о чём я говорю, не понимаете, насколько ваше положение изменилось после предложения Мергона. Я подожду.

Артур резко отворачивается и наконец-то уходит, но выдохнуть с облегчением не получается. В стороне, в просвете между деревьями замер Феликс. Если не слышать разговора, то сцена смотрелась излишне интимной.

— Ящерка?

Феликс подходит, но держится непривычно отстранённо:

— Я слышал, вас можно поздравить, принцесса. Вы выходите замуж.

Вот зачем он так? Нам обоим, наверное, непросто. Я про себя вздыхаю.

Вечерний Дикий сад не лучшее место для откровенной беседы, но пусть. Тени сгустились, прячут нас от посторонних взглядов, качели чуть поскрипывают, а в воздухе разливается аромат ночных цветов. Романтика.

Я ухмыляюсь:

— Ящерка, не притворяйся, что ты его не видел. С таким приобретением не поздравлять нужно, а соболезновать. Кстати, у кронпринца есть сестра. Не хочешь северную супругу? Не знаю как, но я это устрою.

Напряжение начинает отпускать, тон я выбрала верный.

— Вы всё также жестоки, моя принцесса, — скупой улыбается Феликс, однако снова становится серьёзным и после минутного колебания продолжает. — Я слышал, что свадьба дело почти решённое.

Я слегка отталкиваюсь, и качели приходят в движение.

— “Почти решённое” всё равно что “вообще не решённое”, ящерка. Завтра я поговорю с папой. Почему бы ему не прислушаться к моему мнению? Мне есть что возразить по существу.

— Вот как.

Похоже, Феликс не слишком верит, что моего нежелания достаточно, чтобы отменить выгодный политический союз.

— Что касается тебя, ящерка... Ко мне приходила леди Дьена и уверяла, что ты стесняешься попросить меня о браке с ней, уверяла, что ты будешь счастлив, если я прикажу тебе жениться на ней.

Феликс мгновенно подбирается. Счастливым он точно не выглядит, и я эгоистично радуюсь, что Дьена ему ни даром, ни с доплатой не нужна.

— Моя принцесса, лучше вернуться в Тан-Дан, чем связываться с пронырливой дурой.

— Пфф. Весьма точно определение, ума у неё и впрямь немного, зато цепкости хватит на десятерых. Однако тебе действительно стоит подумать о выборе супруги, ящерка. Сейчас в глазах света ты герой, но всё хорошее быстро забывается. Семьи, которые сейчас с радостью отдадут тебе своих дочерей через полгода будут воротить нос. Я не уверена, что в у тебя в жизни будет более подходящий момент.

Говорю, а самой тошно.

Но я говорю правильные вещи. Феликс с Кэтти последние представители рода Шесс. Либо они крепко встанут на ноги, либо род Шесс окончательно исчезнет.

— Извольте издеваться, моя принцесса? — злость настолько густая, что я в ней увязаю.

Аж дыхание перехватывает.

Я смотрю на Феликса и не понимаю.

Ему не нравится идея жениться на аристократке? Предпочитает простолюдинку? Определённый смысл в этом есть — Феликс мальчик из низов, высший свет ему чужд. Только отказываться от леди благородных кровей глупо. И дело отнюдь не в статусе и деньгах. Нужно подобрать девушку из боковой ветви рода с божественными корнями, только супруга благородных кровей сможет родить ему сильных наследников. Сильных в плане родового наследия.

— Нет, я серьёзно.

Не понимаю... Феликс останавливает качели, опускается передо мной на корточки. Наши лица почти вровень. И я вижу, как на его коже от внешних уголков глаз к вискам то проступают, то исчезают дорожки чешуек. Коснуться бы, но я сдерживаюсь.

Феликс берёт меня за руку, подушечкой большого пальца рисует на моей ладони спиральки:

— Кресси, ты ведь не слепая. Ты могла бы просто отослать меня подальше, в ту же степь, но ты говоришь мне жениться на другой, когда знаешь, что я влюбился в тебя. Не знаю, как угораздило. Всегда был уверен, что уж со мной такая ерунда точно не приключится, потому что любовь только для тех, кто не умеет держать чувства в узде под жёстким контролем разума, а уж я-то умею, но вот, ерунда приключилась, пропал.

Я не хочу, но стискиваю его пальцы в своих.

Как можно одновременно воспарять к вершинам блаженства и нестись в бездонную пропасть отчаяния? Со мной происходит именно это. Одновременно я бесконечно счастлива услышать признание. Феликс не тот, кто стал бы разбрасываться пустыми словами. Он любит. Я люблю.

Но между нами непреодолимая стена.

— Я предлагаю полезное, Феликс. Чувства для нас непозволительная роскошь, — больно, как мне больно. На глаза наворачиваются слёзы.

— Ну да, куда мне, крокодилу, о принцессе мечтать.

Феликс поднимается, собирается оттолкнуть качели.

Я же ещё крепче стискиваю его руку:

— Ты не понимаешь, ящерка. Пожалуйста, я прошу, выслушай. Феликс, я... люблю тебя. Ты единственный, с кем я бы хотела связать

свою жизнь. Ты ведь помнишь, что я эгоистка? Я хочу, чтобы ты был рядом со мной. Но у нас у обоих есть долг перед предками.

— У вас, ваше высочество императорская принцесса.

Я торопливо хватаю его второй рукой, боюсь, что уйдёт. Останавливать приказом я не стану.

— Я же говорю, ты не понимаешь. Долг, Феликс, у нас у обоих. Выслушай? Пожалуйста! Хотя бы ради Кэтти.

— Причём здесь Кэтти? — Феликс хмурится, но больше не отталкивает.

— Ты что-нибудь знаешь про Книгу судьбы? Сказки точно слышал, про Книгу много небылиц рассказывают. Якобы её можно открыть и прочесть судьбу каждого человека, живущего, жившего или который когда-нибудь будет жить.

— И что же вы обо мне прочитали, ваше высочество? — в вопросе сквозит едва уловимая насмешка.

— Ничего. Давным давно, во времена, о которых остались только легенды, мои прапрабабушки действительно могли читать Книгу. Не так свободно, как это описывается в сказках, со многими ограничениями, но да, могли. Я же способна прочесть не больше пары строк. Текст расплывается перед глазами, начинается головная боль. Я чуть не убила об Книгу. Я это всё к тому, что наш род слабеет. Как и род Шесс. Ящерка, твои предки меняли ипостась играючи, а Кэтти неспособна даже пару чешуек проявить.

— Теперь я вообще не понимаю...

— Ящерка, я же рассказываю. Ты слушай.

— Угу, внимаю.

— Почему, по-твоему, потомки богов вымирают?

— Кресси, это очевидно. С каждым новым поколением кровь размывается, ослабление неизбежно. Возьми степняка и жени на северянке, в ребёнке будут сочетаться черты обоих родителей, но если дальше вливать только южную кровь, северная растворится, исчезнет. Божественная кровь устойчивее, но всё равно рано или поздно наследие пропадёт.

— Ошибаешься, Феликс. То есть в целом ты прав. Но ты кое-что упускаешь. Кое-что важное. Колыбель получила своё название не за форму. Я слишком слаба, чтобы работать с артефактом полноценно, но познакомиться и многое понять у меня получилось. Колыбель хранит

силу рода. Полагаю, у рода Шесс есть аналог. Расстояние для артефакта не преграда. Возможно, он скрыт в горе под защитой ящеров. Учитывая вашу чешуйчатость, я бы предположила, что это яйцо. Я угадала, да?

Зрачки у Феликса на миг расширились. Я не могла не угадать.

Он склоняет голову к плечу, улыбается:

— Моя принцесса, я не имею права вам сказать.

— Если бы я ошиблась, ты бы ответил иначе. Так вот, рождаясь, ребёнок получает дополнительную силу от Колыбели или Яйца. Скажем, он родился со способностями на неполную чайную ложечку, а артефакт вливает ему ещё целый стакан. Почему боковые ветви быстро отмирают? Потому что артефакт поддерживает только старшую. Хотя могут возникнуть ситуации, когда основной ветвью, получающей поддержку станет как раз боковая, но мы не об исключениях.

— Вы ничего нового не сказали, моя принцесса. Пусть будет артефакт. Это объясняет, почему рода продержались так долго. Однако в какой-то момент артефакт отдаст последнюю “чайную ложечку” и опустеет, станет бесполезным.

— Вот мы и подошли к нашей проблеме, ящерка. Артефакты, Феликс, могут восполнять отданное. Их принцип работы похож на кредитование. Когда ты был маленьким, обращаться в ящера ты точно не умел. Сейчас умеешь. Ты стал сильнее, Феликс. Умирая, члены рода, особенно основной ветви, отдают часть своей силы артефакту. Получается как? При рождении была капелька, артефакт плеснул чайную ложечку, в течение жизни наследник накопил на стакан. При уходе за грань половина стакана останется у души, а половина уйдёт артефакту. И половина — это пять-шесть чайных ложечек, если не больше.

— Хм...

— В какой-то момент рода начали тратить больше, чем отдавать. Видишь ли, артефакт забирает своё только при условии, что на момент смерти наследник является частью семьи. Если он, допустим, отрёкся или по разным причинам перешёл в другой род, то для артефакта он потерян. Самый распространённый переход в другой род для девочек — это брак. Колыбель, Феликс, почти пуста. На донышке что-то плещется. Ни папа, ни братья, родовой дар не развивали, то есть

отдадут артефакту ровно то, что получили, даже чуть меньше. Если я выйду замуж, то через пару поколений родится ребёнок, который не сможет работать с регалиями. Это будет конец династии. Когда я говорила про долг, Феликс, я говорила не про государственные интересы, а про долг перед предками и потомками.

— Никто не запрещает жениху перейти в род невесты, — упрямо возражает Феликс.

— Не притворяйся глупее, чем ты есть, ящерка. У Кэтти в моменты волнения даже пара чешуек не проступает, да и не позволишь ты ей проходить инициацию. Ты, Феликс, последняя надежда своего рода. Твои предки слабели, но выживали тысячелетиями. Ты родился, потому что они жили. И ты готов осознанно завершить существование рода Шесс? Ты готов сказать, что твоё личное счастье важнее сотен тысяч жизней?

— Нет.

— И я — нет.

Я разжимаю пальцы, моя рука обессиленно падает на колени. Я смотрю на Феликса, всматриваюсь в его черты, словно пытаюсь запомнить как в последний раз. Мне больно, очень больно. Феликс не попытался задержать прикосновение. И если раньше я знала, что между нами преграда, то теперь я её вижу — прозрачная стена.

Феликс обозначает лёгкий поклон, отворачивается и уходит. Он идёт ни медленно, ни быстро, спокойный прогулочный шаг. И от этого почему-то ещё больнее. Я смотрю ему вслед не моргая, но Феликс скрывается в густых тенях Дикого сада, как я ни вглядываюсь в просветы между деревьями, не вижу.

Что я наделала?!

Я ведь могла рассказать правду только папе, и Феликс был бы моим, а я... Я впервые в жизни хочу провести ночь в компании бочки вина. Но я не позволю себе даже бокал. Запивать проблемы — наклонная дорога в пропасть.

Оттолкнувшись, я поднимаюсь на качелях в воздух, чтобы тотчас полететь к земле.

Не знаю, сколько я так качаюсь. когда я прихожу в себя, вокруг кромешная тьма. Холод давно пробрался под распахнувшуюся накидку. Я оглушительно чихаю и одновременно слышу тихие шаги.

Среди веток скачет отблеск фонаря. Кто-то приближается, и я интуитивно понимаю, что сталкиваться не хочу.

Стараясь ступать бесшумно, я ухожу по тропинке глубже в сад. Увы, меня выдаёт светлая одежда, но если человек с фонарём всё же не заметит... Я прибавляю шаг. Человек с фонарём тоже.

Я выбираю узкую тропку, скорее декоративную, чем предназначенную для ходьбы. Она ведёт в самую густую часть Дикого сада, но оттуда я выйду на широкую освещённую аллею и либо позову гвардейцев, либо сама вернусь.

План был хорош. Наверное. Человек с фонарём проламывается через кусты.

Внутри всё леденеет, но я не подаю вида. Эх, с легендарной бронёй мне было бы совсем не страшно, но амулет у Олиса, Феликс ушёл.

— Кресси, тот мужчина, которого я видел, твой любовник, да?

— Кронпринц, вы действительно перешли черту.

— Твой любовник ушёл, Кресси. Здесь нет ни стражи, ни свиты, есть только я. Так кто же нам помешает, глупая девочка? Можешь даже кричать, — Артур бросает на землю непонятный предмет.

Похоже на закрытую пудреницу, только это явно не она. На кругляше закреплены два энергетических камня. Между ними проскакивает искра, и тотчас пространство вокруг искажается. Я отчётливо понимаю, что Артур сказал правду — нас не услышат, не увидят, не найдут.

Бежать я не пытаюсь — догонит.

— Ты сумасшедший?

— Я хотел по-хорошему, Кресси. Предложил невероятно выгодную сделку, с тобой пытался наладить отношения. Кто же знал, что ты оказалась слаба на передок? Нет, меня не волнует, что у тебя там было или нет, но мне нужен этот брак, а ты собралась сопротивляться. Я сомневаюсь, что император тебя послушает. Но вдруг? Поэтому я приму меры. Так сказать, ничего личного.

— Меры? — переспрашиваю я.

Артур не утруждает себя ответом, но я в нём и не особо нуждаюсь, и без того понятно, что мергонский кронпринц собрался промыть мне мозги. Как именно? Вариантов множество, начиная от прямого внушения и заканчивая приворотом.

Я ожидаю, что Артур достанет второй артефакт, которым и попытается воздействовать, но он приближается с пустыми руками, и это напрягает. Лучшие маги империи предпочитают работать через артефакты, ведь так проще, быстрее, надёжнее. Работать через артефакт всё равно что тяжести поднимать грузовым лифтом. Зачем корячиться самому, спину ломать? Шаманы степняков тоже использовали “костыли” — всякие костяные ожерелья они таскают не для красоты, это их инструменты.

Северяне научились обходиться без артефактов? Или у Артура есть некие врождённые способности?

Я стараюсь перестроить зрение, но ничего не получается.

Артур расстёгивает пряжку на моей накидке, и она соскальзывает на землю. Я не чувствую ночного холода, сердце бьётся часто-часто, в крови кипит адреналин. Артур кладёт ладони мне на плечи. Я всё ещё не пытаюсь вырваться, и он медленно тянется к застёжкам платья. Я это позволяю, пусть возится.

— Кресси, ты уже сдалась?

Нет, конечно, всего лишь выжидаю, чтобы ударить наверняка.

Артур наклоняется с явным намерением поцеловать.

Стылые глаза...

На его губах выступает едва заметный голубоватый налёт. Миг, и губы Артура покрыты тончайшей влажной плёнкой, как помадой. Но это точно не помада.

— В вашем роду были льдяны, — доходит до меня.

— Догадливая девочка. Только почему же “были”. Мы регулярно вливаем их кровь. Не всем везёт с божественными предками. Но к чему уповать на везение, когда можно самостоятельно улучшить породу.

— Вы сумасшедшие.

Льдяны — нелюди. Человека они напоминают внешне: те же две руки, две ноги, одна голова на шее, носят человеческую одежду. Если не знать отличительных черт, легко обознаться. То, что я их к людям не причисляю, не расизм, а видовая характеристика. Как чистокровного европейца гуталином ни мажь, негром он не станет. Так и льдяны не станут людьми.

По своей природе они нечто среднее между иной формой жизни и нежитью.

Редкие экспедиции на необитаемый север находили их в замороженными в лёд. Как они живут и размножаются — загадка. Зато достоверно известно кое-что другое. Время от времени льдяны по одиночке или небольшими группами выбираются к человеческим поселениям. Они не способны заморочить издали, но вблизи... Как мы потеем, так и они способны покрываться влагой, по воздействию похожей на наркотики. Поцелуй льдян лишает воли и разума.

Теперь понятно, почему мергонская королевская семья славится идеальной гармонией, возникающей между супругами и почему они нередко женятся “на своих”.

— Сумасшедшие победители — звучит неплохо.

Жаль, что у меня не металлические каблуки. Я всем весом встаю Артуру на свод стопы. Ветка, которую я предусмотрительно нащупала, с треском поддается. Я пытаюсь ударить Артура по глазам или хотя бы по лицу.

— Какая плохая девочка, — шипит он, уклонившись.

Удар по ноге, увы, не вывел его из строя. И догнать меня ему не помешает.

Положение по-настоящему безвыходное. Артур смесок. Допустим, он воздействует слабее, чем настоящие льдяны. Сколько я смогу удержать разум? Смогу ли избавиться от последствий ментального отравления? Или навсегда превращусь во влюблённую куклу?

Становится страшно.

Зрение отказывается работать.

Я пытаюсь дотянуться до регалий, они способны дать защиту даже на расстоянии, но, по-моему, тоже не получается.

Артур больше и шанса мне не даёт. Одной рукой легко сжимает в тисках оба моих запястья. Второй рукой хватает за волосы, коленом надёжно блокирует мои ноги.

— Не бойся кресси, сейчас ты будешь извиваться от желания и стонать от удовольствия.

Я пытаюсь как-то дёргаться, но без шансов, я не боец.

Книга судьбы откликается, но совсем не так, как я ожидаю. Перед внутренним взором возникает единственная строчка:

“Императорская принцесса Дарьянда Рассветная сочеталась браком с Ленгом Третьим Рафтерским”.

При чём здесь история многовековой давности? В тех событиях, помнится, Мергон тоже отметился. Сперва Рафт и Мергон без видимых причин заключили союз с ощутимым перекосом в пользу Рафта. Предполагалось, что королевства закрепят отношения династическим браком, однако король Рафта посватался к сестре императора и добился согласия.

Значит ли это, что Мергон, раз за разом забирая дочерей нашего рода, не обязательно себе, ослабляет нас? Мергон не проявлял ко мне никакого интереса, пока я не показал свою силу. Чтобы узнать, что я укрепила связь с божественным наследием, даже шпионы не нужны, посол мог доложить.

Сосед, которого мы считали дружественным, оказался многовековым врагом.

ТЬФУ!

Только что мне сейчас делать с этой информацией? В закутке Дикого сада она мне ничем не поможет.

Артур почти касается моих губ своими.

С ветки на плечо с пискom падает неуклюжая ящерица размером с ладонь. Толстое тело, короткие, не предназначенные для бега лапки. Феликс в малой ипостаси? Но откуда? И по-прежнему не уверена, что это он.

Ящерка проворно вцепляется в складки широкой лямки моего платья.

— Что за...?

Артур не может не знать, что столь экзотичные создания в столице не водятся, зато он слышал про ящеров, ставших ко мне на службу.

Договорить он не успевает.

Ящерка открывает пасть. И это всем пасть. Я не знаю, как такое возможно. Какая-то пространственная аномалия, не меньше. Голова у ящерицы размером с грецкий орех, раскрыть рот шире пары сантиметров ящерица физически не способна, но ящерку подобные мелочи не останавливают. Распахнувшаяся пасть, усеянная изогнутыми клыками, не меньше метра в диаметре. Артур целиком поместится.

Он успевает шарахнуться, нелепо взмахивает рукой.

Плохой жест. Ящерка подавшись вперёд дотягивается и ловко оттяпывает пару пальцев. Пасть захлопнулась, и голова снова

нормального размера. О случившейся ненормальности напоминают только двигающиеся челюсти и ор.

Артур смотрит на правую руку, лишившуюся большого и указательного пальцев, орёт. А я не испытываю ни капли жалости. Будь у меня возможность, сама бы оторвала. И не только пальцы.

— Ящерка, а ты не отравишься? Может, плюнешь бяку?

Ответа я не получаю, даже шипения.

Ящерка угощает меня хлёстким ударом хвоста, явно намекая, что мне следует поторопиться и убратся из зоны действия брошенного на тропинку артефакта. Совет своевременный.

Свернув с дорожки, я продираюсь через кусты, на сучьях повисают обрывки кружева. На открытой коже расцветают царапины. Я лишь лицо прикрываю.

На широкой аллее я начинаю чувствовать себя увереннее. Впрочем, с ящеркой на плече мне в любом случае бояться нечего — сожрёт любого и не подавится.

— Ни на минуту оставить нельзя, — Феликс прижимает меня к себе, зарывается носом в растрёпанные волосы.

Я обнимаю в ответ, обхватываю настолько крепко, насколько хватает сил. Было бы можно раствориться в его объятиях — я бы растворилась.

— Не оставляй, — соглашаюсь я, позабыв, что ещё недавно я видела непреодолимую стену между нами. Сейчас преграда не кажется такой уж непреодолимой. В конце концов, я могу не выходить замуж совсем, а Феликс — не жениться.

Но как тогда быть с детьми? Однажды нам обоим захочется продолжения...

— Обещаю, Кресси.

— А?

Феликс целует меня в шею, тягучая нежность сменяется жаркой страстью.

Как мы оказались в Круглой беседке? Не знаю. Откуда взялось мягкое одеяло и подушки, не знаю тем более.

Не знаю ничего...

Из омута страсти мы выныриваем под утро, только тогда я немного прихожу в себя. Поймав мой относительно осмысленный взгляд, Феликс тут же заявляет:

— Кресси, я подумал и решил: чтобы ты не наделала дурацких жизненных ошибок, занимайся артефактами, у тебя ведь хорошо получается. А я займусь тем, что получается хорошо у меня.

— Чем же? — спрашиваю я с улыбкой.

Ответ донельзя самодовольный:

— Нашими отношениями, Кресси.

Я шутливо шлёпаю Феликса ладонью по груди. От него я готова принять любое самодовольство.

Глава 23

Туманно отговорившись внезапно возникшими срочными делами, Феликс провожает меня до крыльца и удирает в предрассветную мглу.

Проводив его взглядом, я широко зеваю. Вообще-то перед выступлением на Совете следовало выспаться, а не любви предаваться. Надо хоть пару часов подремать.

Караульные меня встречают достойно — отдают честь, пропускают. Ни малейшей реакции на мой в высшей степени неподобающий вид: платье разодрано во многих местах, кружево ободрано и болтается драными ошмётками, накидка и вовсе потеряна, волосы растрёпаны, остатки причёски в буре страсти превратились в воронье гнездо.

Спокойно ответив на приветствие, я прохожу мимо и неторопливо поднимаюсь на второй этаж, на ходу прикидывая, забираться в тайный ход или идти как есть. Ранним утром меня увидят только слуги, а они будут болтать между собой, а то и вовсе не будут. Сплетничать обо мне плохая идея.

— Ваше высочество, — останавливает меня Рыжик.

— Хм?

— Император ждёт вас прямо сейчас.

Почему папа не спит?

— Что-то случилось?

Помедлив, Рыжик всё же отвечает. И новости такие, что впору за топор хвататься. Мало Феликс откусил, мало.

Ночью немного придя в себя после потери пальцев, мергонский кронпринц не придумал ничего лучше, чем предъявить империи претензии. И обвинить меня. В его версии я предстала той ещё злодейкой, причём эгоистичной и глупой, в духе моей прошлой репутации. Якобы я пригласила северного жениха в сад на свидание,

однако позвала не для того, чтобы наладить отношения, а чтобы потребовать отозвать брачное предложение. Кронпринц, помня о долге перед Мергоном, отказался, и тогда я, по его словам, натравила на него рептилию.

То, что вечером я ушла в сад одна, не взяв с собой даже горничную, подтвердилось: меня видели гвардейцы, а они императору лгать не станут. В беседке меня тоже видели. Естественно, с Феликсом и застукали за весьма пикантным занятием. К счастью, прервать не осмелились, и все участники поисков официально объявили, что очень старались, но принцессу не обнаружили. Папе, естественно, доложили как есть: принцесса предаётся разврату в публичном месте, да ещё и не с женихом, а с личным рыцарем.

— Император верит обвинениям? — уточняю я.

Даже до перерождения я не стала бы приглашать иностранного представителя на приватную беседу и тем более нападать.

— Его величество мудр. Естественно, он понимает, что видение мергонского кронпринца может отличаться от вашего, принцесса. Однако донесениям доверенных рыцарей его величество доверяет безоговорочно. Осмелюсь сказать, что вы поступили несколько... опрометчиво, ваше высочество.

— Вы правы, лорд, — легкомысленно соглашаюсь я. — Придётся взять на себя ответственность и исправить ситуацию.

— Эм-м... Ваше высочество, может быть, вам сперва отдохнуть? Я объясню императору.

— Что объясните, лорд?

— Что решение проблемы путём присоединения Мергона для империи будет весьма обременительно, поэтому пусть дипломаты поработают, а вы, госпожа главнокомандующая, отдыхайте.

— Пфф!

Рыжик прав — настроение у меня боевое. И прав вдвойне: нет Мергона — нет проблемы.

В кабинет я вхожу, не дожидаясь, когда Рыжик обо мне доложит. Увы, наши шаги слышали, и сюрприза не получается, но тоже неплохо. Я прохожу к ближайшему креслу и сажусь. Папа, затянутый в мундир, за столом. Кронпринц, тоже при параде, расположился в кресле. Правая рука забинтована.

— Доброго утра, — здороваюсь я. — Папа, хорошо ли вам спалось? Ваше высочество, как ваша недоеденная рука?

Артур дёргается, словно я его шилом ткнула. Самоконтроль его подвёл. А чего он ожидал, что я буду чувствовать себя виноватой? Или бояться последствий нанесения увечья? Расклад не в мою пользу, ведь на мне ни следа нападения. Но не-ет, я зла, я очень-очень зла.

— Туда нельзя..., — голос Рыжика впервые на моей памяти звучит жалко.

Дверь распахивается от мощного толчка, и в кабинет вползает двухметровая мелочь. Я узнаю ящерицу. Про себя я звала её кокеткой, манера держаться у неё своеобразная и приметная.

— С-с-с.

— Леди, вы тоже хотите кусочек его высочества кронпринца? — радостно предлагаю я.

— Шс, — благосклонно соглашается ящерица.

Артур не просто бледнеет, уже не бледно-голубая, а концентрированная насыщенно-синя слезоподобная жидкость покрывает губы и течёт по подбородку вниз, пачкает белоснежный ворот рубашки. Вскочив, он вцепляется в спинку кресла:

— Вы не посмеете! — но вот уверенности в возгласе ни капли. Артур правильно подозревает, что посмею, ещё как.

— Леди, взгляните, — не обращаю я на его реплику внимания, — кронпринц потомок лдяна. Вы уверены, что его кровь не попортит вам зубы? У вас очаровательная улыбка, леди.

— Ш-с-с.

Польщённая незамысловатым комплиментом ящерица демонстрирует улыбку во всю ширь. Нервы у Артура сдают. Позабыв обо всех претензиях, он бросается к выходу в тщетной надежде разминуться с ящерицей. И совершает ошибку. Он проскакивает вне досягаемости от клыков и лап, но про хвост забывает.

Взмах, и ящерица сбивает Артура с ног. Он с криком падает, заваливается на спину. Сразу вскочить не получается, Артур барахтается как упавший на спину жук. Ящерица, не спеша, забирается ему на ноги и ползёт к лицу прямо по телу.

— Леди, — обращаюсь я к ящерице, — вы намерены откусить у его высочества нос?

— Принцесса Крессида...

Папа почему-то тоже бледноват.

— Папа, вы думаете, нос не такой вкусный, как пальцы? — озабоченно спрашиваю я. — Не беспокойтесь. Я уверена, леди согласится провести тщательное сравнение. У его высочества много выступающих частей.

Артур издаёт нечто среднее между хрипом и стоном.

— Леди, — поняв, что со мной говорить бесполезно, папа переключается на ящерку, — пожалуйста. Мне будет трудно объяснить Мергону, почему его высочество пострадал в моём кабинете.

Пфф!

— С-с? — расстраивается ящерка.

— Леди, его величество предлагает вам оттрапезничать в ваших покоях, — перевожу я.

— А? Я не...

Поздно.

— Шс, — с энтузиазмом откликается ящерка, проворно сползает на пол.

Встать Артур не успевает. Ящерка цепко ухватывает его за шкуру и не менее проворно выволакивает из кабинета. Рыжик только и успевает, что отпрыгнуть.

И именно он, провожая ящерку взглядом, желает:

— Приятного аппетита, леди.

— Кресси, что ты наделала?

— Пап, во-первых, ты действительно считаешь, что обменять хранильницу, пусть плохо, но способную читать Книгу судьбы, обменять на десяток кораблей выгодная сделка?

— Там не только корабли.

— Во-вторых, мергонская династия смески льдянов, доказательства вон, по всем полу наплёваны. Считаешь, что можно простить им попытку превратить меня в слюнявую идиотку? Короче, пап, всё, что леди Шесс недогрызёт, отправляешь в Тан-Дан. С этой секунды его высочество кронпринц Артур Мергонский политический заложник.

— Кресси, ты только что начала войну. И что это за выступление в беседке ночью?! На глазах у достойных рыцарей...

Я закатываю глаза:

— Папа, тебя война интересует или моя личная жизнь? Давай-ка, кое-что проясним. Знаешь, после чего наша династия начала слабеть?

Папа демонстративно фыркает:

— О? Кресси, ты нашла закономерность, которую мы поколениями не могли вычислить? Прости, но это звучит, как пустое хвастовство. Я не сомневаюсь в твоих талантах, но также я не сомневаюсь в талантах наших предков, и среди них, уверен, были представители куда более умные и одарённые, чем мы с тобой.

— И кто из них читал Книгу судьбы?

— Кресси, ты выхватываешь из Книги пару фраз, остальное домосливаешь. Провести ночь с контрабандистом, у которого тюремный срок висит, Книга подсказала?

— То есть моя личная жизнь тебя волнует больше, чем грядущее присоединение Мергона. Ну... логично, да. Но я всё же поясню. Наша династия начала вымирать, когда принцессы стали выдавать замуж в другие рода. Они, если не вдаваться в детали, уносили частичку мощи с собой, и Колыбель не успевала восстанавливаться. Кто чаще всего провоцировал подобные браки, сам вспомнишь?

— Мергон.

— Да, Мергон. Изначально ничем не примечательная семья усиливала себя из поколения в поколения, не гнушаясь любыми связями, даже льдынями не побрезговали. Но им никогда не обрести истинную божественность, мы и им как кость в горле. И не только мы. Не удивлюсь, если выяснится, что именно Мергон приложил руку к уничтожению рода Шесс.

— Ящеры смогут действовать на севере?

— Я спрошу.

— Лорды завтра...

— Распусти, — перебиваю я.

— Что?

— Оба южных герцога и их фракция виновны в государственной измене и попытке мятежа. А кто у нас герцог Майрай тебе напомнить? Он председатель Совета. По-моему, отличный повод распустить Совет и изменить правила: убрать пожизненное членство, убрать передачу членства по наследству, ввести что-то вроде экзаменов в конце сессии. Пусть каждый отчитывается, что полезного лично он сделал, как член

Совета, для империи. Если ничего вразумительного, то пошёл вон, возьмём другого.

— Совет закончится раньше, чем ты озвучишь новшества.

— Почему?

— Ещё на первых пунктах помрут от разрыва сердца, Кресси.

— Пфф! Па-ап, можно я пойду? Сам сказал, что помрут. Пожалей людей. Кронпринц пострадал, Совет под раздачу попал, война с Мергоном — дело решённое. Сейчас ещё кому-нибудь достанется.

— Когда только научилась быть настолько убедительной? Да, можно, иди уже, принцесса Катастрофа.

Мне дважды предлагать не нужно, я поднимаюсь, исполняю реверанс и, махнув драным подолом, выхожу из кабинета, держась, словно на мне лучшее бальное платье. Так до покоев и иду.

А в комнатах меня встречают растревоженные заспанные фрейлины, Кейта. Среди фрейлин в глаза бросается Дьена. Девушка держится отдельно от стайки, стоит напряжённая. То ли осознала, как сильно сглупила, требуя у меня лорда, на которого я сама глаз положила, то ли расстроена, что перспективный жених ей не светит.

— Ваше высочество!

— Что-то случилось? — невозмутимо спрашиваю я, как будто меня ночная суeta вообще не касается.

— Принцесса.

— Кейта, помоги мне.

Два часа, хотя бы два часа я должна поспать. Я была абсолютно серьёзна, предлагая папе разогнать Совет, но разгонять его следует на свежую голову. Папа же согласился, да? Буду считать, что согласился...

Проклятье, я вернулась Победительницей, так почему продолжаю разбираться, то с бесполезными бездельниками, то с врагами, веками удачно притворявшимися добрыми соседями?! Бедный Олис, если у меня есть хотя бы надежда на спокойствие, то он обречён разгребать проблемы до конца жизни без выходных и отпусков. Или на меня, как на новую Хранительницу, навалилось? А ведь всё начиналось так безобидно, с увлечения архивными документами.

Кейта ловко избавляет меня от лишней одежды, укрывает одеялом, заботливо подтыкает его под подушку. Я успеваю попросить

разбудить меня вовремя и отключаюсь., чтобы через минуту услышать тихий голос своей личной горничной:

— Ваше высочество, просыпайтесь. Полдень близится.

— А?!

— Заседание Совета через полтора часа, ваше высочество. Осмелюсь спросить, принцесса, вы намерены облачиться в легендарную броню?

Хороший был бы ход, особенно есть использовать парадный доспех не сразу, а обратиться к амулету во время выступления. Но амулет у Олиса.

— Нет, — коротко отвечаю я, не вдаваясь в подробности, они служанку не касаются.

— Какие будут пожелания, ваше высочество?

— Парадная военная форма. И пригласи леди Бьянку, — старшая фрейлина мне нужна для поручения, которое я не доверю никому больше. Кейте бы доверила, но ей, увы, не по статусу.

Бьянка ожидает в будуаре, так что появляется быстро.

Для принцессы нет ничего неприличного в том, чтобы предстать перед фрейлиной в сорочке и наброшенной поверх “спальной” блузе, от домашнего халата отличающейся только фасоном и названием.

— Доброго утра, ваше высочество.

— Доброго утра, леди Бьянка. Немедленно уточните у его величества, могу ли я, прибыв на совет, воспользоваться императорским входом.

— Да, ваше высочество.

Поклонившись, Бьянка поспешно выходит.

Как следует из названия, императорский вход для императора. Но это не значит, что входом не могут воспользоваться, например, принцы или императрица. Однако в девяносто девяти случаях из ста, наследники и супруга всего лишь сопровождают императора, а не появляюсь самостоятельно. Я же собиралась прибыть в окружении пусть и немногочисленной, но собственной свиты. Я бы рада воспользоваться другим входом, но нет — красиво пройти со свитой другим путём не получится. А какой смысл тащить свиту и оставлять её за порогом, где её никто не увидит?

Сопровождать меня будут лорды и леди Шесс. Не Феликс и Кэтти, а ящеры и ящерицы. Клыки и когти — лучшие аргументы.

Не успеваю я скинуть блузу, как в дверь раздаётся требовательный стук. По одной манере стучать можно догадаться, кто по ту сторону створки. Кивнув Кейте, я разрешаю открыть. В комнату врывается Тери, подлетает ко мне, хватая за плечи, заглядывает в глаза:

— Кресси, это правда?! Он посмел тебя тронуть?

— Эм..., — кто “он”? Артур?

— Я убью этого недобитого контрабандиста! — и Тери разворачивается, чтобы броситься прочь.

А ведь с него станется... убить Феликса.

— Тери, стой!

Тери не слышит.

Я выскакиваю в будуар, пытаюсь догнать брата, и мы проскакиваем ещё пару комнат. В последней я буду вынуждена остановиться, потому что в ночной сорочке по дворцу не бегают. Это во сто крат хуже, чем в драном платье.

Мне везёт — Бьянка ещё не ушла и замедлилась, реагируя на приближающийся топот.

— Останови его, — в запале требую я. Преграждать дорогу кронпринцу фрейлина не имеет никакого права, но Бьянка самоотверженно перекрывает собой проход и склоняется в реверансе.

— Ваше высочество кронпринц Теорий, — её голос звучит неожиданно мягко.

Тери словно на стену налетает и почему-то не приказывает ей убраться, а стоит столбом. Я замечала, что Тери поглядывает на Бьянку, что она ему нравится. Но я и не подозревала, что нравится настолько, что он начнёт изображать дерево. Ха! Капризное зрение перестраивается без видимых причин, и я вдруг вижу, что Тери и Бьянка будут идеальной, гармоничной парой. Осбенно если укрепить тончайшую, едва наметившуюся связь...

Мне бы сперва проверить, что там на концах этой связи, но я вообще ни о чём не думаю, кроме того, что Бьянка — хороший выбор, она надёжная опора для меня и станет не менее надёжной опорой для брата. То, что с политической точки зрения в браке с ней нет никакого смысла, я забываю напрочь. А ещё меня жутко раздражает, что тончайшая связь между ними смотрится слабой, даже болезненной. Словом, портит красивую картинку. И я делаю то же, что делала, работая с Южной короной Олиса — я укрепляю линии. Сейчас у меня

нет помощника шамана, я трачу только свои силы, и на меня наваливается слабость, я делаю шаг к ближайшему дивану и устало оседаю, откидываюсь на спинку.

— Ч-что это? — вдруг спрашивает Бьянка и поднимает кружевной рукав.

— Упс, — выдыхаю я.

Начинаю подозревать, что Хранительницы обитали в храмах не потому что самоотверженно посвящали себя духовному служению роду, а чтобы избежать некоторых... казусов. Вот как сейчас. Я всего лишь увидела энергетическую линию, которую следует напитать силой. А в результате брачный браслет, хранящийся в Малой сокровищнице, материализовался у Бьянки на запястье. И снять она его сможет только после завершения брачного ритуала.

— Кресси?

— Тери, я случайно. Честное слово, случайно. Мне интуиция подсказала, — и, похоже, не только зрение изменилось, но и в целом восприятие реальности, потому что столь безответственные действия не мой стиль. Ну... не совсем мой. Я бываю продуманно безрассудной, как бы нелогично сочетание ни звучало.

— Я тоже хочу, — я с трудом различаю едва слышный выдох, полный отчаяния и жгучей зависти.

Повернув голову, я обнаруживаю, что фрейлины последовали из будуара за мной и теперь толпятся в дверях, а Дьена отделилась от них и прошла вперёд, остановилась скорее ближе ко мне, чем к девочкам.

Я жестом показываю ей подойти.

— Хочешь замуж или кронпринца? — также тихо спрашиваю я, чтобы услышала только она.

Дьена смущается, и в этот раз вроде бы ненаигранно, по-настоящему.

— Принцесса...

Я бы могла ей подкинуть Артура, ведь формально он всё ещё наследник правителя Мергона. Но я не настолько жестока, чтобы отдавать её смеску льдянов и обрекать на выжигание мозгов, которых и так не хватает.

— Если есть магические брачные...

Договорить я не успеваю.

— Есть! — с готовностью отвечает Дьена и протягивает выхваченную из-за корсажа плоскую шкатулку.

Я открываю.

Внутри парные кольца-артефакты. Помнится, мода на кольца любви была лет триста назад, сошла на нет, когда вскрылось, что кольца скорее оковы, чем дорогостоящий романтический атрибут. Ни налево сходить, ни, потеряв супруга или супругу, второй раз жениться.

Дьена для Феликса держала?

Р-р-р.

Злость придаёт сил. Я чувствую себя способной гору свернуть. Или как минимум пакостно отомстить.

Я захопываю крышку — энергетическую структуру артефактов я могу видеть и сквозь материальные преграды, точнее, я вижу структуры, а материя будто призрачная дымка их прикрывает, но не скрывает. Я почти не трачу силы на укрепление артефакта, хотя вижу как это можно сделать, меня нынешние свойства вполне устраивают. Но я добавляю ещё одно.

Женское кольцо я мысленно отправляю на руку Дьены.

— Ох..., — и, судя по её вздоху, кольцо исчезло из шкатулки и появилось на её руке.

Мужское кольцо я мысленно отправляю в безадресный полёт. Пусть летит к кому-то под стать Дьене. Хотя вру. Полёт кольца не совсем безадресный, просто я не понимаю, как применила наследие Рейзан Судьбоносной. Сознательно я формулирую пожелание, а вот исполняется оно уже без участия разума.

Посмотрев, у кого появилось кольцо, я с трудом удерживаюсь, чтобы не присвистнуть. В супруги Дьене достаётся первый придворный повеса и волокита. Юный лорд, усердный в развлечениях и чурящийся работы, не пропускает ни одной юбки и не понимает слова нет. Не в том смысле, что берёт насильно, нет, в насилии он как раз не замечен. Получив отказ, первый придворный волокита с утроенным рвением продолжает добиваться согласия, шлёт цветы, стихи, подарки. Одна стойкая горничная, как я слышала, получила от него за год столько подарков, сколько ей за сто лет уборкой не заработать. Похоже, источник дохода я ей перекрыла.

Возможно, Дьена будет довольна: доставшийся ей жених из очень богатой и знатной семьи.

— Ваше высочество, вам плохо?

— Кресси?! — о, это Тери.

Я открываю глаза. Когда я успела их закрыть? Волшебное зрение больше не работает, да и простое начало капризничать, картинка размытая, полинявшая.

— Мне нужен сладкий чай, — лучше бы отвар по старому рецепту, но я не хочу ни объяснять, ни ждать.

— Да, сию минуту, ваше высочество.

— Почему до сих пор никто не пошёл за целителем?!

— Тери, я всего лишь магически переутомилась. Леди, целитель ненужен. И, — я беру брата за руку, — больше никаких инициатив в отношении моей личной жизни. Своей займись. Тебе ещё с папой по поводу браслета объясняться.

— Мне?! — изумляется Тери.

Я хмыкаю:

— Невеста твоя. Кстати, поздравляю.

— Кресси, я тоже умею быть злым. Скажу Лёку, что мне невесту ты подобрала, Олису тоже подобрала, — девушку я отправила в степь, и вроде бы она была искренне рада всему: и спасению родителей, и возвышению Олиса, и скорой встрече, — а Лёку единственному не подобрала.

Тю, нашёл, чем пугать. Тут бояться надо Лёку. Вдруг возьму и подберу?

Меня немного иное заботит. С одной стороны, я рада за Бьянку, рада от души. С другой стороны.. Невеста кронпринца в иерархии ниже меня. Даже став супругой наследника престола, она останется на ступеньку ниже, потому что она будет просто принцессой, а я останусь принцессой императорской, и выше меня лишь императрица. Но тем не менее, разрыв между нами сокращается, и быть моей фрейлиной Бьянке больше не по статусу.

Я осталась без старшей фрейлины, и я не представляю, кем её заменить. Кэтти ещё не готова. А, впрочем, назначу Кэтти, и пускай барахтается. Она лишь с виду слабая и ведомая. Нужно быть очень стойкой внутри, чтобы из глубокой провинции добраться не просто до столицы, а до ворот дворца.

Мысли текут вяло... Думаю вроде бы о важном, но — проклятье! — я забыла про Совет. А ведь у меня в планах хорошенько напугать

лордов, напугать до мокрых штанов.

Чувствую, именно так и получится.

Эпилог

Вечером я, раскинувшись, лежу на кровати поверх одеяла. Горит ночник, и в его свете я наблюдаю, как через приоткрытое окно в спальню вползает ящерка. Небольшая, всего-то размером с ладонь. Лапки непропорционально тонкие, зато цепкие, и пасть, как я недавно увидела, при внешней миниатюрности открывается бездонная. Ползёт ящерка неторопливо, зато целеустремлённо.

— Феликс, — улыбаюсь я.

Он выпускает длинный раздвоенный язык, словно пробует воздух. Я приподнимаюсь на локте, чтобы лучше видеть. Продолжая меня игнорировать, Феликс перебирается с подоконника на стену, карабкается по ней до упора, а затем по потолку добирается до кровати, зависает точно надо мной. Секунда промедления, и он шлёпается с высоты мне на живот. В последний момент обернувшись, Феликс не приземляется, как я ожидаю, а удерживает себя надо мной на руках.

— Моя принцесса, — мы почти касаемся друг друга носами.

— Да, ящерка?

— Почему вы до сих пор не одеты, моя принцесса?

— Хм? Ты уверен, что “одета” правильное слово?

— Конечно, моя принцесса. Нам предстоит интереснейшая прогулка, которая продлится... дней пять минимум, поэтому, пожалуйста, смените вашу очаровательную сорочку, которую так и тянет с вас стащить, на охотничий костюм, и отправьте его величеству сообщение, что вы отбываете по срочным делам государственной важности. Я всё рассчитал, вернёмся вовремя, как раз к церемонии назначения вас главнокомандующей северной кампанией.

— И что же ты задумал, ящерка?

Одной рукой я обхватываю Феликса за шею, ерошу короткие волосы на затылке. Другой рукой я провожу по его спине между лопаток, вдоль позвоночника и ниже...

Феликс на провокацию лишь ухмыляется и, как я ни стараюсь, стойко держится, хотя глаза выдают желание.

— Поторопитесь, моя принцесса.

И мне не остаётся ничего, кроме как подчиниться. Не требовать же ответ всерьёз...

Феликс не соврал.

Когда он предложил объяснить отлучку государственной необходимостью, я подумала, что это лишь обычная отговорка, прикрывающая романтическую вылазку правильными словами, но оказалось иначе.

Романтикой даже не пахло...

Спустя неполных два дня стремительного забега, Феликс привёз меня к горам Ящерова хребта.

Кстати, если про седло я лишь иногда вспоминала, но дальше намерения сделать заказ не продвинулась, то Феликс подготовился к поездке основательно, позаботился не только о припасах в дорогу, но и о сбруе, и путешествовать на его спине стало по-настоящему комфортно.

— Что мы здесь делаем, ящерка? — спрашиваю я, глядя во мрак разверзшейся под ногами пещеры.

— Наносим визит, разумеется. Обычно никого из разумных вглубь не допускают, но я получил для вас разрешение, моя принцесса.

Зачем? Чтобы встретиться с чешуйчатым главой рода, мне не обязательно лезть под землю. Логичнее, что старый ящер выйдет на поверхность или пришлёт доверенного представителя. Зачем допускать меня к подземным тайнам? Феликс не договаривает. Да и видно, что он почему-то нервничает. Явно, что намечается нечто посерьёзнее знакомства родителей с любимой девушкой. Что именно? Наверное, у Феликса есть причина молчать.

На спуск уходит полдня, и это при том, что я снова путешествую на спине Феликса. Он раздул капюшон и надёжно укрывает меня от острых выступов стен. Иногда Феликс возвращается к человеческому облику, и мы протискиваемся в узкие лазы, в которые крупному ящеру не протиснуться. Дважды я пролезала с большим трудом, а Феликсу и вовсе приходилось принимать малую форму, цепляться за меня и, можно сказать, ехать на мне верхом.

Наконец мы попадаем в широкий тоннель. Стены отшлифованы чуть ли не до зеркальной глади. Первая мысль — вода постаралась. Но туннель сухой. Он выводит нас в зал...

Сперва я принимаю многочисленные изломы за скальные, но, присмотревшись, понимаю, что вижу ящеров. В основном средние и мелкие. Мелкие — это пара-тройка метров в длину. Есть ящер-гигант. Он сам себе гора. Мелочь одномоментно приходит в движение, а ящер-гора тяжело открывает глаза. Пелена, заменяющая веко, медленно поднимается. Жёлтый глаз с чёрным зрачком.

Я исполняю неглубокий реверанс. Из уважения даже не к возрасту, а к древности. Сколько ящеру лет? Тысяча? Не удивлюсь, если больше.

— Посмотри налево, — просит Феликс.

Хм?

Я послушно поворачиваю голову. Часть стены превращена в подобие каменных пчелиных сот. Или шкафа с многочисленными открытыми полками. Ниши не пустуют, приблизительно треть из них заполнены белыми с желтовато-сероватым оттенком шарами. В основном шары мутные, но два ближайших просматриваются хорошо. Сквозь полупрозрачную оболочку видно новорожденную ящерку.

— Яйца.

— Это наша боль, Кресси. Когда-то наш род был весьма многочисленным. Утрачивая человеческий облик при неудачной инициации некоторые начинали жить как звери. Связь двоюродных родственников у людей осуждают, но закон такие браки допускает. У ящеров родство было ещё более дальним. Как видишь, многие рождаются с чешуёй...

— Феликс...

— Ты говорила, что у нашего рода не может не быть аналога вашей Колыбели. Ты даже угадала, что это яйцо. Взгляни.

Ящер-гора приподнимает голову, с заметным усилием разводит лапы.

По форме и правда яйцо. Материал — не представляю. Передо мной будто сгусток материализовавшейся магии, хотя имперские маги убеждены, что материализовать энергию невозможно, только сохранить в особых кристаллах. Это вроде бы не кристалл. Это вообще не понятно что.

— Яйцо, — соглашаюсь я.

— Однажды женой второго сына главы рода стала мергонская принцесса.

— Не слышала о таком.

Как мы такое пропустили?!

— Сейчас я думаю, что мергонцы заранее готовились. Девушку под предлогом хрупкого здоровья не представляли ко двору. Собственно, северяне скрывали сам факт её существования. Девушку отправили поправить здоровье на юг, подстроили нужную встречу, потом легко позволили отказаться от титула.

— Дай угадаю, ящерка. Наследник погиб при подозрительных обстоятельствах, а вскоре мергонская змея стала женой даже не нового наследника, а нового главы?

— Да, моя принцесса, вы невероятно прозорливы. У северной змеи не было детей, основная линия оборвалась, а Яйцо перестало принимать потомков боковых ветвей. Мы связывали это именно с обрывом главной ветви, но теперь я подозреваю, что северянка что-то сделала. Когда-то, как рассказывают семейные предания, в день совершеннолетия потомки Шесс входилили в Яйцо, оставались в нём ночь и раскрывали в себе родовое наследие. После северянки дети выбирались из Яйца в обличье ящеров, навсегда утрачивая человеческий облик. Инициация, которую прошёл я, неправильная. Я получил лишь крохи того, что легенды приписывают моим пращурам.

— И здесь Мергон отметился.

— А где он не отметился? — хмыкает Феликс. — Кресси, помнишь, я сказал, что у тебя хорошо получается разбираться с артефактами, а у меня — с отношениями?

— Конечно, помню.

— Все здесь, кого ты видишь, Шесс. Кресси. И посмотри на Яйцо, посмотри, пожалуйста, так, как только ты можешь. Избавь нас от северной плесени, и род Шесс вернётся. Все, кого ты сейчас видишь, станут людьми, а я стану не последним представителем рода, а одним из многих и многих. Якобы непреодолимое препятствие исчезнет само собой.

Моими стараниями, но не будем придираться.

А если я не смогу? Феликс меня переоценивает.

Но я не позволяю сомнениям отразиться на лице и медленно подхожу к яйцу вплотную. Кожу обдаёт морозом. Я ведь так и не научилась управлять зрением... Но, может, и не нужно учиться? Оно словно лучше меня знает, когда работать, легко перестраивается.

Сияние артефакта почти ослепляет, я вижу искрящийся белый свет.

— Ты тоже провидец, ящерка? — тихо спрашиваю я.

— Моя принцесса?

— Оно и правда на плесень похоже. Серые склизкие лохмотья. Мерзость.

Допустим, северянка была сильной колдуньей. Мергонцы, как выяснилось, веками работали над своей породой. И работали грязно, даже кровью лдянов не побрезговали запачкаться. Но я отказываюсь верить, что я, дочь Рейзан Судьбоносной, слабее. И пусть плесень за века разрослась, я справлюсь.

Какая же гадость!

Я обрушиваю на плесень всю силу своего неприятия, и ближайший серый ком слизи, будто испугавшись, съёживается. Плесень можно выжечь? Почему бы и нет? Я обрабатываю поверхность яйца с такой тщательностью, с какой, пожалуй, никогда не работала, даже когда с Колыбелью возилась. Я ни миллиметра не пропускаю, очищаю начисто, раз за разом проверяю поверхность. И лишь убедившись, что ни малейшего комка, даже размером с маковку, не осталось, устраиваю Яйцу энергетический душ. И это уже не только моя сила, я чувствую поддержку императорских регалий.

Ослепительно белое сияние вырывается из оков, застилает всё поле зрения. Возникает странное ощущение, будто я парю в пропитанном светом молоке. Ощущение невесомости мне знакомо.

Я умерла?! Работа с древними артефактами смертельно опасна, я ведь помню.

Усилием воли я заставляю себя успокоиться. Даже если умерла — ничего нового. Где бы я ни оказалась, надо постараться вернуться, ведь один раз у меня уже получилось. Только где я?

Прислушавшись к ощущениям, я понимаю, что в молоке я не одна. Я уверена, что тот, кого я почувствовала, здесь хозяин и давно знает о моём невольном вторжении. И, пожалуй, я знаю, куда я пришла — в гости к Рейзан. Я ловлю одобрительную улыбку богини и резко просыпаюсь.

— Боги, Кресси, очнись!

— Ящерка, чего шипишь?

Феликс прижимает меня к себе, утыкается носом мне в макушку:

— Кресси... Кресси, ты потеряла сознание на час. Я боялся, что ты уже не очнёшься.

А мне показалось, что я отключилась на какую-то минутку. В теле слабость, но я поднимаю пальцы, касаюсь его щеки, глажу с нежностью, которой от себя не ожидала:

— Прости, что напугала. Я не нарочно. Зато у меня получилось.

— Получилось, — односложно соглашается Феликс, он лишь крепче притискивает меня к себе.

Я продолжаю гладить его.

— Что я видела..., — тяну я, подпуская в голос загадки. С такой интонацией неискушённых маленьких детей отвлекать. Феликс мальчик большой, не ведётся. Но слегка расшевелить его получается.

— Что? — без интереса спрашивает он.

— Видела, как мы присоединим к империи Мергон, и ты станешь герцогом Мергонским. Феликс, ты понял? Мы победили!

— Угу, понял. А ещё что видели, моя принцесса?

Я охотно принимаюсь перечислять:

— Видела свадьбу Тери и Бьянки, видела нашу с тобой свадьбу. А знаешь, что самое интересное? Помнишь, ту горничную, историю которой ты расследовал? Она станет Великой ханшей, причём единственной женой. Не представляю, как Олис это провернёт. Осталось только Кэтти пристроить, да?

— Что?! Кэтти ещё маленькая!

— Убедил, — легко соглашаюсь я. — История Кэтти это другая история.

Конец